

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ТАЦЕНКО Маргарита Сергеевна

**ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале русского и немецкого языков)**

5.9.8. – Теоретическая, прикладная, сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор З.Р. Хачмафова

Майкоп – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ	12
1.1 Основные подходы к исследованию гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в лингвистической науке	12
1.2 Понятия «фемининность» и «маскулинность» в русской и немецкой лингвокультурах	26
1.3 Художественный дискурс как коммуникативно-эстетическое пространство репрезентации гендерных стереотипов.....	47
1.4 Когнитивный и семиотический подходы к анализу гендерных стереотипов в художественном дискурсе.....	54
ВЫВОДЫ.....	68
ГЛАВА 2. КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФЕМИНИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	71
2.1 Субфрейм1. «Гендерная идентичность /Geschlechtsidentität» и его слотовое наполнение.....	74
2.2 Субфрейм 2. «Гендерные роли / Geschlechterrollen» и его слотовое наполнение	104
ВЫВОДЫ.....	141
ГЛАВА 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В АСПЕКТЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ.....	145
3.1 Невербальные семиотические знаки репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе	145
3.2 Прецедентное имя как семиотический знак репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе.....	217
ВЫВОДЫ.....	230
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	232

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	236
--------------------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена проблеме исследования особенностей вербальной репрезентации гендерных стереотипов в художественном дискурсе в аспекте когнитивной лингвистики и невербальной семиотики.

Степень разработанности проблемы. В современной лингвистической науке наблюдается постоянный интерес к изучению особенностей проявления гендера в языке и дискурсе, что находит свое подтверждение в научных исследованиях, посвященных данной проблеме. В зарубежной науке одним из основоположником гендерных исследований в лингвистике можно считать Р.Лакофф [Lakoff, 1973]. Проблемы изучения мужского и женского речевого поведения, взаимосвязи пола и рода в языке, гендерной стереотипизации отражены в исследованиях Д. Таннен, С. Трёмель-Плётц, Л. Пуш [Tannen, 1994; Trömel-Plötz, 1972, 1982; Pusch, 1990]. В отечественной лингвистической науке в постсоветский период начало гендерным исследованиям были положены И.И. Халеевой [Халеева, 1999], А.В. Кирилиной [Кирилина, 1999, 2001, 2004, 2005], М.В. Томской [Кирилина, Томская, 2005]. Гендерную специфику невербальных знаков женской и мужской коммуникации описал Г.Е. Крейдлин [Крейдлин, 2005]. Результаты анализа мотивации выбора грамматических, лексических и стилистических языковых единиц в зависимости от гендерных предпочтений автора художественного текста изложены в работе З.Р. Хачмафовой [Хачмафова, 2011]. Изучению гендерных стереотипов женственности/фемининности и мужественности/маскулинности посвящены труды Т.В. Рябовой [Рябова, 2001, 2003], В.А. Ефремова [Ефремов, 2011, 2016]. Концепции, изложенные в трудах данных ученых, составили теоретическую основу данной диссертационной работы. В лингвистической науке не снижается интерес к гендерным исследованиям, что свидетельствует об актуальности данной проблематики.

Вопросы изучения особенностей языковой репрезентации гендерных концептов и гендерных стереотипов в разных дискурсах и лингвокультурах активно исследуются в диссертационных и монографических работах

последних десятилетий. Например, в рамках исследования гендерных особенностей функционирования невербальных компонентов в коммуникативном поведении языковой личности Н.В. Дутова выявила и описала специфику маскулинного и фемининного русского, английского и китайского невербального коммуникативного поведения [Дутова, 2014].

Е.С. Зиновьева исследует особенности языковой репрезентации представлений о современных мужчине и женщине в дискурсе англо- и русскоязычных мужских и женских глянцевого журналов [Зиновьева, 2018]. Вербализации концептуально-когнитивного фрейма «Идентичность женщины» в английской лингвокультуре посвящена работа Л.П. Мурашовой [Мурашова, 2018]. В диссертации М.А. Гаталовой представлены результаты осмысления особенностей маскулинного и фемининного поведения в условиях делового общения через анализ вербальных и невербальных компонентов коммуникации на материале английского языка [Гаталова, 2019].

К анализу лексическо-семантических средств репрезентации концепта «женщина» в британских газетах начала XX века и начала XXI века обращена диссертация Г.А. Матуновой [Матунова, 2019]. В диссертационном исследовании В.К. Барашян описаны когнитивно-дискурсивные, семиотические и лингвокультурные особенности репрезентации базовых гендерных концептов в совокупности их предметных, образных и ценностных характеристик на материале русского и английского языков [Барашян, 2019].

Изучению структурно-содержательной организации и особенностей функционирования гендерного стереотипа в качестве нормативно-оценочной схемы осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса с точки зрения носителей русского языка посвящена диссертационная работа М.Ю. Товкес, выполненная в рамках междисциплинарного подхода [Товкес, 2023].

Несмотря на многообразие лингвистических работ, посвященных проблеме гендера и гендерных стереотипов, многие вопросы не решены в полной мере и требуют дальнейших научных изысканий. В связи с этим

изучение особенностей вербализации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе с учетом положений когнитивной лингвистики и невербальной семиотики представляется **актуальным** и способствует дальнейшему осмыслению когнитивных механизмов формирования и вербализации гендерных стереотипов.

Актуальность научных подходов обусловлена тем, что проведенное исследование, во-первых, расширяет представления о принципах фреймового моделирования гендерных стереотипов в художественном дискурсе; во-вторых, способствует описанию компонентов невербального коммуникативного поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе. Исследование вербальной репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе на материале русского и немецкого языков способствует установлению универсальных параметров в двух лингвокультурах, что актуально для теории языка, сравнительно-сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии.

Объектом диссертации являются вербальные средства репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественном дискурсах.

Предметом исследования выступают когнитивные и семиотические особенности репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах.

Материалом исследования послужили художественные тексты классической и современной литературы на русском и немецком языках конца XIX – начала XXI вв. В диссертации были использованы данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ: <https://ruscorpora.ru/>) и его параллельного корпуса на немецком языке, а также корпуса немецкого языка «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (DWDS: <https://www.dwds.de/>),

которые располагают художественными текстами разных жанров и разного временного отрезка.

Объем картотеки выборки составил более 2000 лексических единиц и конструкций на русском и немецком языках.

Гипотеза исследования состоит в том, что когнитивная и семиотическая репрезентация гендерных стереотипов в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах отражает устойчивые представления о маскулинности и фемининности в русском и немецком языках и лингвокультурах.

Цель представленного диссертационного исследования заключается в изучении и описании когнитивных и семиотических особенностей репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1) обосновать методику когнитивно-фреймового моделирования для описания гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе;

2) построить фреймовую модель гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе и описать лексическое наполнение выделенных субфреймов и слотов;

3) выявить невербальные (знаковые) компоненты фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе;

4) проанализировать семантику лексических номинаций невербальных знаков фемининности и маскулинности в художественном дискурсе;

5) установить роль прецедентных имен как семиотических знаков в репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе.

Методы исследования. В работе были использованы метод *сплошной выборки* для выявления контекстов манифестации гендерных стереотипов в

художественном тексте; метод *контекстологического и интерпретативного анализа* для выявления и интерпретации языкового материала из художественных текстов; метод *фреймового моделирования* для построения фреймовой схемы гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе; метод *лексико-семантического анализа* для выявления и описания семантики лексических номинантов невербальных знаков фемининности и маскулинности в художественном тексте; метод *лингвокультурного анализа* для установления универсальных параметров и специфики вербальной репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в русской и немецкой лингвокультурах.

Теоретической базой данного исследования послужили концепции и положения, изложенные в научных трудах отечественных и зарубежных ученых по проблемам гендера (Е.И. Горошко 1996, 1997; В.А. Ефремов 2010, 2012; В.В. Катермина 2020; А.В. Кирилина 1997, 1999, 2005, 2010, 2015; И.И. Халеева 1999, 2000; З.Р. Хачмафова 2011, 2021; Р. Унгер 2003, D. Cameron 1992; J. Coates 1995; Н. Kothhoff 1996; R. Lakoff 1973; D. Tannen 1994 и др.; когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев 2000, 2006, 2014; В.З. Демьянков 1996, 2001; В.И. Карасик 2005, 2012, 2022; В.В. Красных 2002, 2003, 2004; Е.С. Кубрякова 2004; В.А. Маслова 2004; Е.В. Рахилина 2018; Г.Г. Слышкин 2002 и др.; невербальной семиотики (Т.Н. Астафурова 2008; Р. Барт 1994; Ф.И. Карташкова 2006, 2014, 2016; Г.Е. Крейдлин 2001, 2003, 2005, 2007; А.В. Олянич 2004, 2014; В.А. Лабунская 1986, 2004; У. Эко 2004 и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. В русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах вербализованные гендерные стереотипы выступают средством конструирования женского и мужского образа, они актуализируют фемининные или маскулинные характеристики внешности, характера, вербального (прямой и внутренней речи) и невербального (авторской речи) поведения, вещного окружения женского и мужского персонажа.

2. Фреймовая модель гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русскоязычном и немецкоязычном художественном дискурсах представляет собой сложную многоуровневую иерархическую структуру субфреймов и слотов с особенностями их взаимосвязи и лексического наполнения в двух лингвокультурах. Субфрейм «Гендерная идентичность / Geschlechtsidentität» реализуется слотами: «Биологическое измерение пола / Biologische Dimension des Geschlechts», «Соматические и физические особенности/ Somatische und körperliche Merkmale» и «Эмоционально-психологические особенности/ Emotionale und psychologische Merkmale». Субфрейм 2. «Гендерные роли / Geschlechterrollen» реализуется слотами: «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika», «Гендерная роль в семье / Geschlechterrolle in der Familie», «Профессиональный статус / Berufsstatus».

3. Невербальные компоненты фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе вербализуются через невербальные семиотические знаки фемининности и маскулинности (знаки-кинемы, проксемические знаки, знаки-процессивы, знаки-просодемы, знаки-колоронимы, знаки-фэшионимы, гастические знаки, ольфакторные знаки).

4. Прецедентные имена выступают в качестве особых лингвокультурных семиотических знаков репрезентации гендерно обусловленных и гендерно мотивированных стереотипных характеристик и поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что исследование стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе проведено с учетом когнитивного и семиотического подходов, что позволило проанализировать вербальную репрезентацию данных категорий как результат процесса концептуализации, стереотипизации и семиотизации. Установлены и описаны структура и содержание семантики стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе в русской и

немецкой лингвокультурах посредством методики когнитивно-фреймового моделирования. Выделены и проанализированы кластеры невербальных семиотических знаков репрезентации фемининности и маскулинности как невербальных компонентов фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе. Выявлены и описаны сферы-источники прецедентных имен как лингвокультурных семиотических знаков актуализации фемининности и маскулинности в художественном дискурсе в русской и немецкой лингвокультурах, что позволило установить специфику их репрезентации.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в дальнейшее развитие отечественной гендерологии, лингвокогнитологии, невербальной семиотики, в расширение представлений об особенностях вербальной репрезентации гендерных стереотипов в художественном дискурсе. Структурирование гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе в виде фреймово-слотовой модели позволило установить особенности концептуализации и стереотипизации образа женщины и мужчины в русской и немецкой лингвокультурах, а также раскрыть культурно-историческую и лингвокультурную специфику их языковой объективации в художественном дискурсе.

Практическая ценность диссертации обусловлена возможностью использования основных результатов и выводов исследования в преподавании вузовских курсов лингвоконцептологии, когнитивной семантики, гендерологии, социолингвистики, лингвокультурологии, лексикологии. Представленный материал диссертации может быть использован в разработке спецкурсов по невербальной семиотике, лингвистическому анализу художественного текста.

Апробация. Результаты диссертационного исследования докладывались на кафедре общего языкознания Адыгейского государственного университета, а также были представлены на научных конференциях разного уровня: на Международной научной конференции

«Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» (Пекин, КНР, 2022); на Всероссийской форсайт-сессии «Язык, культура, образование: вызовы и перспективы» (Волгоград, 2022); на II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Андрея Владимировича Олянича «Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства» (Волгоград, 2022); на IV Международной научно-практической конференции «WORLD OF SCIENCE» Пенза, 2023).

Основные положения и результаты исследования изложены в **9** публикациях, в том числе **5** статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

1.1. Гендерные стереотипы фемининности и маскулинности и основные подходы к их исследованию в лингвистической науке

Гендерный фактор представляет собой одну из важнейших характеристик человека, что вызывает интерес к изучению социальных факторов, определяющих отношение к поведению людей в зависимости от их пола. Гендер является «основным маркером репрезентации социально-культурных и психологических особенностей женской и мужской идентичности, а также фактором формирования гендерных ролей, гендерных стереотипов в социуме» [Хачмафова, Середа 2020: 7].

В 2005 году А.В. Кирилина и М.В. Томская написали, что исследования, «в фокусе которых находится гендер – социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола, – относительно новая отрасль гуманитарного знания» [Кирилина, Томская, 2005]. За эти прошедшие 20 лет гендерные исследования все чаще подвергаются критике, а легитимность таких исследований попадает под сомнение у части научного сообщества. Но вместе с тем следует отметить, что слово «гендер» стало модным не только в научных исследованиях, но и в публичных дискуссиях. Это говорит о том, что интерес к данной проблеме не стихает, а возрастает. На наш взгляд, это связано с тем, что в современном обществе продолжают происходить процессы размывания гендерных границ, уравнивания полов в социальном, экономическом и даже физиологическом планах.

Актуальными и научно значимыми вопросами представляются изучение взаимосвязи биологического пола, гендерных ролей, гендерных стереотипов и социальной среды. Но следует признать, что во многих исследованиях из этой

цепочки взаимосвязи все чаще исключается биологический пол. Биологический пол как основное объяснение различий между женщинами и мужчинами отходит на второй план. А именно эти половые различия (половой диморфизм) мужчин и женщин, по мнению немецкого ученого, профессор биологии университета Касселя У. Кучеры, которые возникли в процессе эволюции человека, являются основными концепциями эволюционной биологии [Kutschera, 2017]. Таким образом, по мнению профессора У. Кучеры, биологические и психические различия женщин и мужчин являются первичными по отношению к социокультурным. Биологические различия между полами формируются пренатальными и постнатальными факторами, особенностями полового созревания, которые определяют поведение мальчика или девочки.

Не согласны с мнением В.Н. Кардапольцевой, которая пишет: «Аксиомой в настоящее время можно считать, что различия по признаку пола не заданы и не закреплены природой [Кардапольцева, 2006: 215]. Как отмечает биолог Зигфрид Шерер в своем интервью христианскому медиажурналу «PRO», биологический пол — это четко определенный термин из репродуктивной биологии. «In der Biologie zeigt das biologische Geschlecht bei sich sexuell fortpflanzenden Arten an, welche Individuen beim Fortpflanzungsprozess große Eizellen und welche Individuen kleine Samenzellen bilden. Die, die große Eizellen bilden, nennt man weiblich, und die, die kleine Samenzellen bilden, nennt man männlich. Das ist querbeet in der gesamten Biologie so» [Gender und biologisches Geschlecht, 2002: URL: <https://www.pro-medienmagazin.de/biologie-scherer-wie-viele-geschlechter-gibt-es/>]. Перевод: В биологии у видов, размножающихся половым путем, биологический пол указывает, какие особи производят большие яйцеклетки, а какие маленькие сперматозоиды в процессе воспроизводства. Те, которые производят большие яйцеклетки, называются женскими, а те, которые производят маленькие сперматозоиды, называются мужскими. Так обстоит дело во всей биологии [Здесь и далее перевод наш – М.Т.]. Далее он предостерегает от навязывания

молодым людям, даже детям смены пола: «Vorsicht bei Geschlechtsumwandlungen. Das wissen Psychologen aber besser als ich. Es gibt eine große Bandbreite an Ursachen, warum ein Mensch sich nicht identifizieren kann mit seinem biologischen Geschlecht. Das muss man ernst nehmen und verantwortlich damit umgehen. Besonders liegen mir da die Teenies am Herzen. Wenn ich lese, dass der Gesetzgeber plant, dass ein Kind mit 14 Jahren ohne die Eltern entscheiden darf, ob es sich umoperieren lässt in seiner Geschlechtszugehörigkeit, dann packt mich das kalte Grausen. Das muss zum Schutz der Kinder verhindert werden. Verstehen Sie mich richtig, ich habe nichts grundsätzlich gegen Geschlechtsumwandlungen. Man muss aber sehr sorgsam abwägen, um sicher sagen zu können, in welchen Fällen das sinnvoll ist. So etwas ist irreversibel und kann ein Leben zerstören». Перевод: Будьте осторожны со сменой пола. Существует широкий спектр причин, по которым человек не может идентифицировать свой биологический пол. Нужно отнестись к этому серьезно и ответственно. Особенно для меня важны подростки. Когда я читаю, что законодательный орган планирует разрешить ребенку в 14 лет самостоятельно решать, хочет ли он сделать операцию по смене пола, меня охватывает леденящий ужас. Это необходимо предотвратить, чтобы защитить детей. Если вы меня правильно поняли, я ничего принципиально не имею против смены пола. Но нужно очень тщательно все взвесить, чтобы с уверенностью сказать, в каких случаях это имеет смысл. Подобная операция необратима и может разрушить жизнь.

Использование термина «гендер» позволяет показать не только биологическую разницу женского и мужского пола, но и социокультурные характеристики представителей разных полов. О.Б. Максимова отмечает, что «в любом социуме общепринятые гендерные отношения не являются биологически детерминированными, не задаются от природы, но определяются и конструируются социально. Соответственно, в современном обществе понятие гендера определяется в переменных культуры, а не через биологию или природу» [Максимова, 2021: 10]. Гендер является «одним из

способов социальной стратификации общества, который в сочетании с такими социально-демографическими факторами, как раса, национальность, класс, возраст организует систему социальной иерархии» [Трофимова, 2000: 35]. Таким образом, данный термин помогает разграничивать биологический пол (sexus) и социокультурный пол (gender). Отметим, что данный термин «гендер» активно используется в психологии, социологии, языкознании.

Гендер рассматривается как степень проявления индивидом маскулинности и фемининности. «Традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности – феминности отличалась следующими характерными чертами: мужские и женские виды деятельности и личные качества различались очень резко и казались полярными; эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись ненарушаемыми; мужские и женские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими – женщине отводилась зависимая, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов» [Словарь гендерных терминов, 2002: 62].

Борьба женщин США за свои права усилилась в конце 60-х и начале 70-х годов и стала толчком для создания и укрепления нового женского движения, которая дала сильнейший толчок для гендерных исследований на Западе. В течение 1970-х годов она превратилась в сильное международное движение [Push, 1984]. Женщины из «Нового женского движения» пришли к выводу, что общество патриархально, что они обязаны, по мнению мужчин, заниматься семьей, домашним бытом и детьми, что исключены из профессии, политики, культуры. Мужское доминирование распространяется, по мнению женщин, не только на общественную жизнь, но и также на саму женщину, ее тело, ее эмоциональность, а также на ее мышление и речь [Samel, 2000].

В рамках гендерных исследований возникает новое направление в языкознании – феминистская критика языка или феминистская лингвистика. По мере возрастания роли женщин в борьбе за свои социальные и

политические права, возростал интерес к данной проблеме, что также привлекло внимание к этой теме со стороны лингвистов. Интерес лингвистов заключался в вопросе, до какой степени проявляется дискриминация женщин и в языке. Отправной точкой является предположение, что дискриминационные действия часто являются также языковыми действиями. [Trömel-Plötz 1978]. Дискриминация женщины очень часто выражалась в том, например, каким образом к ней обращались или вообще не обращались, в том, что ее речь могла быть прервана, неверно трактована, высмеяна [Trömel-Plötz 1978]. Феминистская лингвистика имеет дело, с одной стороны, с сексистским использованием языка, а с другой — с гендерно специфичной речью.

Еще В. фон Гумбольдт уже признал особенность женского языка. «Женщины склонны выражать себя более естественно, деликатно и в то же время мощно, чем мужчины. Их язык есть более верное зеркало их мыслей и чувств» [Гумбольдт, 1827: 205].

Таким образом, в ходе нового женского движения в 1970-х гг. возникли первые дискуссии об отношениях между языком и полом.

Долгое время «гендер» был в первую очередь категорией, которая обсуждалась в академических женских и гендерных исследованиях. Во всем мире есть много университетов, которые научно изучают и преподают развитие гендерных отношений на курсах «Гендерные исследования». В 1997 году Университет имени Гумбольдта в Берлине стал первым университетом в Германии, который учредил трансдисциплинарную степень магистра гендерных исследований. Тем временем появилось много других курсов «Гендерные исследования». В ходе реализации стратегии учета гендерной проблематики термин «гендер» был оторван от академического контекста и теперь появляется во многих местах в политических и повседневных дискуссиях.

В немецкой гуманитарной науке самыми известными стали работы С. Трёмель-Плётц «Linguistik und Frauensprache» («Лингвистика и женский язык») [Trömel-Plötz 1978] и Л. Пуш «Das Deutsche als Männersprache» («Немецкий –

язык мужчин») [Pusch, 1983]. В США одной из основополагающих работ феминистской лингвистики стала книга Р. Лакофф «Язык и место женщины», опубликованная в 1973 году.

В 60-е годы XX века возникли социолингвистические гендерные исследования. В центре внимания исследователей социолингвистического направления была в первую очередь фонетическая сторона языка. Одной из основных работ в рамках социолингвистических гендерных исследований является труд У. Лабова «Вариации в языке», в котором изучались записи интервью с мужчинами и женщинами.

В 70-е годы XX века появляются кросскультурные и лингвокультурологические исследования на основе широкого материала разных языков мира. Концепты мужественности и женственности не являются универсальными и различаются в разных культурах в зависимости от того, что принято в том или ином обществе. В 80-е годы XX века появилось биодетерминистское направление. Точка зрения биодетерминистов основывается на межполушарной асимметрии мозга у мужчин и женщин, а также на разном гормональном балансе. Этими фактами объясняются когнитивные различия представителей разных полов.

Таким образом, если кратко охарактеризовать современное состояние гендерных исследований за рубежом, то можно выделить несколько актуальных направлений. 1. Феминистская теория и критика, как одно из центральных направлений гендерных исследований. Представители данного направления сосредоточены на изучении вопросов равенства полов, борьбе с дискриминацией и насилием, а также на критике патриархальных структур в обществе. 2. Представители постфеминизма и интерсекциональности исследуют аспекты идентичности, например, раса, класс, сексуальная ориентация и др. 3. В рамках постколониального феминизма исследователи сосредоточены на описании опыта женщин в постколониальном контексте, их положения в бывших колониях и странах третьего мира. 4. Недавно возникло такое направление как, а квир-теория. В квир-исследованиях предметом

изучения являются нетрадиционная сексуальная и гендерная идентичностей, а также проблема деконструкции бинарных понятий «мужчина» и «женщина». последователи данного направления предлагают альтернативные способы понимания и интерпретации гендерных ролей. 5. Трансгендерные исследования. В данном случае изучается опыт людей, чья гендерная идентичность отличается от той, которая была назначена им при рождении. 6. Исследование маскулинности сосредоточено на изучении и описании мужских гендерных ролей и идентичности в контексте современного общества. Большое внимание исследователи уделяют вопросам токсичной маскулинности, насилия, гендерных стереотипов и кризису мужской идентичности.

Различие поведения, в том числе и речевого, мужчин и женщин довольно активно исследовалось в СССР в условиях отсутствия феминистского движения. После революции в 1917 году в Советском государстве женщины получили равные гражданские права с мужчинами. Женщины имели право получить высшее образование, осваивать любые профессии и работать в любой сфере, даже в традиционно «мужской». Профессии летчика, инженера, тракториста активно осваивались женщинами в молодом государстве. В Советском государстве приветствовалось активное участие женщин в социальной и политической жизни страны наравне с мужчинами. Женщины в данный период времени получили колоссальные свободы и права, о которых не могли мечтать женщины стран Европы и США.

Изучение пола в советском языкознании носило во многом прикладной характер. Решались прикладные вопросы, связанные с криминалистической экспертизой. Например, исследование С.М. Вул, Е.И. Горошко «Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа» [Вул, Горошко, 1992] и работа С.М. Вул, А.П. Мартынюк «Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа» [Вул, Мартынюк, 1987].

Особенно активно проводились гендерные исследования в постсоветское время. Лаборатория гендерных исследований Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) организует регулярные международные конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». В статье «Лингвистические гендерные исследования» авторы, А.В. Кирилина и М.В. Томская, выделяют три основных направления в России:

1. Социо- и психолингвистическое направление, в рамках которого исследуется русское языковое сознание через письменные и устные тексты, ведётся полемика о первичности/вторичности природного и социального аспекта гендерных различий (вопрос о правомерности гипотезы межполушарной асимметрии);

2. Лингвокультурологическое направление, занимающееся изучением специфики и функционирования русских стереотипов маскулинности и фемининности, гендерных асимметрий, гендерных метафор, наполненности культурных концептов «женственность» и «мужественность», гендерной стороны фразеологии;

3. Коммуникативно-дискурсивное направление, изучающее языковое конструирование гендера в коммуникации мужчин и женщин в различных ситуациях, а также особенности речевого поведения представителей женского и мужского пола [Кирилина, Томская, 2005].

Гендер является продуктом культуры, отражающим представления общества о мужественности и женственности, или маскулинности и фемининности. Фемининность и маскулинность – не просто признаки биологической принадлежности, а социально и культурно обусловленные понятия, включающие также категорию оценки индивида обществом. Гендер – это понятие, которое «используется для обозначения всех тех социальных и культурных норм, правил, ролей, приписываемых людям обществом в зависимости от их биологического пола» [Трофимова, 2002; Новикова, 1998: 4]. По мнению Н.Л. Пушкарёвой, гендер можно определять как «комплексное

переплетение отношений и процессов и в то же время как фундаментальную составляющую отношений социальных, укоренённую в культуре, содержащую элементы устойчивости и изменчивости, представляющую одну из основ стратификации общества по признаку пола и в то же время рассматриваемой в неразрывной связи с его биологическими функциями» [Пушкарёва, 1999: 22]. Мы видим, что Н.Л. Пушкарева акцентирует внимание на неразрывной связи социального пола и биологического пола.

Прежде всего, нам нужно раскрыть понятие «стереотип», который достаточно активно используется в различных областях науки, например, в психологии, социологии, философии, лингвистике.

Стереотип – это «форма обработки информации и состояния знаний» [Словарь когнитивных терминов, 1996]. Исторически введение понятия стереотипов (греч. Stereos — жесткий, твердый, твердый и typos — фиксированная норма, характерный отпечаток) восходит к печатнику Фирмину Дидо, впервые употребившему его в 1798 г. для обозначения процесса печати. Этот термин проник в социальные науки благодаря журналисту Уолтеру Липпману (1922). В своей книге «Общественное мнение» он использовал его для описания образов в наших головах, которые протискиваются между нашим внешним миром и нашим сознанием как шаблонное и схематизированное воображаемое содержание. Стереотипы он рассматривает как шаблонные, схематичные «картинки» в голове человека, детерминированные культурой. Стереотип – это «стандартизированный, устойчивый, эмоционально-окрашенный и ценностно-насыщенный образ социального объекта» [Липпман, 2004: 46]. У. Липпман выделяет следующие основные признаки стереотипа: повторяемость; неизменность; редуцированность; оценочность.

Начало социально-психологических исследований концепции стереотипов обычно отождествляют с исследованием, проведенным Д. Кацем и К. Брейли [Katz, Braly, 1933], получившим известность, прежде всего благодаря введению процедуры списка свойств, которая была стандартным

измерительным инструментом в исследовании стереотипов долгое время. Д.Кац и К.Брэйли определяют стереотипы как «фиксированное впечатление, лишь немного согласующееся с реальностью, которое исходит из того, что мы сначала судим, а потом смотрим». В более поздних определениях стереотипы понимаются как «набор представлений о членах социальной группы» или как «ассоциация набора характеристик с категорией». Особенностью дефиниций стереотипов является их познавательная направленность, которая не в последнюю очередь вытекает из попытки разграничить понятие стереотипов от понятия предубеждения, которое изначально более заметно.

Стереотип – это «характеристики, которые описывают членов социальных групп или категории, приписываются им или ассоциируются с ними» [Донцов, Стефаненко, 2008: 170]. Стереотип – это «представление о предмете, оформленное в определенной общественной рамке и определяющее, чем этот предмет является, как он выглядит, как действует, как трактуется человеком и т. п., при этом представление, закрепленное в языке, доступное через язык и относящееся к коллективному знанию о мире» [Бартминский, 1995: 7]; это «стандартное представление о чём-либо, стандартное понимание языкового выражения, включающее в себя весь набор актуальных для говорящих коннотаций» [Клубков, 2000: 224].

Стереотип как «когнитивно-языковой феномен» формируется и получает распространение исключительно с помощью языковых средств [Косяков, 2009]. Как отмечает В.А. Ефремов, стереотип – это не только «культурно-детерминированный знак, но и его вербальная составляющая, находящая отражение на всех уровнях и срезях национального языка» [Ефремов, 2010: 18].

В науке предлагаются различные классификации стереотипов. Например, по мнению Т.В. Николаевой, в речевом поведении следует выделить три вида стереотипов: 1) речевой стереотип (фрагмент высказывания, включенный в контекст); 2) коммуникативный стереотип (клишированные обороты и этикетные формулы, типичные для определенной

речевой ситуации); 3) ментальный стереотип (стремление мыслить дуальными, либо градуальными категориями) [Николаева, 2000: 167]. Выделяют также экономические стереотипы, социальные стереотипы, этнические стереотипы.

Стереотипы являются «некоторым “представлением” фрагмента окружающей действительности, фиксированной ментальной “картинки”, являющейся результатом отражения в сознании личности “типového” фрагмента реального мира, неким инвариантом определённого участка картины мира» [Красных, 2002: 177]. Стереотип, по определению В.В. Красных, есть некий фрагмент картины мира, существующий в сознании; некоторый образ-представление, это ментальная «картинка», некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представления о предмете или о ситуации [Там же: 179]. В исследованиях В.В. Красных подробно изучаются особенности формирования и функционирования стереотипов и выделяет два типа стереотипов: стереотипы поведения и стереотипы-представления. Стереотипы поведения хранятся в сознании в виде штампов и являются инвариантами деятельности, определяют коммуникативное поведение в той или иной коммуникативной ситуации. Стереотип-представление это «некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ, представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа, представления] национально-культурной маркированности при определённой предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [Там же: 178].

Понятие «гендерный стереотип» раскрывается в «Словаре гендерных терминов» следующим образом: «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [Словарь гендерных терминов, 2002: 65].

А.В. Кирилина рассматривает гендерные стереотипы как частный случай социального стереотипа со всеми его свойствами. Гендерные стереотипы – «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» и отмечает, что «гендерная стереотипизация фиксируется в языке на всех его уровнях» [Кирилина, 1999: 99].

Гендерные стереотипы в психологии определяются как «социально конструируемые категории “маскулинность” и “фемининность”, которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» [Унгер, 2003: 57]; «упрощенный, устойчивый, эмоционально окрашенный образ поведения и черт характера мужчин и / или женщин. Данные стереотипы проявляются во всех сферах жизни человека: в самосознании, в межличностном общении, межгрупповом взаимодействии» [Дусказиева, 2010: 42].

Понятия «фемининность» и «маскулинность» являются одними из ключевых в гендерных исследованиях и обозначают психические и поведенческие свойства и черты, присущие мужчинам (маскулинность) или женщинам (фемининность), а также содержат различные социальные представления, мнения, установки о том, какими являются мужчины и женщины, и какие качества им приписываются. В понятиях «маскулинность» и «фемининность» отражены также «нормативные эталоны идеального мужчины и идеальной женщины» [Гаранович, 2020: 29].

Гендерные стереотипы – «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Слышкин, 2002: 66]. «упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные, устойчивые

образы мужчин и женщин, распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей тех или иных представителей» [Кирова, 2009: 139]; «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [Коноплева, 200: 65].

По мнению М.В. Гаранович, гендерные стереотипы подразделяются на стереотипы маскулинности/фемининности, т.е. «оценочные представления общества о поведении и характеристиках мужчин и женщин, и стереотипы речевого поведения мужчин/женщин, т.е. оценочные представления о моделях речевого поведения» [Гаранович, 2011: 8]. Таким образом, в лингвистической науке исследования гендерных стереотипов ведутся в основном в двух направлениях – это исследование стереотипов маскулинности/фемининности и стереотипов речевого поведения мужчин/женщин.

Восприятие человека (женщины или мужчины) происходит автоматически и основывается на гендерных стереотипах, т.е. на обобщенных представлениях, «образах в голове». Гендерные стереотипы включают в себя определенное поведение, навыки, характеристики и внешний вид, которые мы ожидаем от женщин и мужчин [Deaux, Lewis, 1984]. Гендерные стереотипы не только описывают, какими должны быть мужчины и женщины, а также предписывают, какими должны быть мужчины и женщины [Prentice, Carranza, 2002]. Гендерные стереотипы рассматриваются как ожидания или представления о том, какими характеристиками могут обладать женщины и мужчины в социуме [Hannover, 2006; Eckes, 2010].

Таким образом, гендерные стереотипы можно представить как когнитивные структуры, которые содержат социально разделяемые знания о характеристиках женщин и мужчин [Ashmore, Del Boca, 1979], [Eckes, 1997]; «когнитивные схемы», предназначенные для упрощения обработки социальной информации [Athenstaedt, Alfermann, 2011].

Как отмечает О.В. Рябов, разграничение понятий фемининность и маскулинности идет с античных времен, когда «мужское начало трактовалось

как аполлоновское начало формы, идеи, инициативы, активности, власти, ответственности, Логоса, культуры, личности, разума, абстрактного понятийного мышления, сознания, справедливости. Женское начало – как дионисийское начало материи, пассивности, подчинения, природы, рода, чувства, инстинктивности, бессознательного, конкретного мышления, милосердия» [Рябов, 1997: 29]. В оппозиции «мужское-женское» женское начало всегда являлось ущербным по отношению к мужскому. Долгое время действовал «приоритет мужского начала с присущими ему характеристиками и оправдывающим подчиненную социальную позицию женщин в обществе» [Жеребкина, 2001: 391]. В философии, социологии и психологии данный подход называется фаллоцентризмом.

В современной лингвистической науке наблюдается постоянный интерес к изучению особенностей проявления гендера в языке и дискурсе, что находит свое подтверждение в диссертационных исследованиях.

В докторской диссертации Е.С. Гриценко раскрыть роль стереотипов в концептуализации мужественности и женственности как культурных категорий, описаны дискурсивные и когнитивные механизмы конструирования тендера и способы их лингвистического описания. [Гриценко, 2005]. Она пришла к выводу, что лингвистическое описание гендера может вестись «в рамках двух моделей: когнитивно-прагматической, объясняющей механизм конструирования гендерных смыслов в аспекте их порождения и интерпретации, и стилистической, ориентированной на выявление и описание «поверхностных» языковых составляющих гендерного дисплея (набора семиотических маркеров мужественности и женственности)» [Гриценко, 2005: 12].

Изучив существующие определения гендерных стереотипов, мы определили для себя рабочее определение. Гендерные стереотипы – это стандартные обобщённые представления о качествах, атрибутах и нормах поведения женщины и мужчины в социуме и их отражение в языке, а также

оценочные представления о моделях фемининного и маскулинного коммуникативного поведения.

К важным аспектам исследования стереотипов фемининности и маскулинности в гуманитарной науке следует отнести: изучение связи между биологическим полом и социальными ролями; описание культурных представлений о фемининности (женственности) и маскулинности (мужественности); изучение влияния экономических, политических и социальных факторов на формирование стереотипов фемининности и маскулинности; изучение трансформации стереотипов фемининности и маскулинности с течением времени.

Таким образом, категории «фемининность» и «маскулинность» отражают характеристики и качества, присущие женщине и мужчине как биологического пола, а также поведенческие паттерны женщины и мужчины, зависящие от культурных и социальных норм.

1.2 Понятия «фемининность» и «маскулинность» в русской и немецкой лингвокультурах

В рамках данной диссертационной работы понятия «фемининность» и «маскулинность» рассматриваются как гендерные стереотипы и гендерные концепты. Безусловно, между этими понятиями есть достаточно тесные точки соприкосновения, однако есть и некоторые различия. Их нельзя трактовать идентичными понятиями. Для того, чтобы разобраться в специфике наполнения содержания данных терминов нам следует подробно проанализировать существующие в современной гуманитарной науке дефиниции и научные подходы к их разграничению.

Ключевыми понятиями, которыми оперируем в данной работе, являются «фемининность», «маскулинность», «женственность», «мужественность». В рамках исследования гендерных стереотипов фемининности и маскулинности необходимо провести анализ особенностей формирования и функционирования данных понятий в русском и немецком языках на основе

анализа лексикографических источников. Термин «фемининность» (феминность) понимается как «характеристики, связанные с женским полом» [Большой толковый социологический словарь, 1999: 208]; «характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе» [Гидденс 1999: 680]; «комплекс психологических и характерологических особенностей, традиционно приписываемых женщинам» [Большая психологическая энциклопедия, 2007].

Согласно лексикону по психологии Дорша (Dorsch Lexikon), гендерные стереотипы (нем. Geschlechterstereotype) понимаются следующим образом: «[engl. gender stereotypes, sex-role stereotypes], [PER, SOZ], Stereotype, die sich auf die soziale Kategorie Geschlecht beziehen. Geschlechterstereotype bestehen aus als wünschenswert angesehenen Attributen, die «der» Mann oder «die» Frau haben soll, je nach herrschendem Leitbild von Männlichkeit (Maskulinität) oder Weiblichkeit (Femininität). Daneben enthalten sie auch neg. Festlegungen, welche Attribute nicht entwickelt werden sollen. Die Attribute beinhalten vorwiegend Persönlichkeitseigenschaften (wie dominant oder sanft), daneben aber auch äußere Merkmale, Verhaltensweisen sowie Interessen. Geschlechterstereotype sind wie andere Stereotype auch einerseits deskriptiv, d. h., sie beschreiben, wie Männer und Frauen in einer best. Gesellschaft wahrgenommen werden, andererseits sind sie auch präskriptiv, d. h., sie def., wie Männer und Frauen sein sollten. Werden präskriptive Geschlechterstereotype verletzt, können Ablehnung oder soziale Sanktionen wie z. B. backlash folgen. Geschlechterstereotype sind eng mit Geschlechterrollen verknüpft, die Entstehung von Geschlechterstereotypen wird u. a. mit der Sozialen Rollentheorie erklärt» [Dorsch Lexikon der Psychologie, URL: <https://dorsch.hogrefe.com/stichwort/geschlechterstereotype#search=47949fcee12b811ff9fd9246eaaee000&offset=2>]. Перевод: Гендерные стереотипы – это полоролевые стереотипы, связанные с социальной категорией пола. Гендерные стереотипы состоят из атрибутов, которые считаются желательными и которыми должны обладать «тот» мужчина или «эта» женщина, в зависимости от преобладающей модели маскулинности

(мужественности) или фемининности (женственности). Кроме того, они также содержат негативные определения того, какие атрибуты не следует развивать. Атрибуты в основном включают в себя личностные черты (например, доминантный или нежный), а также внешние характеристики, поведение и интересы. По сравнению с мужским гендерным стереотипом, женский гендерный стереотип со временем изменился сильнее. Из-за более широкого участия женщин в сфере труда женщинам все чаще приписывают мужские характеристики

Маскулинность и фемининность (от лат. *masculus* – мужской и *femininus* – женский) в русском научном дискурсе трактуются как нормативные представления о «соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин» [Психология: Словарь, 1990].

В научных исследованиях довольно часто используют термины «фемининность», «маскулинность» и «женственность», «мужественность» в качестве синонимичных. На наш взгляд, их необходимо разделять.

Как пишет в своей диссертации В.А. Ефремов, «общеславянский корень *žen- (жен-), обозначающий лицо женского пола детородного возраста, восходит к и.-е. *gēn-, глубинная семантика которого связана с идеей рода и его продолжения: лат. *genus* – ‘просхождение’, ‘род’; греч. γυνή – ‘жена’, γυνήα – ‘рождение’; ‘род’. При этом затемнение внутренней формы в современном языке не свидетельствует о ее забвении: этимологическое значение, даже утраченное сознанием носителя языка, продолжает играть роль направляющего фактора развития семантики лексической единицы» [Ефремов, 2010: 12].

По данным этимологического словаря русского языка М. Фасмера слово жена (*zena*) имеет значение «женщина, жена» от индоевропейского *qēns* то же, греч. γυνή, беот. βανά «жена», вошло в обиход в XII в. [Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера, URL: <https://vasmer.slovaronline.com/3822-ZHENA>]. Слово *женщина* по «Толковому словарю русского языка» имеет следующее значение: «1. Лицо,

противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью. 2. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения» [Толковый словарь Ожегова, URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7696>].

Слово «фемининность» в русском языке – это отвлеченное имя существительное по значению прилагательного «фемининный»: «характерный для женщин» [Толковый словарь Ефремовой, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/280774/%D1%84%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>].

Онлайн-карта слов и выражений русского языка предлагает следующие синонимы к слову «фемининность»: *женское начало, реактивное образование, культурный паттерн, избегание неопределённости, бинарные оппозиции, теория социальной идентичности, всемогущий контроль, ролевой конфликт, рациональные функции, психологический пол, переходный объект, биологический пол, материнский комплекс, первичный нарциссизм, психические структуры, бессознательные фантазии, двойственные изображения, образ тела и др.* (<https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D1%84%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>).

Словарь синонимов ASIS В.Н. Тришина предлагает два синонима к слову «фемининность»: *женственность и феминность*. [Тришин, URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/240167/%D1%84%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C].

По данным Национального корпуса русского языка слово «фемининность» употребляется в сочетаниях: *маскулинность, сегрегация, гаронтофилия, релятивизм, амбивалентность, фундаментализм, универсализм, конфликтность* и др. (см. рисунок 1).

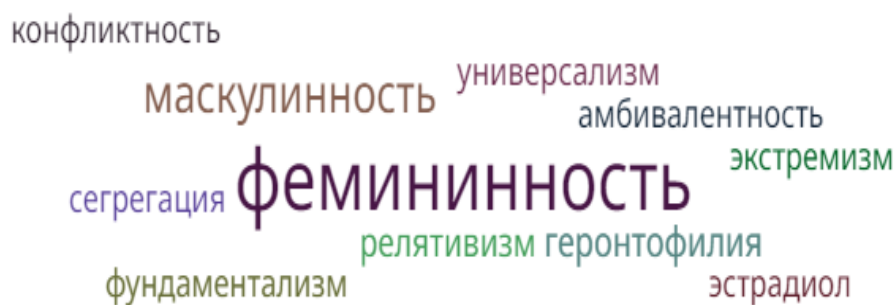

Рис.1. Портрет слова «фемининность» по данным НКРЯ

Слово «женственность» – это отвлеченное имя существительное по значению прилагательного «женственный». Слово *женственный* согласно данным «Толкового словаря русского языка» связывается «с качествами, свойствами женщины, мягкий, нежный, изящный. Женственная натура. Женственная внешность» [Толкового словаря русского языка, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/56206>].

В качестве синонимов к слову «женственность» в русском языке можно выделить следующие слова: *хрупкость, округлость, мягкость, нежность, фемининность, женскость, красота, прелесть, миловидность, пригожество, изящество, плавность, subtilность, элегантность, привлекательность* и др.

Визуализацию ассоциаций к слову «женственность» по данным словаря ассоциаций русского языка «Sociation.org» можно представить в виде облака данного слова [Словарь ассоциаций русского языка, URL: <https://sociation.org/labs/wordcloud/#%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>].

присущая, мягкая и др.; с глаголами: *утратить, подчеркивать, сохранять, проявлять, придавать, сохранить, потерять, чувствовать*.

Маскулинность (от лат. *masculus* – «мужской») – это «характерные для мужского пола данного существа внешний вид, внутренние качества и модели поведения. Термин не указывает на принадлежность к мужскому полу» [Большая энциклопедия по психиатрии, 2012].

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера можно найти слово «мущина» и его значение: «обычно *мужчина*. Из **мжжъщина* от прилаг. *мжжъскъ* (мужской, муж), аналогично *жэница* – от **жэньска* (см. Соболевский, Лекции 111) [Этимологический словарь русского языка, III, 1987: 21]. Рассмотрим этимологию слова «муж»: «род. п. -а, укр. муж, др.-русск. мужь, ст.-слав. мжжъ ѡвнѣр, болг. мъжѣт (Младенов 313), сербохорв. му̑ж, словен. мо̑ж, род. п. мо̑жа̑, чеш., слвц. muž, польск. mał, род. п. ме̑жа, в.-луж., н.-луж. muž. Несомненно родственно др.-инд. mánuṣ (mánu-, mánuṣ-) м. “человек, муж”, авест. manuš-, гот. manna, др.-исл. ма̑др, мн. menn, сюда же лат.-герм. Mannus – имя прародителя германцев (Тацит) [Этимологический словарь русского языка, II, 1986: 670].

Этимологический словарь Вольфганга Пфайфера предлагает следующее значение слова «Mann»: «*erwachsener Mensch männlichen Geschlechts, Ehemann*’. Die germ. Formen ahd. (8. Jh.), mhd. man (Genitiv mannes) ‘Mensch (männlichen Geschlechts in gereiftem Alter), Krieger, Ehemann, Sohn, Diener’, asächs. mnd. mnl. nl. man, afries. mon, man ‘Mensch, Mann’, aengl. man(n), mo(n), engl. man, anord. mannr, ма̑др, schwed. man, got. manna sind vergleichbar mit aind. mánuḥ (mánu-, mánuṣ-) ‘Mensch, Mann, Menschheit’ und lat. (aus dem Germ.) Mannus Stammvater, Gott der Germanen (Tacitus) und führen großenteils auf ie. *manu- oder *monu- (nordgerm. oder westgerm. -nn- daher aus -nu-, während die got. Form möglicherweise einen alten n-Stamm germ. *mannan- voraussetzt). Demgegenüber weisen aslaw. мо̑жь, russ. muž (муж) ‘Ehemann, Gatte’ auf ein ie. Gutturalsuffix in Verbindung mit -ja-. Man stellt die genannten Bildungen meist zur Wurzel ie. *men(ə)- ‘denken, geistig erregt sein’ (s. mahnen) und nimmt eine

Ausgangsbedeutung ‘denkendes Wesen’ an. Aber auch Anknüpfung an die Wurzel ie. *men- ‘hervorragend, emporragen’ (wofür lat. mōns ‘Berg’) wird erwogen, so daß Mann ‘Mensch’ als ‘das Aufragende, das aufrecht gehende Wesen’ zu erklären wäre» [Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Mann>].

Слова «мужчина» и «Mann» обозначают взрослого человека мужского пола в противоположность женскому полу. Анализ этимологической презентации данных слов в русской и немецкой лингвокультурах позволяет констатировать универсальность формирования гендерного стереотипа маскулинности в языковом сознании двух этносов, относящихся к индоевропейской лингвокультуре.

Словарь гендерных терминов дает следующее определение маскулинности: «комплекс установок, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола. Маскулинность – это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли» [Словарь гендерных терминов, URL: <http://www.owl.ru/gender/197.htm>].

Как отмечает А.В. Кирилина, «маскулинность – категория исключительно гендерная, мужественность – понятие нравственности. Не каждый, даже очень маскулинный мужчина, может проявлять мужественность» [Кирилина, 2000: 39], т.е. не всякий мужчина может быть мужественным, и не всякая женщина может быть женственной.

Согласно данным «Психологического словаря» маскулинность – это «комплекс психологических особенностей, традиционно приписываемых мужчинам. Это – сила, жестокость и пр.» [Психологический словарь, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/1001>].

Синонимом слова «маскулинность» выступает слово «мужественность». В качестве связанных слов и выражений к слову «маскулинность» в русском языке можно выделить следующие слова: *маскулинность, амбивалентность, дистанцирование, мужественность, доминантность, гомосексуал,*

интериоризация, детерминация, самораскрытие, акцентирование, самодостаточность, лидерство, типологизация, субкультура, сакрализация, негативизм, конформизм, элитаризм, авторитарность, феминизация, нарциссизм, репрессивность, конфликтность, стереотип, доминирование и др. [Карта слов и выражений русского языка, URL: <https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>].

По данным Национального корпуса русского языка частотными сочетаниями слова «маскулинность» являются: *фемининность, правительственность, релевантность, мультикультурализм, нормативность, аттитюд, тотемизм, гностицизм, постмодерн* и др. [НКРЯ, <https://ruscorpora.ru/word/main?req=%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&gr=S>]. (см. рис.4).

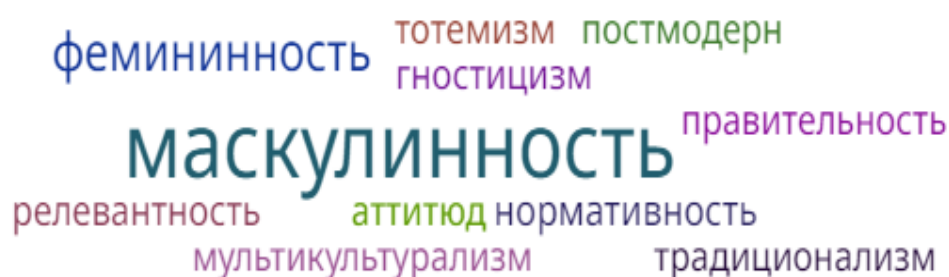

Рис.4 Портрет слова «маскулинность» по данным НКРЯ

Слово «мужественный», согласно данным «Толкового словаря русского языка», обозначает: «1) Отличающийся мужеством; стойкий, энергичный, храбрый. 2) Выражающий мужество, силу. 2. прил. устар. 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: муж (2*1), мужество (2*), связанный с ними. 2) Отличающийся

духовной, нравственной зрелостью» [Новый словарь русского языка, URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-47577.htm>].

По данным Национального корпуса русского языка слово «мужественный» употребляется в сочетаниях: *сильный, мужественный человек, мужественный и железный, мужественный вид, мужественный и отважный, архетипично-мужественный, рисковый и мужественный, мускулистый и мужественный, мужественный профиль, мужественный небритый блондин, мужественный красавец, мужественный и выносливый, мужественный подбородок, мужественный рыцарь, мужественный и суровый, мужественный и неустрашимый, мужественный и твердый, мужественный отпор* и др. (см.рис.5).

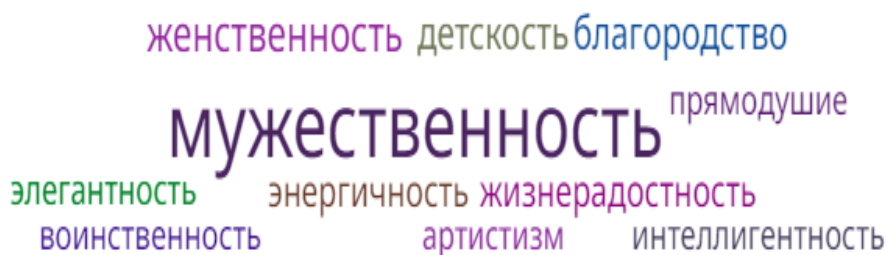

Рис. 5. Портрет слова «мужественность» по данным НКРЯ

В качестве синонимов слова «мужественность» в русском языке можно выделить следующие слова: *решительность, твёрдость, непреклонность, молодцеватость, бескомпромиссность, жёсткость, неумолимость, самоуверенность, дерзость, неколебимость, непоколебимость, мужество, решимость, стойкость, постоянство, настойчивость, упорство, бесстрашие, храбрость, смелость, отвага, неустрашимость, героизм, энергичность, активность, несгибаемость, безбоязненность* и др. [Карта слов и выражений русского языка, URL: <https://kartaslov.ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D1%8B-%D0%BA-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%83/%D0%BC%D1%83%D0%B6>

характера женщины и мужчины (женственная и нежная женщина; мужественный и смелый мужчина).

Рассмотрим слова «Männlichkeit», «Maskulinität», «Weiblichkeit», «Femininität» по лексикографическим источникам немецкого языка.

Лексикон психологии Дорша предлагает следующую дефиницию понятия «Femininität»: [engl. femininity; lat. femina Frau], Femininität beinhaltet versch. Attribute, die als typischer für Personen des weiblichen Geschlechts angesehen werden. Dazu gehören (expressive oder kommunale) Persönlichkeitseigenschaften (z. B. «einfühlsam», «gefühlvoll»), Einstellungen und Werte (z. B. «familienorientiert»), Verhalten (z. B. «für andere sorgend») und Merkmale der äußeren Erscheinung (z. B. «lange Haare» oder «gut angezogen») [Dorsch-Lexikon der Psychologie, URL: <https://dorsch.hogrefe.com/stichwort/femininitaet>]. Перевод: Фемининность включает в себя различные качества, которые считаются более типичными для людей женского пола. К ним относятся (экспрессивные или коллективные) черты личности (например, «чуткий», «эмоциональный»), установки и ценности (например, «ориентированный на семью»), поведение (например, «забота о других») и характеристики внешнего облика (например, «забота о других»). например, «длинные волосы» или «хорошо одетый».

По словарю Дудена «Femininität» имеет следующее значение: das Femininsein, feminine Art [DUDEN, URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Femininitaet>].

Синонимом данного слова является слова «Fraulichkeit», «Weiblichkeit».

Слово «feminin» имеет следующее объяснение: 1. weiblich. 2. [abwertend] weibisch, weichlich, unmännlich [<https://www.dwds.de/wb/feminine>].

По данным корпуса DWDS профиль слова «feminin» отображает следующие типичные соединения (см. рис.7).

Detalliertere Informationen bietet das DWDS-Wortprofil zu ›feminin‹.

Ableitung Adjektiv Attribut Ausstrahlung Bezeichnungsform
 Einschlag Eleganz Endung Form Genus Gesichtszug
 Hosenanzug Kleid Kleidung Look maskulin
 Masochismus Mode Nomen Personenbezeichnung
 Plural Pronomen Schnitte Seite Silhouette Singular
 Substantiv Suffix Touch Zug

Рис.7. Профиль слова «feminin» по данным DWDS

Можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся коллокации слова «feminin»: *maskulin*, *Substantiv*, *Genus*, *Endung*, *Touch*, *Silhouette*, *Nomen*, *Gesichtszug*, *Look*, *Personenbezeichnung*, *Bezeichnungsform*, *Masochismus*, *Plural*, *Eleganz*, *Einschlag*, *Suffix*, *Pronomen* и др.

Слово «Weiblichkeit» обозначает: 1. weibliche Art, weibliches Wesen;
 2. [umgangssprachlich] ...a) Gesamtheit der (anwesenden) Frauen, b) Frau
 [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/Weiblichkeit>].

В качестве синонимов установлены следующие слова: *Frau Weiblichkeit*
Frauen *Frauenwelt* *Frauenvolk* [Woxikon,
 URL: <https://synonyme.woxikon.de/synonyme/weiblichkeit.php>].

По данным корпуса DWDS профиль слова «Weiblichkeit» отображает следующие типичные сочетания (см. рис.8).

Detailliertere Informationen bietet das DWDS-Wortprofil zu ›Weiblichkeit‹.

akzentuieren Attribut betonen Erotik Fest geballt gelebt
 hold Ideal Ikone imaginiert inszeniert Klischee
 Modernität Männlichkeit Mütterlichkeit prall pur
 selbstbestimmt selbstbewußt Sexualität Symbol toxisch
 unterstreichen verkörpern verleugnen verstecken widmen üppig

Рис.8. Профиль слова «Weiblichkeit»

Можно выделить следующие наиболее чаще встречающиеся коллокации слова «Weiblichkeit»: с существительными: *Männlichkeit, Mütterlichkeit, Konstruktion, Klischee, Ideal, Vorstellung, Modernität, Erotik, Sexualität* и др.; с прилагательными и причастиями: *hold, imaginiert, inszeniert, prall, geballt, selbstbewußt, toxisch* и др.; с глаголами: *verleugnen, akzentuieren, verstecken, verkörpern, unterstreichen, widmen, inszenieren, definieren* и др.

Немецкое слово «weiblich» согласно данным немецкого корпуса языка DWDS имеет следующие значения:

1. dem gebärenden Geschlecht angehörend [scherzhaft] (ein weibliches Wesen) eine Frau die Frucht hervorbringend
2. zu einer Frau gehörend, von einer Frau für eine Frau passend
3. besonders typisch für eine Frau, wie es einer Frau gemäß ist.
4. Sonderbedeutungen [<https://www.dwds.de/wb/weiblich>].

В качестве синонимов можно выделить следующие слова: *weiblich, empfindlich, weich, feminine, nachgiebig, flau, pimpelig weibisch verzärtelt unmännlich, zartbesaitet* [Woxikon, URL: <https://synonyme.woxikon.de/synonyme/weiblich.php>].

По данным корпуса DWDS профиль слова «weiblich» имеет следующие типичные считания (см. рис.9).

Рис.9. Профиль слова «weiblich» по данным DWDS

Можно выделить следующие наиболее чаще встречающиеся коллокации слова «weiblich»: с существительными: *Geschlecht, Vorname, Hauptrolle, Körper, Führungskraft, Fan, Blüte, Hauptfigur, Figur, Tier, Wesen, Brust, Sexualität* и др.; с прилагательными: *männlich, zwitterig, maennlich, fertile, jugendlich, homosexuell* и др.

Лексикон психологии Дорша предлагает следующую дефиницию слова «Maskulinität»: «[engl. masculinity; lat. masculinus männlich], [GES, PER, SOZ], Maskulinität beinhaltet versch. Attribute, die als typischer für Personen des männlichen Geschlechts angesehen werden. Dazu gehören (instrumentelle oder agentische) Persönlichkeitseigenschaften (z. B. «dominant», «aggressiv»), Einstellungen und Werte (z. B. «karriereorientiert»), Verhalten (z. B. «Risiko und Abenteuer suchend») und Merkmale der äußeren Erscheinung (z. B. «muskulös»). Maskulinität enthält sozial erwünschte wie unerwünschte Komponenten. Früher wurde Maskulinität als das eine Ende einer bipolaren Dimension angesehen, deren anderes Ende Femininität darstellte. Von Männern wurde dementsprechend erwartet, dass sie möglichst maskulin und wenig feminin sein sollten» [Dorsch -

<https://dorsch.hogrefe.com/stichwort/maskulinitaet>]. Перевод: Мужественность; Латинское masculinus men], [ГЕС, ПЕР, СОЗ], мужественность включает в себя различные признаки, которые рассматриваются как более характерные для людей мужского пола. К ним относятся (инструментальные или агентные) черты личности (например, «доминантный», «агрессивный»), установки и ценности (например, «ориентированный на карьеру»), поведение (например, «стремление к риску и приключениям») и характеристики внешнего облика (например, «стремление к риску и приключениям»). например, «мускулистый»). Мужественность содержит как социально желательные, так и нежелательные компоненты. Раньше мужественность рассматривалась как один конец биполярного измерения, другим концом которого была женственность. Поэтому от мужчин ожидалось, что они будут как можно более мужественными и менее женственными.

Слово «maskulin» в немецком языке имеет следующее значение: 1. a) für den Mann charakteristisch, männlich; b) betont männlich; in Bezug auf die äußere Erscheinung: das Männliche betonend; c) als Frau männliche Züge habend, nicht weiblich. 2. [Sprachwissenschaft] mit männlichem Geschlecht [<https://www.dwds.de/wb/maskulin>]

Слово «Maskulinität» является производным от слова «maskulin»: 1. ...

a) für den Mann charakteristisch, männlich;

b) betont männlich; in Bezug auf die äußere Erscheinung: das Männliche betonend;

c) als Frau männliche Züge habend, nicht weiblich.

2. [Sprachwissenschaft] mit männlichem Geschlecht [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/maskulin>].

Синонимы к слову «maskulin»: *kräftig, tapfer, männlich, viril, mannhaft, kräftig, tapfer, kühn, mutig, bedenkenlos, forsch, verwegen, kämpferisch, heldenhaft, unerschrocken, tollkühn* и др. [Woxikon, URL: <https://synonyme.woxikon.de/synonyme/maskulin.php>].

По данным корпуса DWDS профиль слова «maskulin» отображает следующие типичные соединения (см. рис.10).

Рис.10. Профиль слова «maskulin» по данным DWDS

Можно выделить следующие наиболее чаще встречающиеся коллокации слова «maskulin»: *feminine, Personenbezeichnung, Substantiv, Genus, Nomen, Plural, Endung, Wortform, Personalpronomen, Pronomen, Geschlecht, Stereotyp, Dominanz, Pose, Erscheinungsbild, Ausstrahlung.*

Слово «Männlichkeit» согласно DWDS используется в значении «männliches Wesen» [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/M%C3%A4nnlichkeit>].

Словарь Дудена предлагает в качестве синонимов слова «Männlichkeit»: *Glied, Penis, Phallus* [<https://www.duden.de/synonyme/Maennlichkeit>].

Близкими по значению можно рассматривать следующие слова: *Potenz, Größenordnung, Wirkung, Befugnis, Einfluss, Gewalt, Wirksamkeit, Aussagekraft, Macht, Vollmacht, Stromversorgung, Leistungsfähigkeit, Mächtigkeit, Tapferkeit, Durchsetzungsfähigkeit, Fähigkeiten, Kompetenzen* [Buchstaben.com, URL: <https://www.buchstaben.com/synonym/m%C3%A4nnlichkeit?page=1>].

По данным корпуса DWDS профиль слова «Männlichkeit» имеет следующие типичные считания (см. рис.11).

Typische Verbindungen zu ›Männlichkeit‹ (berechnet)

DWD

Detalliertere Informationen bietet das DWDS-Wortprofil zu ›Männlichkeit‹.

archaisch **Attribut** **Bastion** Begriff berauben **Beweis** beweisen
definieren fragil geballt **gekränkt** **hegemonial** heroisch
heterosexuell Ideal Inbegriff Insignien kraftvoll **Krise** **Lehrjahr**
marginalisiert **muskelbepackt** normiert Ritual **soldatisch**
Symbol **toxisch** verkörpern **Weiblichkeit** wiederentdecken

Рис.11. профиль слова «Männlichkeit»

Можно выделить следующие наиболее чаще встречающиеся коллокации слова «Männlichkeit»: с прилагательными: *toxisch, hegemonial, gekränkt, soldatisch, normiert, muskelbepackt, heroisch, marginalisiert, heterosexuell, archaisch, geballt, fragil, kraftvoll, krieglerisch, aggressiv, dominant* и др.; с глаголами: *beweisen, wiederentdecken, berauben, verkörpern, definieren, demonstrieren, zweifeln, strahlen, versichern, stärken* и др.; с существительными: *Weiblichkeit, Ehre, Stärke, Macht, Mut, Gewalt* [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wp/M%C3%A4nnlichkeit>].

Немецкое слово «männlich» имеет следующие значения: 1. dem zeugenden Geschlecht angehörend dem befruchtenden Geschlecht angehörend; 2. zu einem Mann gehörend, von einem Mann für einen Mann passend; 3. besonders typisch für einen Mann, wie es einem Mann gemäß ist [DWDS, URL: <https://www.dwds.de/wb/m%C3%A4nnlich>].

По данным корпуса DWDS профиль слова «männlich» отображает следующие типичные сочетания (см. рис.12).

Typische Verbindungen zu ›männlich‹ (berechnet)

DWDS-Wortprofil

Detailliertere Informationen bietet das DWDS-Wortprofil zu ›männlich‹.

Рис.12. Профиль слова «männlich» по данным DWDS

Можно выделить следующие наиболее чаще встречающиеся коллокации слова «männlich»: *weiblich*, *Vorname*, *Kollege*, *Nachkomme*, *Geschlecht*, *Hauptrolle*, *Blüte*, *Tier*, *Juvenilities*, *Erbe*, *zwittrig*, *Person*, *Pendant*, *Jugend*, *Hormon*, *Verwandte*, *Sexualhormon*, *Geschlechtsorgan*, *Hauptfigur* и др.

В большинстве случаев слова *Weiblichkeit* и *Femininität*, а также *Männlichkeit* и *Maskulinität* по немецким лексикографическим источникам рассматриваются взаимозаменяемыми понятиями.

Анализ семантико-смысловых актуализаций слов *weiblich*, *feminine*, *Weiblichkeit* и *Femininität* показал, что семантика данных слова содержит в себе то, что считается типично женским, отражает характеристики, присущие женщине. И соответственно, семантика слов *männlich*, *maskulin*, *Männlichkeit* и *Maskulinität* отражает типично мужские, т.е. присущие мужчине, характеристики.

Фемининность и маскулинность это комплекс телесных, психических и поведенческих особенностей, рассматриваемые как мужские (присущие мужчине) и женские (присущие женщине), т.е. гендерные роли. А понятия женственность и мужественность являются категориями нравственными,

которые обозначают приписываемые обществом положительные черты характера женщины и мужчины (*женственная и нежная женщина; мужественный и смелый мужчина*).

Относительно разграничения терминов «фемининность» / «женственность» и «маскулинность» / «мужественность» согласимся с мнением М.А. Севеловой о том, что «введение в оборот социогуманитарных наук терминов «маскулинность/фемининность» вполне оправданно, так как оно позволяет избежать оценочных коннотаций, характерных для терминов «мужественность/женственность» [Савелова, 2011: 44]. Таким образом, мы разграничиваем понятия женственность и фемининность, мужественность и маскулинность ввиду того, что женщина может быть мужественной, а мужчина может быть женственным.

Понятия «фемининность» и «маскулинность» мы рассматриваем как совокупность соматических, психических и поведенческих признаков, которые отличают женщину от мужчины и мужчину от женщины. То, что считается типично женским или типично мужским, считаются гендерными стереотипами или ролевыми клише.

Маскулинность/фемининность – это категории, обозначающие:

- 1) комплекс физиологических, психических и поведенческих особенностей женщины и мужчины;
- 2) систему предписаний, т.е. нормативный эталон мужественности и женственности;
- 3) совокупность социальных представлений о мужчине и женщине.

Важно отметить, что понятия «мужчина» и «женщина» связаны с понятием «пол», а понятие «гендер» коррелирует с понятиями «маскулинный» и «фемининный» как социокультурный конструкт.

В работе мы анализируем стереотипы поведения и стереотипы-образы, т.е. представления о фемининных и маскулинных физических, физиологических и поведенческих характеристиках, одежде, аксессуарах. На наш взгляд, гендерные стереотипы следует рассматривать как

сформировавшиеся в культуре обобщенные представления о маскулинных и фемининных поведенческих характеристиках мужчины и женщины в социуме. Гендер определяется, прежде всего, не только биологическими факторами, а социокультурными представлениями о роли женщины и мужчины в обществе. Одежда, прически, фильмы, музыка, литература и многое другое делятся по гендерному признаку. Гендерные стереотипы как лингвокогнитивные феномены вербализуют представления о мужском и женском поведении, о мужских и женских социальных ролях, о гендерной стратификации общества

Соотношения маскулинности и фемининности в разных этнокультурах имеют определенные отличия. Француженки, несмотря на распространение феминистского движения в Европе, не настолько эмансипированы, как, например, американки и немки. Элизабет Бадентэр по этому поводу пишет, что, «если оставить в стороне полемику и взаимные критические замечания, разъединяющие мужчин и женщин, француженка никогда полностью не прерывала диалога со своим сообщником» [Бадентэр, 1995: 18]. В связи с этим, актуальным представляется исследование вербальной репрезентации гендерных стереотипов в художественном дискурсе в двух лингвокультурах – русской и немецкой.

Биологический пол относится к физическим и физиологическим различиям между мужчинами и женщинами, таким как хромосомы и репродуктивные органы. Социальный пол относится к созданным человеком ролям, поведению и деятельности, которые считаются «мужскими» или «женскими». На наш взгляд, биологический пол и социальный пол взаимосвязаны. Гендерные стереотипы описывают характеристики, способности, поведение и внешний вид, которых мы ожидаем от людей, поскольку воспринимаем их как женщин или мужчин.

1.3 Художественный дискурс как коммуникативно-эстетическое пространство репрезентации гендерных стереотипов

Комплексный анализ гендерных стереотипов фемининности и маскулинности, на наш взгляд, возможен только в случае изучения особенностей актуализации стереотипных представлений о внешности, характере и моделях поведения женщины и мужчины в дискурсе, в нашем случае в художественном дискурсе. Анализ отдельных лексем не дает полное представление о специфике формирования, содержания и функционирования гендерных стереотипов в языковой картине мира определенной лингвокультуры.

Интерес к изучению гендерных стереотипов в художественном дискурсе объясняется во-первых, антропоориентированностью художественного текста, т.е. человек – это «его центр, та семантическая доминанта, которая обуславливает принципы организации текста, и в совокупности создает текстовое единство» [Дымарский, 1999: 118]; во-вторых, «языковое выражение феминности и маскулинности наиболее ярко проявляется на текстовом уровне» [Кирилина, 2004: 134]. Т.А. Гридина справедливо отмечает, что художественный текст, являясь продуктом «авторского субъективного миромоделирования, вместе с тем отражает и ту картину мира, которая задана языковой реальностью» [Гридина, 2013: [http](#)]

Таким образом, ввиду того, что язык художественного произведения может выступать «в роли определенной художественной модели мира, являясь вторичной моделирующей системой» [Лотман, 1970: 61], художественный дискурс выступает способом трансляции гендерной картины мира и, соответственно, гендерных стереотипов фемининности и маскулинности.

Прежде чем раскроем достаточно сложно понятие «художественный дискурс» или точнее будет «литературно-художественный дискурс» необходимо раскрыть понятие «дискурс», а также соотношения понятий «текст» и «дискурс».

Дискурс – это «высказывание, речевой акт текстопорождения, включающий в себя слушающего наравне с говорящим и рассматриваемый как “коммуникативное событие социокультурного взаимодействия” (Ван Дейк) субъекта, объекта и адресата» [Тюпа, 2008: 60].

По мнению В.В. Красных, дискурс следует рассматривать, во-первых, как вербализованную речемыслительную деятельность, во-вторых, как совокупность процесса и результата, который обладает как лингвистическими, так и экстралингвистическими особенностями. Она отмечает, что дискурс как результат представляет собой совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. Понимание дискурса как процесса позволяет представить его как вербализуемую («здесь и сейчас») речемыслительную деятельность. Согласно утверждению ученого, дискурс имеет два плана: лингвистический и лингвокогнитивный. По ее мнению, лингвистический аспект связан с языком, «манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [Красных, 2001: 200].

Для данного исследования актуальным является понимание дискурса как результата в виде совокупности порожденных текстов и процесса порождения и восприятия текстов, в контексте и пресуппозиции. Дискурс понимается нами как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами»; «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [Арутюнова, 1990: 136]; «коммуникативное событие между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями» [Тюпа, 2009: 273].

Термин дискурс используется нами как родовое понятие по отношению к терминам текст и произведение, являющимся видовыми понятиями. Текст и дискурс соотносятся друг с другом как причина и следствие. «...дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в его неразрывной связи

с ситуативным контекстом, определяющим все, что существенно для порождения данного высказывания / текста...» [Чернявская, 2004: 20].

По определению В.Г. Борботько, дискурс – это «тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько, 1981: 8]. Данное определение, на наш взгляд, подходит для осмысления художественного дискурса.

«Литературный дискурс семиотически может быть определен как дискурс, в котором предложения-высказывания и вообще выражения интенционально истинны, но не обязательно экстенционально истинны (экстенционально неопределенны). Это дискурс, интенционалы которого не обязательно имеют экстенционалы в актуальном мире, и который, следовательно, описывает один из возможных миров» [Степанов, 1983: 23].

Художественный дискурс – это «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства» [Фещенко, 2021: 30].

Л.А. Манерко, разграничивая понятия «художественный текст», «текст художественной литературы» и «художественный дискурс», пишет, что последнее «следует понимать как явление динамичное, имеющее отношение к динамике понимания взаимодействия текстового и концептуального-смыслового пространства, помогает понять не только его семантику и семиотику, но и связать это явление с «вертикальностью» текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [Манерко, 2013: 112].

Самым сложным является определение корреляций между художественным текстом и художественным дискурсом. Дискурс относится к «актуально произнесенному тексту, а «текст» представляет собой

абстрактную грамматическую структуру произнесенного» [Ван Дейк, 1998: 194]. Художественный дискурс представляет собой «материальную фиксацию процесса художественной коммуникации и рассматривается как целенаправленное социальное действие: процесс взаимодействия автора и адресата с языковыми социально-интеракционными и культурными правилами» [Плеханова, 2009: 75].

«Назначение художественной коммуникации – эмоционально-образное воздействие на адресатов, направленное на возбуждение индивидуальных переживаний, имеющих трансцендентный смысл, который выходит за рамки повседневного обиходного опыта. Важнейшей характеристикой такого общения является фасцинация – очарование, возникающее в ходе эстетически и этически значимого восприятия реальности. Художественная коммуникация строится на использовании широкого диапазона различных языковых знаков и сложных ассоциаций, имеющих символическую ценность для участников общения» [Карасик, 2022: 63]. Отличие художественного дискурса от художественного текста заключается в том, что художественный текст исследуется с учетом экстралингвистических факторов, например, когнитивного, социально-культурного, психологического, коммуникативно-прагматического и др. Следует отметить, что художественный текст является продуктом дискурсивной деятельности автора. Как отмечает Г.Н. Манаенко, «любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности» [Манаенко, 2005: 30]. Литературно-художественный дискурс рассматривается как «разновидность личностно-ориентированного бытийного дискурса» [Карасик, 2014: 147].

В художественном дискурсе концептуализируются и вербализуются представления о фемининности и маскулинности, а языковое пространство художественного текста выступает в роли определенной художественной

модели мира, т.к. именно язык моделирует универсум, являясь вторичной моделирующей системой.

Изучение процесса стереотипизации образа женщины и мужчины в художественном дискурсе позволяет более глубоко осмыслить особенности формирования категорий фемининности и маскулинности в русской и немецкой лингвокультурах. В рамках изучения гендерных стереотипов как схематизированных обобщенных образов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе, следует подробно рассмотреть понятие «художественный образ».

Большой толковый словарь русского языка предлагает следующее значение слова «образ»: «1. Внешний вид, облик; наружность, внешность. 2. Живое, наглядное представление, возникающее в воображении, мыслях. 3. Филос. Форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира. 4. Обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления. Тип, характер, созданный писателем, художником, артистом» [Большой толковый словарь русского языка: <http://gramota.ru/slovari/dic>]. Художественный образ – это не просто отражение действительности, а ее художественное обобщение, продукт идеализации или типизации явлений действительности [Фесенко, 2008: 14]; это целостное образование, результат творческого отражения действительности и творческой деятельности в области словесного искусства [Чернова, 2014: 114].

Образ понимается как «совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроцессуальных и процессуальных характеристик человека, стихийно формирующихся в сознании другого лица (лиц, группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти, воображения и получающих отражение в языковых формах» [Чернова, 2011: 13]. С.В. Чернова отмечает, что к «непроцессуальным» характеристикам относятся внешность, одежда, вещный мир как отражение личности, социальное

происхождение, система ценностей, пристрастия, желания, интеллектуальные и душевные качества и т. д., а к «процессуальным» – жизненный путь как отражение биографии, модель поведения (цели и мотивы действий, предпочтение того или иного вида деятельности), образ действий в различных ситуациях, характер принятия решений и верификация [Чернова, 2014: 190].
Художественный образ – это система «конкретно-чувственных средств, выражающую художественно освоенную характерность реальной действительности» [Волков, 1995: 75]; это «конкретная и в то же время обобщенная картина бытия, отражающая в той или иной мере мировосприятие художника слова, созданная им при помощи вербальных средств и художественно-композиционных приемов и имеющая эстетическое значение» [Борисова, 2010: 39]. Е.Н. Карташова отмечает, что художественный образ в лингвистическом понимании – это «одновременно конкретная и обобщенная картина бытия, созданная художником слова при помощи вербальных средств и характеристик невербального поведения» [Карташова, 2021: 8].

Образ женского/мужского персонажа художественного дискурса мы рассматриваем как совокупность стереотипных физических, физиологических, интеллектуальных и эмоциональных качеств женщины/мужчины. Таким образом, стереотипы фемининности и маскулинности выступают средством конструирования женского и мужского образа в художественном дискурсе.

Особенности репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности изучается на основе анализа вербального и невербального поведения персонажа художественного текста. Вербальное поведение персонажа женщины или мужчины реализуется в его прямой или внутренней речи. Невербальное поведения персонажа реализуется преимущественно авторской речью. В данном аспекте интересным представляется подход Л. Н. Чурилиной, которая выделяет «во-первых, речевые фрагменты, репрезентирующие прямые высказывания персонажа, т. е. его дискурс; во-вторых, текстовые фрагменты, относящиеся к неперсонажной субъектной

речевой сфере, т. е. те, которые являются характеристиками персонажа с различных сторон: его портрета, поведения, оценки, особенностей его восприятия действительности; в-третьих, текстовые фрагменты, репрезентирующие высказывания и оценки других персонажей о нем [Чурилина, 2002: 201].

Ю.В. Клюкина в своем исследовании гендерных стереотипов внешнего портрета человека на материале русскоязычной и англоязычной художественной прозы начала XXI века пришла к заключению, что «гендер как социокультурный конструкт детерминирует особенности восприятия и оценки внешнего облика человека. Маскулинность / фемининность личности является компонентом гендерной идентичности и представляет собой не только совокупность личностных черт и особенностей поведения, но и внешних характеристик, присущих мужчинам и женщинам» [Клюкина, 2011: 8]. В рамках нашего исследования интересным представляется работа Л.А. Ермаковой, которая посвящена выявлению гендерно маркированных языковых средств формирования образа мужчины и женщины в поэтических текстах М. Цветаевой [Ермакова 2018]. Она отмечает, что гендер представляет собой «когнитивный феномен, который конструируется индивидом в процессе коммуникации, а также закрепляется в языке в виде гендерных стереотипов, которые в свою очередь частично воспроизводят сведения о гендерных концептах. Комплексный филологический анализ художественного текста способен раскрыть содержание гендерных стереотипов и концептов, актуальных в период определённого отрезка времени» [Клюкина, 2011: 62]. Исследованию художественного дискурса с точки зрения гендерного фактора посвящена диссертация Е.А. Кузнецовой, которая описала системно-функциональный аспект репрезентации «образа женщины» как гендерного стереотипа в британском художественном дискурсе [Кузнецова, 2012]. В диссертационном исследовании С.В. Михайловой представлены результаты анализа особенностей объективации фемининной идентичности в художественном дискурсе конца XVII века [Михайлова, 2012]. Фемининная

идентичность, отмечает автор, «является социальным конструктом, в котором аккумулированы конвенциональные и идеологические представления о фемининности в определенной культуре» [Там же: 8]. Лексическо-семантические средства репрезентации концепта «женщина» как социально и гендерно обусловленной модели на материале британских газет проанализированы в диссертации Г.А. Матуновой. Она отмечает, что концепт «женщина» «может быть смоделирован на основе анализа лексических пар, противопоставленных друг другу по оценочному признаку» положительное – отрицательное», в оппозициях “мужчина – женщина” и “норма – отклонение”, как внутри самого концепта женщина, так и в противопоставлении с концептом мужчина» [Матунова, 2019: 10].

Художественный дискурс, будучи частью культурного контекста определенной лингвокультуры, активно участвует в процессе формирования, трансляции и закрепления гендерных стереотипов. В художественном дискурсе «актуализируется отрефлексированный индивидуумом опыт с помощью имеющегося в национальном языке набора гендерных стереотипов» [Хачмафова, Середа, 2020: 74]. Таким образом, вбирая в себе черты национальной культуры и индивидуально-авторского мировоззрения, художественный дискурс отражает специфику формирования и трансляции гендерных стереотипов, тем самым закрепляя существующие или разрушая их. Художественный дискурс отражает все изменения, происходящие в глобальном мире и культурном сообществе. Этим и объясняется ценность изучения стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе в двух разных лингвокультурах, хотя и принадлежащих к общей европейской культуре.

1.4 Когнитивный и семиотический подходы к анализу гендерных стереотипов в художественном дискурсе

Изучение механизмов репрезентации гендерных стереотипов в языке и дискурсе в рамках дальнейшего осмысления взаимосвязи языка,

мышления и культуры остаётся актуальным для лингвистической науки, несмотря на множество исследований и неугасающий интерес к данной проблеме. В основе гендерной стереотипизации лежат когнитивные механизмы формирования устойчивых представлений о маскулинности и фемининности.

Когнитивная лингвистика и семиотика тесно связанные друг с другом научные направления. Как отмечает А.В. Кремнева, главным основанием для «сближения когнитивного и семиотического подходов является, прежде всего, общность их объекта исследования, в качестве которой выступает семантика языкового знака, при этом сближение осуществлялось через преодоление того, что разделяло эти два направления: абсолютный объективизм семиотики и чрезмерный субъективизм когнитивистики, что, в конечном счете, способствовало сближению и взаимодействию системоцентрического и антропоцентрического подходов к изучению центральной проблемы лингвистики – проблемы значения» [Кремнева, 2018: 222].

Когнитивная лингвистика и семиотика находят самые тесные точки пересечения в изучении понимания сущности базовых психических процессов категоризации, стереотипизации. Когнитивный и семиотический подходы к исследованию категорий фемининности и маскулинности в художественном дискурсе позволяют рассматривать данные категории как результаты процесса концептуализации, стереотипизации и семиотизации.

Как известно, когнитивная наука представляет собой науку, «которая объединяет то, что известно о разуме и мыслительных способностях человека из многих научных дисциплин: психологии, лингвистики, антропологии, философии и компьютерной науки» [Лакофф, 2004а: 9]. Когнитивную науку отличает ярко выраженная междисциплинарность и интегративность, что выражается в привлечении разнообразных знаний языке, мышлении и сознании, что обуславливает актуальность многочисленных гуманитарных исследований в рамках данной науки. Когнитивная лингвистика может быть определена как «направление, в центре внимания которого находится язык как

общий когнитивный механизм» [Демьянков, 1994: 21]. Е.С. Кубрякова рассматривает данную науку как науку о знаниях и познаниях, «о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведённых в определённую систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов. Большинство принимает определение когнитивной науки, согласно которому она представляет собой науку о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [Кубрякова, 1994: 35]. Базовые понятия когнитивной науки «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», «концептуализация», «категоризация».

Часто повторяющаяся в научных работах цитата Е.С. Кубряковой, очень четко и емко определяет понятие категоризации: это «главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем средство одних явлений в противовес различию других. Важно поэтому попытаться понять, на основании каких критериев человек выносит подобное суждение и разносит увиденное, услышанное или прочувствованное по определенным группировкам» [Кубрякова, 1992: 97]. Категоризация – это «когнитивное расчленение реальности, сущность которой заключается в делении всего онтологического пространства на различные категориальные области. Это структурирование мира, акт отнесения слова / объекта к той или группе, либо установление иерархических отношений» [Маслова, 2008: 41]. Концептуализация – это «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека <...>, «сквозной» для разных форм познания процесс структуризации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц» [КСКТ, 1996: 93].

Е.В. Урысон определяет концептуализацию как «способ членения мира, характерный для того или иного языка» [Урысон, 1998: 3]. По мнению А.А. Залевской, концептуализация – это «преломление в сознании человека окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними» [Залевская, 1999: 5]. Е.Ю. Бутенко рассматривает концептуализацию как «процесс формирования/образования концептуальных характеристик относительно явлений, понятий, феноменов лингвокультуры в сознании ее носителей» [Бутенко, 2013: 55]. По мнению Е.В. Рахилиной концептуализация – это «определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании» [Рахилина, 2008: 7].

Конструирование гендера рассматривается как «когнитивная деятельность имплицативного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм/сигналов с гендерными представлениями, являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры» [Гриценко, 2005, 12]. Стереотипизация является наиболее распространенным и «эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей» [Воронина, 1992: 16]. Таким образом, с позиций когнитивной лингвистики гендерные стереотипы рассматриваются в непосредственной связи с гендерными концептами.

Как отмечает В.А. Ефремов, одним из способов структурирования концепта является «освоение языковой личностью вербализованных стереотипов мышления и поведения» [Ефремов, 2009: 193]. Концепт, отражая «ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [Пименова, 2004: 10], участвует в процессе семиотизации – объективации в вербальных, невербальных и дискурсивных формах коммуникации. В.К. Барашян в своей диссертации отмечает, что процесс семиотизации концепта отражает его «знаковую природу, которая заключается в обладании концептом как знаком или их кластером (конгломератом знаков, семиотической системой) своей собственной структурой, иерархически организованной»

[Барашян, 2019: 22]. О том, что концепт обладает «семиотичностью и ментальной природой» пишет Н.В. Володина. Она отмечает, что концепт – это «...смысловая структура, воплощённая в устойчивых образах, повторяющихся в границах определённого литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [Володина, 2010: 19].

В.И. Карасик отмечает, что «семиотическое осмысление концептов дает возможность схематически представить понятийное, образное и ценностное измерения кванта переживаемого знания в виде последовательного усложнения кодируемой информации. В понятийном плане такое усложнение представляет собой удвоение знаков - от индексального знака (указание) к эпидигматическому (указание + алгоритм развертывания смысла) и далее - к формульному (указание + алгоритм развертывания смысла + переформулирование с уточнением существенных признаков). Такое дискурсивное развертывание знания соответствует логике научного освоения мира. В образном плане усложнение кодируемой информации проявляется как движение от имитационного знака (изображение) к тропеическому (изображение + переосмысление изображения) и далее - к символическому (изображение + переосмысление изображения + бесконечное появление ответных образов). Такой тип кодирования соответствует логике художественного освоения действительности. В ценностном плане семиотическое усложнение выражается как переход от фонового знака (потенциальное выдвигание) к амбивалентному (потенциальное выдвигание + ситуативная фиксация оценки) и далее – к эмфатическому (потенциальное выдвигание + ситуативная фиксация оценки + доминирование оценки в содержании знака). Такой тип кодирования соответствует логике практического освоения мира» [Карасик, 2012:10].

В рамках когнитивной науки предлагается следующая классификация концептов: «1) мыслительные картинки, являющиеся результатом чувственно-

перцептивной деятельности; 2) схему – ментальный пространственно-контурный образ предмета или явления; 3) понятие – концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, их объективные, логически конструируемые характеристики; 4) прототип – категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории; 5) пропозицию – сложный конструкт, образуемый базовым предикатом и его аргументами; 6) фрейм – объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации; знания о стереотипной ситуации как результат ассоциативных связей; 7) сценарий (скрипт) – динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов; 8) гештальт – концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности как результат нерасчлененного восприятия ситуации» [Болдырев, 2000: 36].

Т.Л. Батарон в своей диссертации, обобщив существующие подходы к исследованию концепта в лингвистической науке, определила основные признаки в структуре концепта:

- «1) многослойность: а) пассивный / исторический слой, б) активный / новейший / актуальный слой;
- 2) мета-позиционность («парение» над словами и вещами);
- 3) предельность: а) «познание сверху» (абстракции), б) «познание снизу» (индивидуальный опыт);
- 4) гибкость / подвижность / оперативность;
- 5) вариативность: а) инвариантный стержень, б) ряд вариантов;
- 6) зеркальность (отражение содержания действительности, человеческого опыта);
- 7) мотивированность (буквальный смысл / внутренняя форма);
- 8) частичная смысловая актуализованность (актуальные признаки реалии в конкретной мыслительной ситуации)» [Батарон, 2021:26].

Данное исследование выполнено с учетом основных положений и постулатов когнитивной (фреймовой) семантики как базового раздела когнитивной лингвистики. Фреймовая семантика – это метод когнитивного и семантического моделирования языка; метод исследования взаимодействия семантического пространства языка и структур знания, мыслительного пространства. Она позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации. При этом подчеркивается отсутствие четко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом, т.е. непрерывность перехода от языка к опыту.

Понимание фрейма как многокомпонентной и структурированной единицы когнитивного уровня лежит в основе фреймового моделирования гендерных стереотипов. Фреймовый подход является эффективным методом изучения и описания гендерных стереотипов и языковых единиц, репрезентирующих их. Стереотипы фемининности и маскулинности включаются в художественный дискурс посредством фреймов. На наш взгляд, фрейм является важнейшей единицей категоризации и концептуализации гендерных стереотипов. Фрейм – это «организация представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера), а также организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая или имплементационная интерпретация)» [КСКТ, 1997: 187]. Фрейм понимается как многокомпонентный концепт, мыслимый в целостности его составных частей, как объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении [Попова, Стернин, 2010]. Л.М. Мурашова отмечает, что фрейм как «сложноструктурное ментальное построение» содержит систему связанных между собой концептов, «пакетирующих» знания о действительности. «Он ментально отображает фрагмент обыденно-когнитивной картины мира. Фрейм формирует план содержания языковых» [Мурашова, 2018: 31].

Когнитивно-семиотический подход к исследованию стереотипов феминности и маскулинности в художественном дискурсе позволяет нам представить модель фреймовой структуры стереотипных представлений о феминности и маскулинности, а также выделить и описать невербальные семиотические знаки репрезентации стереотипов феминности и маскулинности как маркеры гендерной идентичности, объективирующие образы женщины и мужчины.

Когнитивный и семиотический взгляд на язык сближает «общность онтологий в фундаментальных принципах построения схем и методик анализа многогранной действительности языка как на фоне материального мира, так и в контексте человеческих мнений, суждений, оценок и интерпретаций» [Самигуллина, 2008: 44]. Н.Б. Мечковская справедливо отмечает, что «семиотика ценна своим опытом теоретического анализа означивания и онтологии значений; этот опыт не позволяет забывать о носителях значений и о зависимостях между “телом” и “душой” знака. Связь с когнитивными науками делает семиотику не только широким, но и глубоким знанием» [Мечковская, 2008: 398]. Познание и когнитивное освоение человеком мира, его окружающего и дающего ему жизнь, неразрывно связаны с **семиозисом**, понимаемым как означивание, то есть **процесс** «знакового представления информации и использования знаков во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы» [Мечковская, 1998: 14].

Семиотика (с греческого языка «*знак, признак*») – это наука, которая изучает общие свойства знаков, строение и функционирование знаковых систем, способных хранить и передавать информацию. Семиотика представляет собой учение о знаках и знаковых системах и разделяется на три основных уровня: синтактику, семантику и прагматику. Данное исследование ведется в рамках невербальной семиотики, т.е. базовыми терминами являются: код, знак, семиотизация, невербальное коммуникативное поведение. Г.Е. Крейдлин выделяет невербальную семиотику наукой, «предметом которой

являются невербальная коммуникация и, шире, невербальное поведение и взаимодействие людей» [Крейдлин, 2004: 3].

В определении Чарльза Пирса, который считается основателем семиотики, знак – отметка, изображение с определенным смыслом. Он отмечает, что мир говорит на языке знаков и символов – позы, жесты, слова, буквы, цифры. Функция знака – замещать, но не заменять полностью, обозначаемое. [Peirce, 1958]. Знак – это «материальный, чувственно воспринимаемый предмет (вещь, явление, действие, признак), выступающий в качестве представителя (заместителя, репрезентанта) другого предмета, свойства или отношения и используемый для получения, хранения, переработки и передачи информации» [Мечковская, 2004: 23]. Е.С. Никитина предлагает классификацию семиотических знаков: 1) природные и искусственные (условные и естественные); 2) зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые; 3) нулевой знак; 4) знаки-идеи, знаки-чувства; 5) знаки, имеющие денотат, знаки, имеющие коннотат; 6) статистические, операциональные; 7) переменные и постоянные; 8) самостоятельные, несамостоятельные; 9) длительные и кратковременные; 10) тематические и атематические; 11) простые и сложные; 12) единичные и системные; 13) замкнутые и открытые [Никитина, 2006: 37].

На наш взгляд, код и знак способствуют пониманию особенностей гендерных стереотипов в художественном дискурсе. Как отмечает В.М. Савицкий, знак и код неразделимы. «Знаковую систему обычно называют кодом тогда, когда она выступает в функциях генератора текстов при порождении речи и регенератора смыслов при восприятии речи» [Савицкий, 2016: 56]. Код, по определению У.Эко, это система «коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков, с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилом комбинаторики, определяющим порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [Эко, 2004: 59]. Исследователь выделяет коды

восприятия; коды узнавания; коды передачи; тональные коды; иконические коды (фигуры, знаки, семы); иконографические коды; коды вкуса; риторические коды; стилистические коды; коды бессознательного. По мнению Р.Барта, код – это «корпус правил, настолько расхожих, что мы принимаем их за природные данности» [Барт, 1994: 457]. Н. Ф. Алефиренко определяет культурный код в семиотике культуры как «систему означивания, то есть сформированную стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов, своего рода матрица, определяющая способ мышления и обозначения. Код культуры направляет, определяет содержание и формы репрезентаций» [Алефиренко, 2002: 61]. Согласимся с Н.Н. Изотовой, которая код понимает как «ключ к расшифровке глубинных культурных явлений, стереотипов поведения и ценностей, детерминированных этнокультурой» [Изотова, 2020: 125].

В рамках нашего исследования интерес представляет книга Г.Е. Крейдлина «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации», которая посвящена невербальному диалогическому поведению мужчин и женщин в русской лингвокультуре. Как подчеркивает Г.Е. Крейдлин, «правильнее говорить не о половых и гендерных различиях, а о двух стилях коммуникативного поведения, мужском (маскулинном) и женском (фемининном), и соотносить коммуникативные стереотипы не с полами, а с этими стилями (ясно, что у женщин преобладающим является фемининный, а у мужчин – маскулинный тип). «Маскулинность» и «фемининность» в этом случае будут признаками, определяющие гендерные роли и действия. Введение понятия невербального стиля привело к тому, что отдельные жесты и целые стили невербального поведения стали оцениваться как (более) женские и, соответственно, (более) мужские, независимо от реального пола их исполнителя» [Крейдлин, 2003: 339].

Невербальное поведение и «взаимодействие людей» Г.Е. Крейдлин предлагает называть «невербальной семиотикой» [Крейдлин, 2004: 3] и включает следующие разделы: 1) паралингвистику (изучение дополнительных

к речи звуковых кодах); 2) кинесику (изучение жестов и жестовых движениях); 3) окулесику (изучение визуального поведения людей во время общения); 4) аускультацию (изучение аудиального поведения людей в процессе коммуникативного взаимодействия); 5) гаптику (изучение тактильной коммуникации); 6) гастику (изучение знаковых и коммуникативных функций пищи и напитков); 7) ольфакцию (изучение языка запахов); 8) проксемику (изучение пространства коммуникации); 9) хронемнику (изучение временного фактора коммуникации); 10) системологию (системы объектов, каковыми люди окружают свой мир).

Невербальное коммуникативное поведение – это «система поведенческих норм и правил, регулирующих требования к применяемым в процессе коммуникативного акта невербальным знакам (жесты и телодвижения, мимические и визуальные сигналы), свойственных определенной социальной среды» [Стернин, 2012: 270].

Мы опираемся на концепции, изложенные в работах Г.Е. Крейдлина, Ф.И. Карташковой, А.Г. Асмолова, В.А. Лабунской и др. по проблемам невербальной коммуникации. По мнению В.А. Лабунской основными функциями невербального поведения личности являются: «1) способ регуляции пространственно-временных параметров общения; 2) опережающая манифестация психологического содержания общения (относительно речи); 3) оптимальный уровень психологической близости между общающимися; 4) индикатор актуальных психических состояний личности; 5) средство идентификации партнеров по общению; 6) создание образа партнёра по общению; 7) маскировка «Я-личности»; 8) социальная стратификация партнеров; 9) показатель статусно-ролевых отношений; 10) показатель общей психомоторной активности субъекта (гармоничность движений, темп, интенсивность, амплитуда); 11) качество и изменение взаимоотношений партнеров по общению, формирование этих отношений; 12) уточнение, изменение понимания вербального сообщения, усиление эмоциональной насыщенности сказанного; 13) контроль аффекта, его

нейтрализация или создания социально-значимого аффективного отношения; 14) разрядка, облегчение, регуляция процесса возбуждения; 15) экономия речевого сообщения» [Лабунская, 1986: 33]. Она выделяет в коммуникации такие невербальные компоненты, как «оптико-кинетическая система знаков (жесты, мимика, пантомимика), пара- и экстралингвистические системы (интонация и неречевые вкрапления – паузы), система организации пространства и контакт глазами» [Лабунская, 2006: 64].

Невербальная коммуникация репрезентируется при помощи коммуникативных знаков, вернее, семиотических средств, сопровождающих и дополняющих высказывания коммуниканта. Выделяют следующие направления исследования невербальной коммуникации:

- гаптику как науку о коммуникации при помощи тактильного контакта;
- паралингвистику как науку о дополнительных звуковых характеристиках в процессе коммуникации (темп, тембр и т. д.);
- экстралингвистику как науку о неречевых компонентах речи;
- окулесику как науку о зрительном контакте между коммуникантами;
- ольфакцию как науку о запахе и его роли в коммуникации;
- гастику как науку о роли пищи, напитков, угощений в рамках коммуникативного акта;
- аскультацию как науку о восприятии звуков при помощи органа слуха и аудиальном поведении коммуникантов;
- силенциальные (молчание) и акциональные компоненты (действия при единовременном сопровождении вербальной речи);
- кинесику;
- проксемику;
- хронемiku [Ильина, 2015: 212].

В первой половине XX века в языкознании выделяют паралингвистику как науку о невербальных знаковых средствах. Американский лингвист А. Хилл впервые в своих работах обозначает паралингвистику как науку о невербальном общении. Далее данная проблема изучается американским

лингвистом Дж. Трейгером. Кинесика (от греч. *kinesis* – движение) как отдельная область была выделена американским антропологом Р.Бирдвистелом.

Отечественный ученый Г.В. Колшанский определяет паралингвистику как новую лингвистическую дисциплину, которая занимается «изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации» [Колшанский, 2010: 9]. По мнению А.А. Леонтьева, паралингвистика – это «раздел языкознания, изучающий звуковые средства, сопровождающие речь, но не относящиеся к языку, особенности громкости, некодифицированные изменения мелодики, распределение пауз, звуки «заполнители» пауз и т.д.» [БЭСЯ, 1998: 367].

Достаточно подробное и емкое определение паралингвистики предлагает Г.Е. Крейдлин. Он определяет паралингвистику как «отдельный раздел невербальной семиотики, чьим объектом изучения является параязык – дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и передающие в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин, 2004: 27]. На наш взгляд, наиболее полной представляется классификация знаков невербальной семиотики Г.Е. Крейдлина, который рассматривает девять крупных типов знаков:

- **параязыковые** (звуковые коды невербальной коммуникации);
- **кинесические** (жесты и жестовые движения, жестовые процессы и жестовые системы);
- **окулесические** (язык глаз, знаки визуального поведения людей во время общения);
- **аускультические** (знаки слухового восприятия звуков и аудиального поведения людей в процессе коммуникации);
- **гаптические** (знаки касаний и тактильной коммуникации);
- **гастические** (знаковые и коммуникативные функции пищи и напитков, знаки приема пищи, культурных и коммуникативных функциях снадобий и угощений);

- **ольфакторные** (знаки запахов, смыслы, передаваемые с помощью запахов, знаки роли запахов в коммуникации);
- **проксеимические** (знаки пространства коммуникации, его структуры и функций);
- **хронемические** (знаки времени коммуникации, его структурных, семиотических и культурных функций) [Крейдлин, 2002: 374].

А.В. Олянич рассматривает невербальные презентемы как дискурсивные единицы воздействия и выделяет на семиотическом уровне «визуальные (кинестические, проксеимические знаки, колоремы и графемы), сцентальные, густальные и тактильные знаки, то есть сугубо семиотические презентационные комплексы знаков, функционирующие как самостоятельно, так и параллельно вербальной коммуникации, сопровождая и поддерживая ее. Их коммуникативная задача состоит в формировании пространства общения, предъявлении объекту воздействия необходимой и достаточной информации о качествах, характеристиках и статусе воздействующего субъекта» [Олянич 2016: 108]. Он отмечает, что основная коммуникативная задача семиотических знаков состоит в «формировании пространства общения, предъявлении объекту воздействия необходимой и достаточной информации о качествах, характеристиках и статусе воздействующего субъекта» [Олянич, 2016: 117].

В процессе характеристики невербальных компонентов фемининного и маскулинного коммуникативного поведения в художественном дискурсе мы основывались на классификации, предложенные Г.Е. Крейдлиным [Крейдлин 2002: 374] и А.В. Оляничем [Олянич, 2004: 213]. В изучении особенностей вербальной репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе мы рассматриваем следующие типы гендерно обусловленных невербальных знаков и их языковое представление:

- 1) невербальные знаки кинемы (жестикуляция и мимика, проксеимические элементы и взгляд);
- 2) невербальные знаки, связанные с восприятием запахов;

- 3) поведенческие невербальные знаки;
- 4) невербальные знаки, связанные с восприятием вкусовых ощущений;
- 5) невербальные знаки моды и аксессуаров.

Анализ семантики лексических номинаций компонентов невербального коммуникативного поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе представлен в третьей главе диссертации.

ВЫВОДЫ

В рамках первой главы раскрыты и обоснованы теоретические основания исследования гендерных стереотипов с позиций когнитивной лингвистики и невербальной семиотики; представлены основные подходы к исследованию гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе.

Гендерные стереотипы понимаются как стандартные обобщённые представления о качествах, атрибутах и нормах поведения женщины и мужчины в социуме и их отражение в языке, а также оценочные представления о моделях фемининного и маскулинного коммуникативного поведения. Стереотипы фемининности и маскулинности отражают характеристики и качества, присущие женщине и мужчине как биологического пола, а также поведенческие паттерны женщины и мужчины, зависящие от культурных и социальных норм.

Лексикографический анализ лексем *маскулинность*, *мужественность*, *фемининность*, *женственность*, *Männlichkeit*, *Maskulinität*, *Weiblichkeit* и *Femininität* позволил установить, что семантика данных слова содержит в себе то, что считается типично мужским и женским, отражает характеристики, присущие мужчине и женщине. В большинстве случаев лексемы *Weiblichkeit* и *Femininität*, а также *Männlichkeit* и *Maskulinität* по немецким лексикографическим источникам рассматриваются взаимозаменяемыми понятиями. Определяя термины «маскулинность» и «мужественность» не равнозначными, отмечаем, что «маскулинность» и «фемининность»

понимаются как категория исключительно гендерные, а «мужественность» и «женственность» рассматриваются как понятие нравственности, т.е. не всякий мужчина может быть мужественным, и не всякая женщина может быть женственной.

Гендер определяется, прежде всего, не только биологическими факторами, а социокультурными представлениями о роли женщины и мужчины в обществе. Одежда, прически, фильмы, музыка, литература и многое другое делятся по гендерному признаку. Гендерные стереотипы как лингвокогнитивные феномены вербализуют представления о мужском и женском поведении, о мужских и женских социальных ролях, о гендерной стратификации общества. Категории «фемининность» и «маскулинность» формируются под воздействием гендерных стереотипов и репрезентируют представления о модели гендерного поведения мужчины и женщины в определенном социуме.

Художественный дискурс, будучи частью культурного контекста определенной лингвокультуры, активно участвует в процессе формирования, трансляции и закрепления гендерных стереотипов. Актуализация стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе способствует установлению социокультурных и лингвокультурных особенностей формирования гендерных стереотипов в русской и немецкой языковой картинах мира. Гендерные стереотипы в художественном дискурсе играют важную роль в концептуализации представлений о фемининном и маскулинном поведении, о гендерных ролях, о гендерной стратификации общества. Особенности актуализации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе изучается на основе анализа компонентов невербального коммуникативного поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе. В художественном дискурсе отражается культурная специфика актуализации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности как с позиции автора, так и в представлении этносоциума.

Фреймовый подход является эффективным методом изучения и описания гендерных стереотипов и языковых единиц, репрезентирующих их. На наш взгляд, фрейм является важнейшей единицей категоризации и концептуализации гендерных стереотипов, т.к. стереотипы фемининности и маскулинности включаются в художественный дискурс посредством фреймов.

Исследование гендерных стереотипов в рамках невербальной семиотики позволило выделить и описать невербальные семиотические знаки фемининности и маскулинности как знаки гендерной идентичности, объективирующие стереотипные образы женщины и мужчины.

В изучении особенностей языковой репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе мы рассматриваем следующие типы гендерно обусловленных невербальных знаков и их языковое представление: 1) невербальные знаки кинемы (жестикуляция и мимика, проксемические элементы и взгляд); 2) невербальные знаки, связанные с восприятием запахов; 3) поведенческие невербальные знаки; 4) невербальные знаки, связанные с восприятием вкусовых ощущений; 5) невербальные знаки моды и аксессуаров. Анализ семантики лексических номинаций компонентов невербального коммуникативного поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе представлен в третьей главе диссертации.

ГЛАВА 2. КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФЕМИНИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Данная глава посвящена фреймовому моделированию структуры и содержания гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе. Актуальность использования методики фреймового моделирования относительно стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе обусловлена возможностью описанием структуры и содержания семантики данных стереотипов в виде фреймовой модели. Гендерные стереотипы являются основой для формирования гендерных концептов, вокруг которых организуются фреймы, слоты и субслоты. Уточним, что понятия «маскулинность» и «фемининность» означают отнюдь не «мужественность» и «женственность» в их прямом значении, а характеризуют гендерно маркированные физиологические, биологические и психоэмоциональные типичные характеристики мужчины и женщины, а также представления о моделях поведенческих паттернов мужчины и женщины в этносоциуме.

Понятия фемининность и маскулинность не только биологически детерминированы, но и прочно интегрированы культурным и социальным контекстом. Оба термина касаются ожиданий и ролей, которые общество возлагает на мужчин и женщин. Некоторые общие различия в культурном построении мужественности и женственности заключаются в следующем: мужественность часто ассоциируется с такими качествами, как сила и независимость, а женственность часто ассоциируется с заботой и сочувствием.

Во многих культурах существуют четкие ролевые ожидания, определяющие, какие виды деятельности считаются мужскими, а какие — женскими. Гендерные стереотипы не статичны и варьируются в зависимости от культурного, социального и исторического контекста.

Фреймовый подход к анализу стереотипных представлений о фемининности и маскулинности является, на наш взгляд, эффективным

методом, т.к., во-первых, фрейм – это «структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Болдырев, 2006: 61]; во-вторых, фрейм – это «когнитивная единица, которая представляет собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» [Красных, 2003: 287].

Фреймовое моделирование гендерных стереотипов фемининности и маскулинности определяется в работе как метод анализа социальных представлений о женщинах и мужчинах в пространстве художественного текста, основанный на концепции когнитивных структур, которые являются фреймами. Таким образом, гендерные стереотипы фемининности и маскулинности (стереотипный образ женщины и мужчины) в художественном дискурсе могут быть структурно представлены в виде фреймов и слотов, что способствует более четкому и наглядному представлению смыслового наполнение данных подструктур и их взаимосвязи в художественном дискурсе.

Схематическое изображение фреймово-слотовой модели гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе можно рассмотреть на рисунке 1.

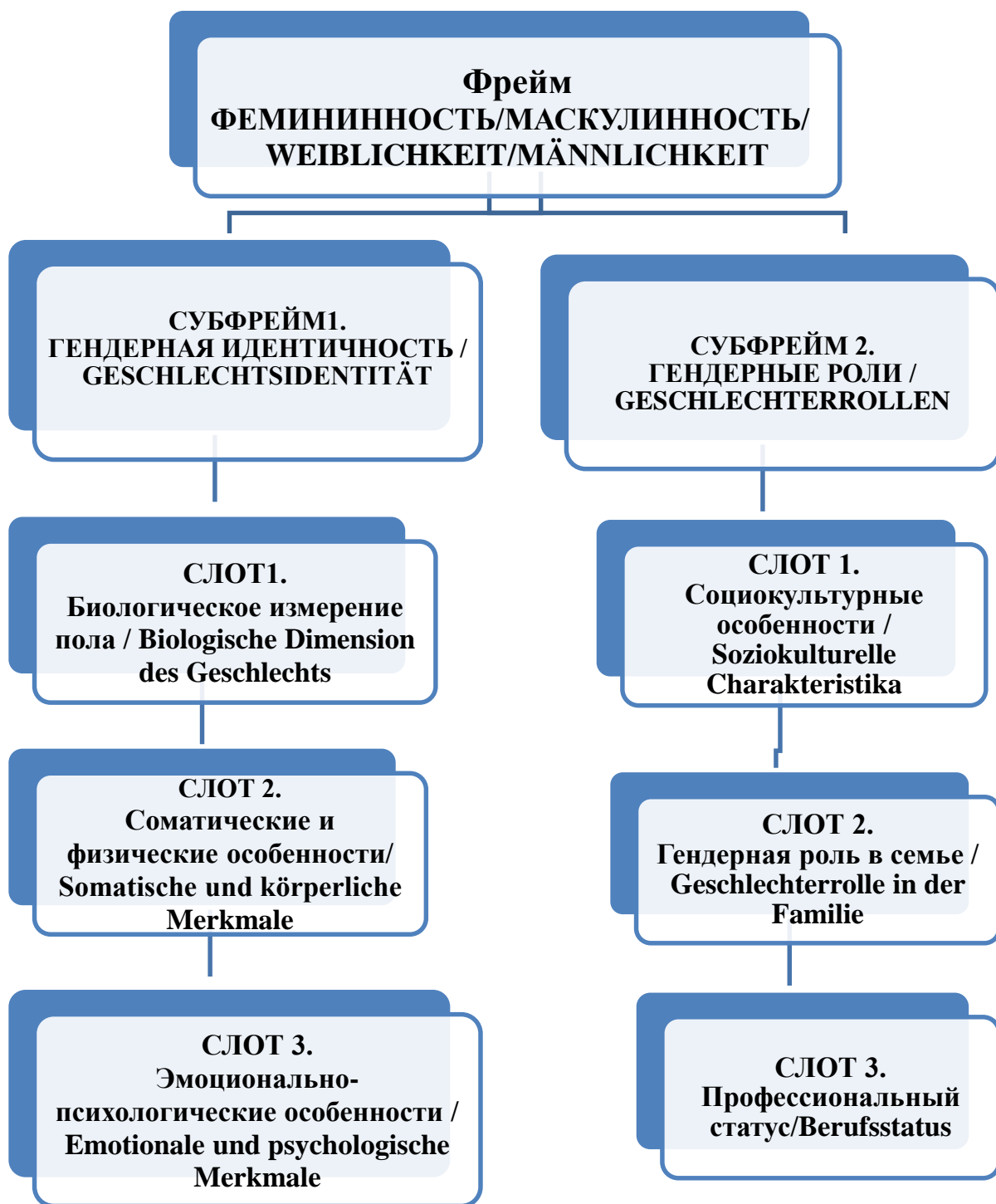

Рисунок 13. Фреймовая структура гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе

2.1 Субфрейм1. «Гендерная идентичность /Geschlechtsidentität» и его слотовое наполнение

Субфрейм «Гендерная идентичность /Geschlechtsidentität» содержит информацию о стереотипных, оценочных представлениях о физиологических, психологических и эмоциональных характеристиках женщины и мужчины. Данный субфрейм реализуется следующими слотами: Слот1. «Биологическое измерение пола / Biologische Dimension des Geschlechts». Слот 2. «Соматические и физические особенности/ Somatische und körperliche Merkmale». Слот3. «Эмоционально-психологические особенности/ Emotionale und psychologische Merkmale» (см. рисунок 14).

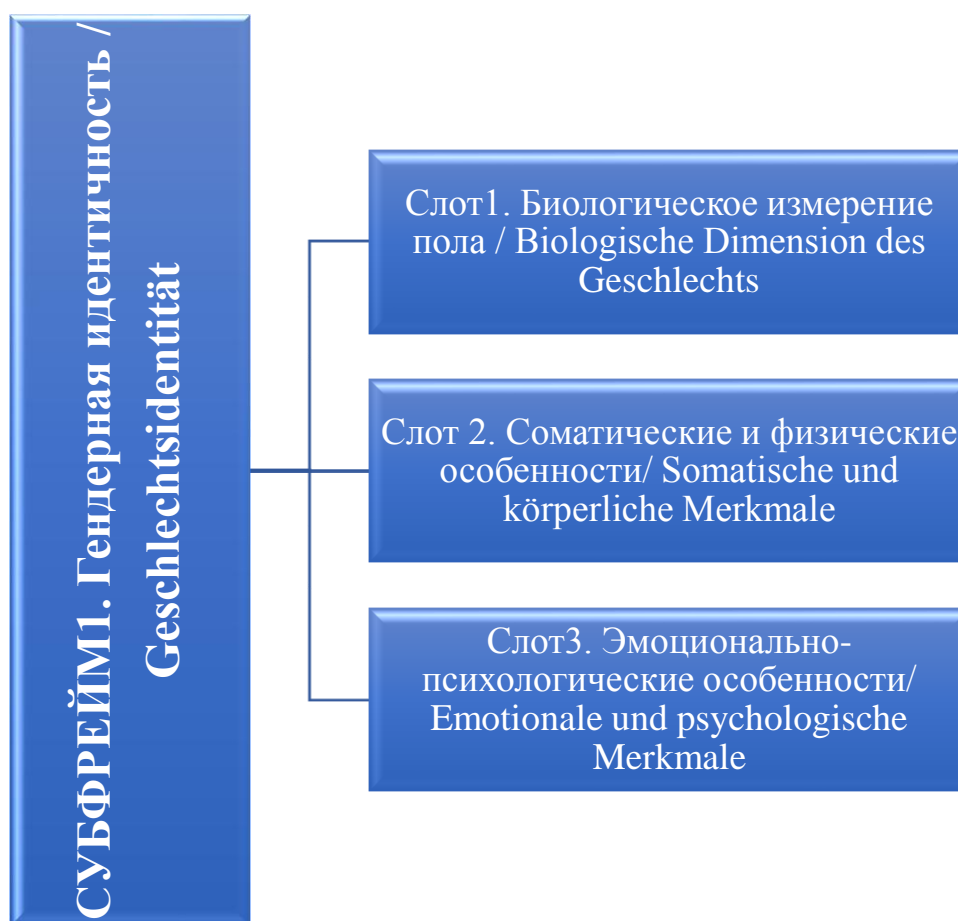

Рисунок 14. Слоты субфрейма «Гендерная идентичность /Geschlechtsidentität»

СЛОТ 1. «Биологическое измерение пола / Biologische Dimension des Geschlechts» репрезентирует стереотипные представления о фемининности и маскулинности с помощью слов-номинантов, характеризующих принадлежность к определенному биологическому полу – к женскому или мужскому (на русском яз.: *женский пол, женица, самка, баба, беременная, роженица; мужчина, мужской пол, самец, мужик* и др.; на немецком яз.: *Frau, Weib, Mann, weiblich, weibliches Geschlechtsteil, männlich, männlichen Geschlechtsteil, männliche Hormone, Vertreter des männlichen Geschlechts, Y-Chromosom-Träger, Männlichkeit, Mannhaftigkeit, Maskulinität* и др.).

Идентификация женщины и мужчины связана в первую очередь с продолжением человеческого рода, произведением человека на свет, т.е. способностью мужчины оплодотворить женщину, а женщины забеременеть, выносить и родить ребенка (*продолжение рода, мужская сила, Kind erwarten, Kind unter dem Herzen tragen, werdende Mutter*), например, мужчина как продолжатель рода: *Не этот, так другой. А можно — ни того, ни другого. Мужчина нужен для продолжения рода. А дети — уже есть. Программа выполнена* [Токарева Виктория. Своя правда].

Мужчина ассоциируется с *тестостероном и деньгами*, т.е. мужчина должен быть щедрым и сильным (добытчик-сила): *В конце концов, мужской пол достаточно безобразен по своей сути — вместо красоты у него, как говорится, тестостерон и деньги* [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F.].

Приведем пример на немецком языке: *Und Chen, das Gehirn schon völlig von Testosteron geflutet, stieg bereitwillig darauf ein und sagte so was wie: Ja, wollen wir die Scheißspießler mal aufwecken!* [Arjouni, Jakob: Chez Max, Zürich: Diogenes 2006, S. 154]. Перевод: *И Чен, мозг которого уже был залит тестостероном, с готовностью прыгнул в него и сказал что-то вроде: «Да, разбудим чертовых обывателей!»*

Женщина как биологический род ассоциируется с беременностью и родами (*на сносях, роды, роженица, schwanger*):

Она на сносях, готовится рожать и, как всякая роженица, вслушивается только в себя, в жизнь, шевелящуюся в недре [Виктор Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль].

Вот видите, а беременная женщина, роженица и молодая мамочка – это совсем особенные существа, у них такая биохимия и биоэнергетика, что только диву даешься. [Александра Маринина. Чужая маска].

*Sie wurde **schwanger**, heiratete, **bekam ein Mädchen**, wurde wieder schwanger und **bekam einen Jungen** [Goosen, Frank: Liegen lernen, Frankfurt am Main: Eichborn AG 2000, S. 119]. Перевод: Она забеременела, вышла замуж, родила девочку, снова забеременела и родила мальчика.*

*In den wenigen Sekunden war alles wieder in ihr aufgewacht - die ganze Zeit, wo sie hilflos herumging **mit seinem Kind unter dem Herzen**, nicht wußte, wo sie es bergen sollte und sich selbst - die Heimreise - ihre Hochzeit - all die Todesangst, das Grauen, als es ihr wieder genommen wurde. [Reventlow, Franziska Gräfin zu: Ellen Olestjerne. In: Deutsche Literatur von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1903], S. 62017]. Перевод: В несколько секунд все в ней снова проснулось - все это время она беспомощно ходила с его ребенком под сердцем, не зная, куда его спрятать и себя - дорога домой - ее свадьба - весь страх смерти, ужас когда его забрали у нее.*

В ходе анализа установлено, что слова *самка* и *самец* являются частотными в характеристике женщины и мужчины как биологического пола: **Женщина — самка, и это прежде всего! — отвечал Иванов [М. П. Арцыбашев. Санин].**

«Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой» предлагает следующую дефиницию слова «самец» – это «1. Особь животного мужского пола. 2. О чрезмерно чувственном мужчине» [Толковый словарь русского языка, URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-30757.htm>]. По данным «Малого академического словаря русского языка» слово «самка» имеет следующие значения: 1. Особь женского пола. 2. Женщина как носительница женских половых качеств [Малый академический

словарь русского языка, URL:
<https://gufo.me/dict/mas/%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BA%D0%B0>].

Слово *самка* используется для обозначения женских качеств, прежде всего, характеризуется способностью к продолжению человеческого рода, например: *Человеческая самка, с его точки зрения, была чем-то вроде 3D принтера, на котором печатают новых людей.* [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам]. В данном примере женщина (*человеческая самка*) сравнивается с 3D принтером – устройством для размножения (*вроде 3D принтера, на котором печатают новых людей*).

Слово *самка* в русском языке относительно женщины имеет пренебрежительный оттенок. Например, женщина – это самка «для того, чтобы доставлять мужчинам удовольствие»: *Крупная, но стройная, волосы черные, густые, лицо хоть и припухшее, но видна красота и еще не испепеленная алкоголем яркость; и есть в ней то, что привлекает любого нормального мужчину — чувствуется, что это настоящая самка, горячая, созданная природой для того, чтобы доставлять мужчинам удовольствие.* [Роман Сенчин. Елтышевы // «Дружба Народов»].

Следует отметить, что лексема *самец* в русской лингвокультуре как характеристика мужчины имеет в первую очередь положительную окраску: *Наверное, какой-то древний женский атавизм, замешанный на половом мазохизме, — самец должен быть умнее, сильнее, увереннее.* [Н. В. Нестерова. Избранник Евы (2006)]

Самец – это сильный и уверенный в себе мужчина, т.е. лексема *самец* катализирует это «настоящий или не настоящий мужчина». Например: *Он не тот brutальный самец, который, закрыв глаза, идет на сигнал женской плоти* [Сергей Есин. Марбург].

А я все-таки скажу, что человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, такой человек — не мужчина, не самец [И.С. Тургенев. Отцы и дети].

Лексема *самец* репрезентирует мужскую половую идентификацию: *И такое сокровище, такой писаный раскрасавец, такой ухоженный самец, элегантный денди, галантный кавалер — малолетней писюхе!* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]. В данном примере лексемами-репрезентантами маскулинной и фемининной половой идентификации являются слова *самец* и *писюха*.

В немецком языке в значении «самка» используется лексема *Weibchen*. Например: *Erst stellen sie sich an die Tanzfläche, mit einer Cola light, dann kommen die jungen Männer mit den Drinks, die Pullis in die Hosen gesteckt, Ketten über den Pullis. Nach ein paar Stunden wird das Weibchen vom angesoffenen Galan nach Hause gefahren.* [Braun, Marcus: Hochzeitsvorbereitungen, Berlin: Berlin Verlag 2003, S. 101]. Перевод: *Сначала они стоят на танцполе с диетической колой, затем приходят молодые люди с напитками, свитера заправлены в штаны, на свитерах цепочки. Через несколько часов пьяный Галан отвозит свою самку домой.*

Лексема *Buhlerin* имеет презрительную окраску и используется также в значении «самка», «проститутка»: *Nimm eine, die schon Buhlerin war, als sie gehen lernte, eine, der ihre Schande eine Lust ist und das ewige Leben* [Ewers, Hanns Heinz: Alraune, München: Herbig 1973 [1911], S. 53]. *Возьмите ту, которая уже была проституткой, когда научилась ходить, ту, для которой ее стыд является удовольствием и вечной жизнью.*

Лексема *Männchen* в немецком языке употребляется в значении «невысокий, худой, смешной или слабый мужчина». *«Holiday?» nuschelte der Fahrer, ein schwächtiges Männchen, das in dem großen Auto verloren wirkte* [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 17]. Перевод: *«Праздничный день?» - пробормотал водитель, худощавый мужчина, который, казалось, потерялся в большой машине.*

В значении «самец», т.е. сильного мужчины используется лексема *maskulin*. Лексема *Hirsch* (олень) в значении «самец» по отношению к мужчине

употребляется в переносном значении, в разговорной речи часто используется в качестве ругательного слова.

СЛОТ 2. «Соматические и физические особенности/ Somatische und körperliche Merkmale»

Данный слот представлен лексическими единицами, которые репрезентируют стереотипные представления о фемининных и маскулинных соматических и физиологических характеристиках (на русском языке: *пышная грудь, округлость форм, круглые плечи, длинные ноги, стройные ноги, тонкая талия, тонкая кожа, широкие бедра, крутые бедра, широкие плечи, усы, кадык, широкая волосатая грудь, борода, лысина, могучая спина, толстая кожа, мужское достоинство, стальные яйца, накаченные мускулы* и др.; на немецком языке: *dichten Bart, breite Brust, mächtige Brust, behaarte Brust, Vagina, Menstruationszyklus, Menstruation, Menopause, Schwangerschaft, männliche Hormone, Virilität, Penis, Phallus, Kindermacher, stählerne Muskeln* и др.).

Женщина отличается от мужчины физиологическими особенностями:

... у Маринки Гендельман *выросла грудь и пошли месячные, и она теперь чуть ли не каждую неделю отпрашивается с уроков физкультуры.* [Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»].

Знаком фемининности является беременность как физиологическое состояние женщины.

Беременность еще не была заметна, а счастливое ожидание новой жизни, появление какой-то высокой благодати, чего-то евангелического уже сказалось в ее очертаниях, сиянии глаз, в чуть *располневшей, налившейся груди* — все это я улавливал в ее *развивающейся женственности*, и мои холсты зажглись каким-то глубинно-мерцающим светом.

Eine zweite Schwangerschaft endete mit einer Fehlgeburt, eine dritte brachte ein dürftiges Geschöpfchen, das drei Jahre seine Mutter in Atem hielt, bis es seinen Geschwistern folgte. [Meisel-Hess, Grete: Die Intellektuellen. In: Deutsche Literatur

von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1911], S. 48648]. Перевод: *Вторая беременность закончилась выкидышем, третья родила бедняжку, которая три года держала мать в напряжении, пока не последовала за братьями и сестрами.*

Рассмотрим особенности репрезентации представлений о соматических характеристиках мужчины:

*Филипп, с засученными рукавами рубашки, вытягивает колесом бадью из глубокого колодца, плеская светлую воду, выливает её в дубовую колоду, около которой в луже уже полощутся проснувшиеся утки; и я с удовольствием смотрю на значительное, с **окладистой бородой**, лицо Филиппа и на **толстые жилы и мускулы**, которые резко обозначаются на его голых **мощных руках**, когда он делает какое-нибудь усилие [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)].*

*И всегда, как назло, Йося требовал, чтобы шейку клали именно ей, а она была глупой, неиспорченной душой, и, когда он смотрел в ее рот, напрягая **кадык**, ей вдруг делалось без причины неловко, и она говорила: «Хочешь? [Марина Вишневецкая. Есть ли кофе после смерти?].*

*Что касается его арсенала, то в такой страшной боевой готовности Андрей, пожалуй, и не помнил себя, чтобы вот так, чугуном, бронетанковой какой-то сталью наливало его **мужское достоинство**. [Алексей Рыбин. Последняя игра].*

На немецком языке:

*Weiblicher Widerstand kräftigte die **männliche Potenz**, war aber ansonsten ungehörig. [Riedel, Susanne: Eine Frau aus Amerika, Berlin: Berlin Verlag 2003, S. 139]. Перевод: Женское сопротивление усиливало мужскую потенцию, но в остальном было неподобающе.*

*Nie wieder andere Hände, andere Augen, andere Brüste, andere Arschbacken, nie wieder ein anderes **weibliches Geschlechtsteil**, ach sagen wir es doch, wie es ist: nie wieder eine andere Mose. [Goosen, Frank: Liegen lernen, Frankfurt am Main: Eichborn AG 2000, S. 266]. Перевод: Никогда больше не*

будет других рук, других глаз, другой груди, других ягодиц, никогда больше не будет других женских гениталий, о, давайте просто скажем, как есть: никогда больше не будет другого Моисея.

Данный слот актуализирует информацию о типичных физических характеристиках женщин и мужчин, например, рост, вес, мускулатуру и др.:

Как показал анализ практического материала на русском и немецком языках, стереотипное представление о настоящем мужчине связан с крепким физическим телосложением: *мускулистое, крепкое тело, высокий рост, голубые глаза, римский нос, выраженный подбородком, мощная волосатая грудь, мускулистый торс, широкоплечий* и др.

Маскулинность ассоциируется с высоким ростом, мускулами:

*Я был тогда красивый мужчина, я был молодой, **высокий рост, голубые глаза, римский нос...** и *Madame L...* (я не могу сказать ее имени), жена моего хозяина, была молоденькая, хорошенькая дама. [Л.Н. Толстой. Отрочество, 1854].*

*На главную роль молодого иммигранта пригласили не особо известного в то время, но очень красивого, с **весьма мужественной внешностью мачо и супермена** — Вадима Х. **Высокий рост**, зеленые глаза, густые черные волнистые волосы, приятный теплый голос и **мускулистое, крепкое тело**. [Елена Литинская. Тревожное лето // «Ковчег», 2012].*

*На другой же день симпатичную специалистку уволили с волчьим билетом, а Ведерниковым стал персонально заниматься молодой улыбчивый атлет, образец здоровья, чья толстая шея напоминала могучий пень, уходящий крепкими корнями в **мускулистый торс** [О.А. Славникова. Прыжок в длину, 2014-2016].*

*Вербицкий производил очень внушительное впечатление: **рост за метр восемьдесят**, большое круглое лицо, голову держит откинутой назад, **мощная волосатая грудь** выпирает из-под свеженькой, без единого пятнышка, польской дежурной спецовки. [Роман Амосов. Подъем на холм // «Ковчег», 2012].*

*Doch dann verschwand er in einer Gruppe von **athletischen, muskulösen Männern** in Jerseys und Badehosen, die sich am andern Ende der Bucht versammelt hatten [Düffel, John von: Vom Wasser, München: dtv 2006, S. 245]. Перевод: Но затем он растворился в группе атлетически сложенных, мускулистых мужчин в майках и плавках, собравшихся по ту сторону залива.*

Широкие плечи и мужественный подбородок являются индикатором маскулинности:

*Но все еще **подтянутый, плечистый, крупный мужчина**; да, к семидесяти, и все же — не старик пока. [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын].*

*Подле него стоял мужчина лет сорока, **широкоплечий, широкоскулый**, с низким лбом, узкими татарскими глазами, коротким и плоским носом, **четвероугольным подбородком** и чёрными блестящими волосами, жёсткими, как щетина [И.С. Тургенев. Певцы, 1850].*

Стереотипный фемининный образ ассоциируется с грацией, стройностью, изяществом: *тонкая талия, крутые бока* и т.п.

*Моя жена Лена передала ей славянское лицо правильной формы, **закругленные скулы, мягкий рот с небольшими, но пухлыми губками, подбородок с ямочкой и тонкую, гибкую, пластичную, очень женственную фигуру** [Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019].*

Талия, грудь являются яркими знаками фемининности, например: *Вспомнилась ему жена Аксинья, баба **ядренная, крепкая, с наливными, как яблоко, грудями***. [Б.А. Садовской. В двадцать пятом году].

По сравнению с мужчиной у женщины ноги длиннее, талия тоньше, руки изящнее, например: *Длинные руки, длинные ноги, тонкая талия, перетянутая черным блестящим поясом черного блестящего плаща, достигающего до щиколоток*. [Мария Галина. Лианы, ягуары, женщина, 2013].

На немецком языке: *Marah setzt sich auf die Felsen, ihr Gesicht in der Sonne, **ihre Beine lang** unter dem Kleid, sie streckt sich faul, ich steige aus dem*

Wasser, und sie sieht mich an, mir aber nicht in die Augen. [Schrott, Raoul: Tristan da Cunha oder die Hälfte der Erde; Hanser Verlag 2003, S. 546].

Длинные ноги, тонкие щиколотки, бедра, широкие или узкие, самые яркие характеристики физиологии женщины, например:

Длинные ноги с тонкими щиколотками, тонкие руки с точеными запястьями, узкие бедра, прямая спина, длинные ресницы — что еще? [А.А. Ломтев. Там, где ничего не случилось // «Волга», 200].

Женщина встала, с великолепным изяществом выпрямив свой стан, и протянула к африканцу раскрытую ладонь [И.А. Ефремов. Туманность Андромеды].

Но, если широкие бедра являются наиболее красивой чертой женской фигуры, для мужской фигуры такие бедра представляются безобразной чертой, например:

Наконец, одна из главных противоположностей полов — широкие бедра прямо безобразны у мужчины и составляют одну из наиболее красивых черт женского тела. [И.А. Ефремов. Лезвие бритвы, 1959-1963].

Мужчины отличаются силой, а женщины выносливостью, например:

Помимо воли думалось: ведь эта по виду здоровая, выносливая как лошадь женщина может однажды... просто умереть [В.М. Шапко. Грузок, what is it горка and липка? // «Волга», 2014].

Однако, как оказалась потом, терпеливая супруга, тихо исчезнувшая из виду в двух шагах от Марининоного стола, записалась сама и записала ребенка у другого регистратора — и такие случаи выявлялись ежедневно. [Ольга Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке 2000-2001 // «Октябрь», 2001].

Женщина ассоциируется с красотой, а мужчина с силой (*weibliche Zierde, männliche Kraft*):

In der Physiologie und der menschlichen Mythologie ist es von Wichtigkeit, und hier ist es besonders das Haupthaar. Um «weibliche Zierde» und «männliche Kraft» zu vermehren oder zu erhalten, bindet der Mensch sein Haar oder flicht es,

brennt, färbt, entfettet oder fettet es. Homer schon nennt das Haupthaar ein Geschenk der Aphrodite [Hettche, Thomas: Der Fall Arbogast, Köln: DuMont Buchverlag, 2001, S. 148]. Перевод: В физиологии и человеческой мифологии волосы играют важную роль, особенно это касается волос. Чтобы увеличить или сохранить «женскую красоту» и «мужскую силу», люди завязывают свои волосы, плетут их, сжигают, красят, обезжиривают или смазывают их жиром. Еще Гомер называл волосы на голове даром Афродиты.

*Внешность у Танюшки **привлекательная: стройная тоненькая фигурка, миловидное личико, обрамлённое светлыми кудряшками, всегда одета по моде, да и выглядит не больше чем на двадцать пять.** [Ольга Ткачева. Проводы любви // «Ковчег», 2014].*

*На самом деле выручали **ее красота, ее грация и милая наивность, с** которую она говорила свою роль [М.Н. Волконский. Вязниковский самодур 1914].*

*И тогда он, **сильный и мужественный, как ледокол, разламывая грудью лед, таранит Надю к берегу...** [Е. В. Колина. Дневник измены, 2011].*

*Aber zwischen ihm und ihr gab es zehn Minuten, in denen sie seinem Zwang entfallen war, in denen er auf den Besitz dieses Symbols aller menschlichen und aller **männlichen Kraft** hatte verzichten müssen [Jacques, Norbert: Dr. Mabuse, der Spieler, Gütersloh: Bertelsmann 1961 [1920], S. 174]. Перевод: Но между ним и ней было десять минут, в течение которых она была свободна от его принуждения, в течение которых он должен был отказаться от обладания этим символом всей человеческой и всей мужской силы.*

*Сочетание «**männliche Stärke**» может также использоваться в отношении женщины, например: Aber Massimo «rief sie in verändertem Ton, und es war einer der Augenblicke, da ihre Stimme überraschend **eine männliche Stärke** annehmen konnte, » ich habe doch einen Menschen liebgehabt, einen Menschen liebe ich und nicht den Inhaber eines Amtes! [Bergengruen, Werner: Der Grosstyrann und das Gericht, Zürich: Peter Schifferli 1949 [1935], S. 73]. Перевод: Но Массимо, - воскликнула она другим тоном, и это был один из моментов, когда ее голос*

приобрел удивительно мужскую силу, - я любила человека, я люблю человека, а не занимающего должность человека. Данное сочетание имеет всегда положительную коннотацию, в отличие, например, сочетания «*weibliche Schwäche*».

Лысина является маркером маскулинности (*eine männliche Glatze* – досл. мужская лысина). Например: *An dessen Steuer eine weibliche Frisur, daneben eine männliche Glatze* [Kuckart Judith. Lenas Liebe]. Перевод: *За рулем – женщина с укладкой, рядом – мужчина с лысиной.*

Анализ материала показал, что в художественном дискурсе репрезентируется также женщина, обладающая маскулинными качествами, а мужчина, наоборот, фемининными (*мужеподобная, женоподобный, мужиковатая, женственный, männische Weiber, weibisch aussehender Mann, tintenhaft, unmännliche Männer*). Например:

Но на очереди была уже следующая пара: высокая, мужеподобная девица в фате и белом платье до полу и её избранник — женоподобный, длинноволосый, в чёрном, с иголки, костюме [И. Грекова. Перелом, 1987].

Перед ним стояло щуплое существо — то ли мужиковатая девушка, работающая под парня, то ли женственный юноша, красивый, как девушка [О. Э. Хафизов. Вышка в Монтебеле // «Волга»].

За стойкой взирала на все баба — огромная, сильная, как бы даже надзирала, продавая замутненный кипяток по пятаку, будто простое тепло. [Олег Павлов. Асистолия].

Der Nordländer knurrt, nennt den andern einen unzuverlässigen, weibisch nervösen Gecken voll kindischer Großmannssucht. [Feuchtwanger, Lion: Erfolg. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelbänden, Bd. 6, Berlin: Aufbau-Verl. 1993 [1930], S. 659]. Перевод: *Северянин рычит и называет другого ненадежным, женоподобно-нервным пижоном, полным детской грандиозности.*

Стереотипы фемининности и маскулинности претерпевает изменения под влиянием моды и навязывания новых стандартов и идеалов женской и мужской красоты. Это отражается и в художественной литературе, например:

Die jetzige Mode macht aus Männern Jungen, aber aus Frauen keine Mädchen, sondern auch junge Männer, das ist gut so, sieht einfach besser aus. [Dückers, Tanja: Spielzone, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2002 [1999], S. 134]. Перевод: *Нынешняя мода делает из мужчин мальчиков, а из женщин не девочек, а юношей, это хорошо, просто так лучше выглядит».*

В художественном дискурсе предлагается образ женственного мужчины, актуализация которого репрезентируется с помощью сравнения с женскими качествами (как баба, как у женщины), например: *Вета дернула — у Гарика не только ногти были как у женщины, он еще и фото в кошельке носил, как баба.* [Маша Трауб. Ласточ...ка 2012].

В современном художественном дискурсе представлен образ женщины с мальчишеской фигурой без признаков женственности, например: *Sie liebt kleine Frauen mit kurzen Haaren, die von der Hüfte bis zu den Achseln ganz gerade gewachsen sind, also eine absolut knabenhafte Figur haben.* [Dückers, Tanja: Spielzone, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2002 [1999], S. 130]. Перевод: *Ей нравятся маленькие женщины с короткими волосами, прямыми от бедер до подмышек, поэтому у них совершенно мальчишеская фигура.*

Фемининные характеристики могут быть присущи мужчинам. Мужчины также уделяют большое внимание своей внешности. Например:

Вот ведь задача: когда человек тебе близок, находишь очарование даже в его драных носках, в Сене же меня раздражало все — от парфюма до плаща. Разоделся как баба. Нет, мужчина должен, прямо-таки обязан радикально отличаться от женщины. [Варвара Синицына. Муза и генерал, 2002].

Также: *Руслан Кийко, известный публике просто как Руслан, женоподобный гомосексуалист с длинными волосами и нежным, тщательно выбритым лицом* [Александра Маринина. Черный список, 1995].

В данных примерах использование сравнения *разоделся как баба*, также слова *женоподобный* актуализирует стереотип о том, что мужчина похожий

на женщину лишен мужественности, соответственно привлекательности для женщины.

Рассмотрим пример на немецком языке: *Er war der einzige Mann, den ich kannte, der außerordentlichen Wert auf Kleidung und Frisur legte und stundenlang über Mode sprechen konnte.* [Schulze Ingo. Neue Leben]. Перевод: *Это был единственный мужчина из моих знакомых, который уделял особое внимание причёске и одежде, а также мог часами говорить о моде.* В данном примере подчёркивается, что чрезмерная (*der außerordentlichen Wert*) забота мужчин о внешности относится к исключениям (*der einzige Mann*).

Гендерно обусловленные физические и физиологические особенности связаны с особенностями **возраста**. Возраст женщины и мужчины эксплицируется лексическими единицами (существительными, метафорическими сочетаниями, прилагательными), выражающими стереотипные представления о степени молодости, зрелости или старости: *юнец, зрелый мужчина, зрелая женщина, женщина бальзаковского возраста, женщина средних лет, молодуха, пожилая женщина, солидный мужчина, юноша, юнец, старик, reife Frauen, Knabenalter, Mannesalter, Mann im mittleren Alter, eine alte, junge, ältere, jüngere Frau, Mädchen, junges Ding, junge Dame, Fräulein, Maid, Girl, Mieke, Mädels, junger Typ, Greisin, Jüngling*, и др. Например:

*Ей хорошо за **пятьдесят**, но для этого **дедка** в пиджачке и сандалиях она еще **молодуха*** [А. П. Вергелис. Секунда малодушия // «Волга», 2013]

*Ко мне прицепилась то ли рано постаревшая, то ли **молодящаяся женщина**, очень хотевшая курить, пачка папирос привела ее в возбуждение, в слезы, мы разговорились, курить просил умирающий отец ее, я дал немного денег* [Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002].

*В таком состоянии полного всепрощения и оптимистического истолкования всех своих прошлых приключений пребывала, к примеру, некая **Нина**, теперь уже **зрелая женщина**, все такая же полная, как в юные годы, но сменившая ныне свои длинные роскошные волосы на волосы поскромней,*

остриженные коротко и теперь не привлекавшие ничего особенного внимания. [Людмила Петрушевская. Юность].

*Sie hatte nun erfahren, daß die Schwestern ihres Asmus bedeutend älter waren und schon selbst erwachsene Kinder hatten, und Brigitte fragte sich, ob nicht die eine oder beide dieser **reiferen Frauen** ihr eine sehr gute Stütze werden konnten.* [Morris, Gerda: Brigitte wehrt sich, Düsseldorf: Pitis 1952, S. 111]. Перевод: *Теперь она узнала, что сестры ее Асмуса были значительно старше и даже имели взрослые дети, и Бриджит задавалась вопросом, не может ли одна или обе эти более зрелые женщины не быть очень хорошей поддержкой.*

В данных примерах средний возраст женщины выражается с помощью лексем *за пятьдесят, молодуха, молодящаяся, зрелая, reifere Frauen* (зрелые женщины).

Рассмотрим примеры репрезентации возраста мужчины:

Он не юнец какой-нибудь прыщавый, не молодой парень, держащийся за мамину юбку, *а зрелый самостоятельный мужчина*, умный, *опытный, надежный* [Александра Маринина. Мужские игры].

В темном углу, взявшись за руки, сидела странная парочка — совсем юный круглолицый блондин и черноволосый мужчина средних лет [Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало, 2007].

В примерах мужской возраст реализуется лексемами *юнец, юный, зрелый, самостоятельный опытный, мужчина средних лет*.

На немецком языке: *Der Mann ist ein wenig feist, zwischen Vierzig und Fünfzig und nicht direkt herausgeputzt, aber Rudi identifiziert sofort die Rolex am Handgelenk und die Nobelmarke der übergroßen, getönten Designerbrille* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 71]. Перевод: *Мужчина немного упитанный, между сорока и пятидесяти и не разодет, но Руди сразу же идентифицирует Rolex на запястье и благородную марку негабаритных, тонированных дизайнерских очков.* В данном примере на возраст указывают лексемы в прямой номинации *zwischen Vierzig und Fünfzig* и косвенно *ein wenig feist*.

В художественном дискурсе возраст вербализуется метафорой и метафорическими выражениями. Например, средний и пожило возраст: *предзакатный возраст, отцвела, опасный возраст, дама бальзаковского возраста, Balzac-Zeitalter*, а юный возраст *зеленый юнец, ein (junger) Dachs, Grünschnabel* и др.

На голове у неё была шляпа с полями, бросавшими тень на верхнюю половину лица женщины, уже вошедшей в свой лучший, но, увы, предзакатный возраст. [Е. Ю. Каминский. Чудотворец (начало) // «Волга»].

А Мензбир объяснял, растягивая слова, кивая седенькой головкой: "... опасный возраст, ибо изволят думать, что политические экивоки наиважнейшее занятие, нет понятия о том, что полезнее нормальная научная работа. [Даниил Гранин. Зубр, 1987].

За мой почтенный возраст (тоже красоту наводит пришла!), за очки, английскую книгу в авоське [И. Грекова. Дамский мастер, 1963].

Sie war zweiundvierzig, etwas schwammig und verblüht, aber natürlich noch nicht so verbraucht wie der Mann. [Erich Maria Remarque. Drei Kameraden].
Перевод: *Это была женщина сорока двух лет, несколько рыхлая и отцветшая, но, разумеется, еще не такая изнуренная, как ее муж* [Эрих Мария Ремарк. Три товарища (Ю. Архипов, 1989)].

В приведенных примерах на русском и немецком языках женский и мужской возраст реализуется метафорическими сочетаниями: *предзакатный возраст, опасный возраст, verblüht.*

Юный возраст репрезентируется метафорой *grüne Jünglinge*, например: *«Ich will mich nicht als Joseph aufspielen,» sagte er vergnügt, aber Du ahnst nicht, wieviel verbrauchte Mittel und Posen in der Koketterie dieser Potiphar sind - da fallen nur grüne Jünglinge darauf rein - uralte Methode ...* [Boy-Ed, Ida: Vor der Ehe. In: Deutsche Literatur von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1915], S. 8118]. Перевод: *«Я не хочу изображать из себя Иосифа», — радостно сказал он, но вы не представляете, сколько впустую средств и поз в этом кокетстве Потифара — на него попадают только зеленые юноши — старый метод...*

У каждой бабы, будь то писюха четырнадцати лет, дама бальзаковского возраста или пиковая старуха, у каждой свои заморочки в башке [Олег Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI // «Ковчег», 2012].

В приведенном примере возраст женщины реализуется как метафорическими сочетаниями (*дама бальзаковского возраста или пиковая старуха*), так и жаргонизмом (*писюха*), например:

Не я досадовал на ее забывчивость в пору беременности, не я становился жертвой Аниной раздражительности в канун месячных, не я язвил по поводу ее умения, оставив сковородку на огне, сплетничать с подругой по телефону, не я стягивал ей полотенцем голову покрепче, когда Аня готова была лезть на стену от мигрени, не я лаялся с ней вплоть до взаимных оскорблений, не я брался за поденцину, чтобы заработать Ане на металлокерамику, не я восклицал ей поверх охапки роз: «сорок пять — баба ягодка опять» [Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002].

Все было лет сорок, но выглядела она для своего возраста очень даже неплохо и, не дойдя еще до возраста, когда, по народному замечанию, «баба ягодка опять», вполне тянула на эту самую «ягодку» [Алексей Рыбин. Последняя игра, 2000].

В данных примерах используется выражение «сорок пять — баба ягодка опять», которое обозначается для возраста женщина в 45 или после.

Ой, да уж не прибедняйся-то, тоже мне старик нашелся, седина в бороду, бес в ребро, говорят, так у тебя, судя по седине, три беса в ребрах завелись, — говорит она. [В.В. Лорченков. Копи Царя Соломона // «Волга», 2011].

Фразеологизм «седина в бороду, бес в ребро» (*der Greis ist heiß*) употребляется только относительно мужчины в возрасте 40-60 лет, когда совершаются сумасбродные поступки, желая резко изменить свою жизнь.

Молодость репрезентируется фразеологизмом «молоко на губах не обсохло», например: *Молоко на губах не обсохло, и женщины еще кажутся таинственными* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010].

Устойчивое выражение «молоко на губах не обсохло» означает «очень юный возраст».

Старший возраст и опытность репрезентируется фразеологизмами «в отцы годится», «в матери годится», например: *А то, что тот банкир ей в отцы годится*, — неважно [Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014].

СЛОТ 3. «Эмоционально-психологические особенности / *Emotionale und psychologische Merkmale*» содержит лексические единицы, которые репрезентируют в художественном дискурсе стереотипные представления о фемининных и маскулинных интеллектуальных, эмоционально-психологических поведенческих особенностях (на русском языке: *грациозное кокетство, жертвенность, услужливая, наивная, послушная, заботливая, доверчивая, чуткость, твердый, грубый, жесткий, галантный, решительность, расхлябанный* и др.; на немецком языке: *naiv und gehorsam, plappernde, leichtlebige, männliche Selbständigkeit* и др.).

Например, болтливость считается качеством женщин, что отражается в художественной картине мира: *Все они мне понравились: и сам доктор, пожилой человек, похожий на помещика, с одышкой, и его жена болтливая, молодящаяся дама, и ее падчерица, Зина, высокая девушка с темно-синими глазами и длинными ресницами* [И.А. Бунин. Без роду-племени].

Ср. на немецком языке:

Die schöne, heitere, gern plappernde, leichtlebige alte Dame hatte gegen ihre Art etwas Fahriges, Nervös-Verschrecktes, Gepreßtes. [Lion Feuchtwanger. *Jud Süß*, 1925]. Перевод: *Красивая, веселая, болтливая, ветренная пожилая дама, против обыкновения, была чем-то явно обеспокоена, растеряна, угнетена.*

Georg fuhr fort: »Ja, geschwätzig, wie eine Elster [Schaeffer, Albrecht: *Helianth II*, Bonn: Weidle 1995 [1920], S. 261]. Перевод: *Георг продолжил: «Да, болтливая, как сорока.*

Фемининными качествами, в противоположность маскулинным, представлены такие качества как наивность и послушание, например:

Или по-другому: розовощекий хватистый парень, держа тяжелые башмаки в руке, в одних чулках крадется вверх по лестнице, где в каморке ждет его, посапывая, **наивная белокурая Лизхен** [Сергей Есин. Марбург, 2005]

Он хотел, чтобы гость увидел, какая **послушная и расторопная** у него жена [Юрий Рытхэу. В долине Маленьких Зайчиков, 1962].

Рассмотрим примеры на немецком языке.

*Man hat doch immerhin das Leben kennengelernt, weißt du! Man ist doch **keine Gans mehr!** Und dann habe ich ja immer noch mehr Aussicht, mich wieder zu verheiraten, als so manche andere, es zum ersten Male zu tun* [Thomas Mann. Buddenbrooks, 1896-1900]. Перевод: *Как-никак, а я узнала жизнь! Я уже больше не наивная дуручка. А кроме того, второй раз выйти замуж куда легче, чем первый.*

В данном примере употребляется слово «*eine Gans*» обозначающее невежественную молодую женщину.

Sein kleiner Narr, seine gute, süße Maud, das war sie nun. Перевод: *Его глупышка, его добрая, нежная Мод, — вот что с ней стало!* В данном случае лексема *Narr* (дурак, глупец) используется с прилагательным *klein*, тем самым смягчается смысл.

В приведенных примерах женская глупость характеризуется наивностью и репрезентируется с помощью существительных: *eine Gans*, *kleiner Narr*

Положительными фемининными стереотипными качествами являются кротость и послушность, например:

Geduldig und folgsam wie ein Kind tat sie, was Kanitz ihr nahelegte. [Stefan Zweig. Ungeduld des Herzens, 1939]. Перевод: *Кроткая и послушная, как ребенок, она делала все, что ей велел Каниц.*

Maria, sanft und fügsam, ließ mich draußen warten oder tätigte die Einkäufe alleine, brachte mir, je nach Bedarf, alle vier bis fünf Wochen ein neues Blech und mußte während der letzten Kriegsjahre, da selbst die Blechtrommeln rar und

bewirtschaftet wurden, den Händlern Zucker oder ein Sechzehntel Bohnenkaffee bieten, um mein Blech unter dem Ladentisch, als sogenannte UT-Ware gereicht zu bekommen. [Günter Grass. Blechtrommel, 1959]. Перевод: *Мария, нежная и покорная, оставляла меня дожидаться снаружи или вовсе делала покупки одна и приносила мне каждые четыре-пять недель, смотря по потребностям, новый барабан, а в последние годы войны, когда даже барабаны стали редким товаром и подлежали распределению, Марии приходилось подсовывать продавцам сахар либо пол-осьмушки кофе в зернах, чтобы те из-под прилавка, так сказать по благу, достали барабан для меня.*

В эмоционально-чувственной сфере фемининными являются атрибуты: *нежная, преданная, легкомысленная, нервозная, истеричная, эмоциональная, болтливая, капризная, чувственная, плаксивая, zart und zierlich, zarte Zärtlichkeit* и др. Например:

Тонкое кокетство, женственная мягкость, серьезность мыслящего существа, шаловливость избалованного ребенка, непоколебимая настойчивость, маска беспомощной рабы-женщины — все это пускалось при случае в ход, пускалось как бы бессознательно, по чутью, по тому инстинкту, который помогает необразованному дикарю обмануть образованного европейца [А.К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят - щепки летят].

Лидия — пианистка, занимается композицией; она внимательная дочь и нежная сестра — ухаживает за отцом и младшим братом [Александр Иличевский. Перс].

Und doch war in ihrer Empfindung auch zarte Zärtlichkeit und leidenschaftliche weibliche Hingabe. [Dohm, Hedwig: Christa Ruland. In: Deutsche Literatur von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1902], S. 15543] Перевод: *И все же в ее чувствах была и нежная нежность, и страстная женская преданность.*

Die eine Sekunde, die er den Kopf neigte, ging in ihm alles durcheinander: Ziesches Mutter, Stiefmutter, sie ist wie ein Mädchen, zart und zierlich. Перевод: *В ту единственную секунду, когда он наклонил голову, все смешалось в его*

сознании: мать Цише — нет, мачеха. Она совсем как девушка, **нежная, хрупкая.**

Отрицательными характеристиками женщины являются **истеричность, легкомыслие и капризность:**

Истеричная барынька, неумная, капризная, обожала изъясняться насчёт своей любви к мужу до гроба, заявляла, что не переживёт его [Даниил Гранин. Зубр].

Все в ней обольщало его — ее красота, ее горячность, ее легкомыслие, и даже то хорошо известное на Литве женское уменье хитрить и лукавить, которое он так порицал в разговоре с сестрой [А.К. Шеллер-Михайлов. Дворец и монастырь, 1900]

*Und plötzlich war er nur noch ein ganz feiner, sauberer Herr mit gepflegten Fingernägeln, heiratete mit 34, natürlich Geld, die Tochter vom Prumtel, die Eva, wissen Sie, so ein Mädchen, das immer Höheres im Sinn hatte; nicht übel, nur ein bißchen **hysterisch**; der Alte von ihr hatte so ein Büro, wo man Teilzahlungskredite aufnehmen konnte, später noch ein paar Pfandleihanstalten – und die Tochter, nun, die las Rilke und spielte die Flöte* [Heinrich Böll. Gruppenbild mit Dame.1971].

Перевод: *А потом все вдруг переменялось: наш приятель стал эдаким барином, чистоплюем, чуть ли не с маникюром; в тридцать четыре года он женился, конечно, « на деньгах; жена его Ева, дочь некоего Прумтеля, была, знаете ли, девица, которая витала в эмпиреях; впрочем, совсем не плохая, хотя немного истеричная. Папаша Евы содержал нечто вроде ссудной кассы, давал деньги под проценты, позже он открыл еще несколько ломбардов... Ну, а дочка зачитывалась Рильке и играла на флейте.*

Die kapriziöse Frau und der angetrunkene elegante Herr stehen im Kreuzfeuer neugieriger und spöttischer Blicke [Horster, Hans-Ulrich [d.i. Rhein, Eduard]: Ein Herz spielt falsch, Köln: Lingen 1991 [1950], S. 407]. Перевод: *Капризная женщина и пьяный элегантный джентльмен стоят в перекрестном огне любопытных и насмешливых взглядов.*

Стервозность и коварство – это стереотипные качества женщины, которые нашли свое отражение в художественном дискурсе. Приведем примеры:

Жена, крикливая стервозная бабенка старше его, не понимала и не желала понимать увлечения своего мужа, скандалила и постоянно изменяла ему с представителями более романтических — по ее мнению — профессий: летчиками, актерами театров, полярниками... [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов]

Вообще было ясно, что это особа стервозная, не блестящего воспитания, избалованная и притом явно склонная к домашнему деспотизму; такой набор качеств свойствен страшеньким девочкам много чаще, чем красоткам, вопреки расхожему мнению, будто именно красота портит женский характер... [Николай Климонтович. Далее — везде, 2001].

Я больше ничего не хотел говорить и вышел. О, это коварное существо — женщина! Я теперь только постигнул, что такое женщина [Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего].

Сама соседка была скверная баба, с постоянной хрипотой злобы в горле, притеснительное и сварливое существо; из дочерей одна — Вера, ничем не отличалась от обыкновенных уездных барышень, другая — Софья, — я в Софью влюбился [И.С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда].

Стервозность описывается в DWDS как преимущественно женское качество с негативным оттенком и предлагаются следующие существительные: *Furie* (фурия), *Megäre* (мегера), *Zicke* (курица, стерва), *zänkisches Weib* (сварливая баба), *Krähe* (ворона), *Schlange* (змея), *Zimtzicke* (сумосбродака), *boshafte Weibsstück* (зловредная баба), *feuerspeiender Drache* (огнедышащий дракон).

Vor allem wegen Marie, dieser Zicke. [Suter, Martin: Lila, Lila, Zürich: Diogenes 2004, S. 299]. Перевод: *Особенно из-за Мари, этой стервы.*

Mir war, als müsse ich etwas sagen, was der entstandenen Stimmung etwas Sentiment abschöpfen würde, und ich verstieg mich zu der Bemerkung, Sofie käme

etwas zickig rüber. [Krausser, Helmut: Eros, Köln: DuMont 2006, S. 124] Перевод: Я чувствовал, что должен сказать что-то, что уберет часть сентиментальности из развивающегося настроения, и я осмелился заметить, что Софи произвела впечатление немного стервозной.

Маскулинными выделены следующие качества: **замкнутость, агрессивность, ревнивость, вспыльчивость, молчаливость** и др. Например:

— Я и пытаюсь определить. **Немногословие, неспешность, скупость жеста, мужественность интонации.** Вообще-то по первости напоминает хемингуэвский персонаж, но автор со своими героями вышел из моды лет тридцать назад [Леонид Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002].

Петр Тимофеевич Витченко был сорокалетний худощавый мужчина высокого роста, с редковатыми седыми волосами, очень подвижный и **вспыльчивый**, а квадратного формата, но длиннорукий Григорий Иванович Чернов, с ладонями, напоминавшими малую саперную лопату, был нетороплив в словах и действиях, раздумчив и, несмотря на свои тридцать девять, не имел и намека на лысину или седину [Михаил Ходаренок. Зенитные ракетные страсти].

Мужчина **молчаливо** склонился головой, так что сделалась видной лысина его шляпы, потом неожиданно резким властным движением поднял голову, взглянув с неприязнью уже на Алешу, но ничего так и не ответил [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней].

Крепкий, большерукий, как все промысловики, и **молчаливый** с вечно не то угрюмым, не то внимательным, но недолгим взглядом из-под лохматых бровей. [Виктор Ремизов. Воля вольная].

Es stand an ihrer Straße Remchingen, der so zornig und männlich war und den man so amüsan und mit leiser Furcht ärgern konnte; einmal hatte er ganz im Ernst nach ihr geschlagen [Lion Feuchtwanger. Jud Süß, 1925]. Перевод: При ней состоял Ремхинген, вспыльчивый и мужественный, очень забавно и немного страшиновато было его злить; однажды он чуть-чуть не прибил ее.

Стереотипно маскулинным поведением является проявление **настойчивости, твёрдости, упорства в достижении своей цели**. Например:

*Мне все время кажется, что ты меня прервешь на полуслове, как **грубый мужик** прерывает глупую девчонку, и скажешь — раздевайся, дура!*

[Александр Кабаков. Сочинитель].

*Allein der Bräutigam erlangte **mit männlicher Beharrlichkeit** die Ermächtigung zum Ankauf einer Villa vor der Stadt, bei Eimsbüttel... in romantischer und weltentrückter Lage, als idyllisches Nestchen so recht geeignet für ein junges Ehepaar — „procul negotiis“-, nein, er hatte sein Latein gleichfalls noch nicht völlig vergessen!* [Thomas Mann. Buddenbrooks, 1896-1900]. Перевод: *Но жених с чисто мужской настойчивостью добился полномочий на покупку пригородной виллы в Эймсбюттеле, немногочленной и живописной местности, весьма подходящей для идиллического гнездышка молодой четы — «procul negotiis» [вдали от дел (лат.)], — нет, он еще не совсем позабыл свою школьную латынь.*

Такое качество как ревность присуще как женщинам, так и мужчинам (мужская ревность, женская ревность, бабья ревность, супружеская ревность). Например:

*Забыв про поясницу, **ревнивый муж** вгорячах быстро распрямился, от резкой боли застонал и, шагнув к попятившемуся Долгополову, весь затрясся в злобе* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 1, 1934-1945].

*А то ведь **бабья ревность** в наших делах — великая сила* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей].

*In mir wallte nun doch **eine eifersüchtige Wut** auf, denn solche Fotos besaß ich nicht* [Ingrid Noll. Der Hahn ist tot (1991)]. Перевод: *Тут я почувствовала ревность, смешанную с яростью: таких фотографий у меня не было.*

*Walter hatte unwillkürlich mit Zeichen wachsender Abneigung gesprochen; das alte Knabengefühl des schwächeren Freunds **vergrößerte seine Eifersucht*** [Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften, 1921-1942]. Перевод: *Вальтер произвольно говорил с растущей неприязнью; старое мальчишеское чувство*

более слабого, столь часто сопутствующее дружбе, увеличивало его ревность.

Данный слот репрезентирует стереотипные представления о мыслительных и умственных способностях женщины и мужчины (женщина: *мягкая, умница, дура, глупая, сообразительная, хитрая, женская логика* и др.; мужчина: *проницательный, здравомыслие, остроумный, ловкий, толковый, острый ум* и др.).

Сохраняется стереотип о том, что женщина глупее мужчин:

Люди, производившие обыск у Люси, нашли пустой тайник, анализ пыли показал, что там еще недавно хранились деньги, но глупая Люсенька неожиданно проявила недюжинную сообразительность и стойкость [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха].

В данном примере употребление слова «неожиданно» в сочетании со словосочетанием «недюжинная сообразительность» по отношению к «глупой Люсеньке» показывает, что свои интеллектуальные способности женщина проявляет как исключение, нежели данность.

Рассмотрим примеры на немецком языке:

Eine Frau, ein dummes, lachendes Tier mit gelben Haaren und einem schaukelnden Hintern, eine Frau, die von nichts etwas weiß und keine anderen Fragen stellt als die, ob man genug Geld für sie bei sich hat, und dann eine Flasche kalifornischer Burgunder und meinetwegen Rum hinein, der billig war — und die Nacht bei ihr in ihrer Wohnung, so daß man nicht ins Hotel zurück mußte, nicht in dieser Nacht, nicht gerade in dieser Nacht [Erich Maria Remarque. Schatten im Paradies, 1965-1970]. Перевод: *Женщина! Глупая, хохочущая самка с крашеными желтыми волосами и покачивающимися бедрами. Женщина, которая ничего не понимает и не задает никаких вопросов, кроме одного, достаточно ли у тебя при себе денег. И еще я хочу бутылку калифорнийского бургундского и, пожалуй, немного дешевого рома, чтобы смешать его с бургундским. Эту ночь я должен провести у женщины, ибо мне нельзя*

возвращаться в гостиницу. Нельзя возвращаться в гостиницу. В эту ночь никак нельзя [Эрих Мария Ремарк. Тени в раю. пер. Л.И Черной, В Котелкина].

Женщина представляется глупой, легкомысленной, легкодоступной, что реализуется употреблением сочетаний *ein dummes, lachendes Tier* - глупая, хохочущая самка, *mit gelben Haaren und einem schaukelnden Hintern* – с крашеными желтыми волосами и покачивающимися бедрами.

Также: *Einem Foto nach, das die Greffsche mir geschenkt haben muß, denn es klebt heute noch in meinem Fotoalbum, war die zwanzigjährige Lina damals kräftig, rund, lustig, gutmütig, leichtsinnig, dumm* [Günter Grass. Blechtrommel, 1959] Перевод: Если верить снимку, который, надо полагать, она же мне и подарила, поскольку снимок этот и по сей день наклеен на одной из страниц моего фотоальбома, двадцатилетняя Лина была крепенькая, веселая, круглая, добродушная, легкомысленная, глупая.

В данном примере глупость и легкомыслие женщины выражается с помощью прямой номинации *leichtsinnig, dumm* в сочетании со словами *kräftig, rund, lustig*.

Женщина описывается в художественном дискурсе не только глупой, но и стервозной:

Zickig sei die, und dumm, sonst nichts [Franck, Julia: Lagerfeuer, Köln: DuMont Literatur und Kunst Verlag 2003, S. 73]. Перевод: Она стервозная и глупая, вот и все.

Женский ум ассоциируется традиционно с хитростью, например:

Klug wie ein Schakal ist sie!, flüsterte Farid, als die Wachen zur Seite traten [Cornelia Funke. Tintenblut, 2005] Перевод: Она хитрая, как шакал! — прошептал Фарид, когда стража расступилась.

В данном примере женский ум сравнивается с шакалом, который считается самым хитрым и умным животным. Используется сравнение *Klug wie ein Schakal*.

Словосочетание «мужской ум» употребляется только с положительной семантикой, например:

Некрасива она была, и даже молодость не красила ее, но чисто мужской ум был в ее маленькой головке [А.И. Красницкий. Трон и любовь].

В данном примере обладание мужским умом для женщины является преимуществом. А женский ум представлен *слабым, специфичным, изысканным, подлым* и т.д., например:

*В новой Астре проявилась, видимо, скрывавшаяся полнотой нервность, она ее молодила и даже делала соблазнительной, что, конечно же, коробило и ее невестку, и Майку, потому что **подлый женский ум** наворачивал на это совсем уж лишнее [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом].*

Также:

*И дальше — **женская логика**, идущая не от ума, а от сердца, пролагает путаный путь к инженеру Протасову. [В. Я. Шишков. Угрюм-река].*

Сочетание *женская логика* характеризует стереотипное восприятие мыслительных особенностей женщины.

Рассмотрим пример на немецком языке:

*Er beschloß, als Mann nicht gegen **die Dialektik einer Frau** zu streiten, sondern die Stunde abzuwarten, wo seine Voraussicht von selbst triumphieren werde; da ereignete es sich jedoch, daß er einen gewaltigen Antrieb erhielt [Robert Musil. Der Mann ohne Eigenschaften 1921-1942]. Перевод: Он решил было, что, как мужчина, не станет спорить с женской логикой, а дождется часа, когда его прозорливость восторжествует сама собой; но тут вышло так, что он получил мощный толчок.*

Анализ стереотипных и оценочных представлений о биологических, соматических, физических, психологических и эмоциональных характеристиках женщины и мужчины в художественном дискурсе на русском и немецком языках позволил выявить следующие наиболее частотные части речи, вербализующие стереотипы фемининности и маскулинности в двух лингвокультурах.

Частеречная маркированность стереотипа **фемининности** в русском языке:

существительное: *самка, баба, беременность, роженица; менструация, лоно, грудь, соски, ягодицы, волосы, округлость, бедра, ноги, женственность, грация, жертвенность, чуткость, истеричность, легкомыслие, мудрость, мягкость капризность, стержность, коварство, декрет;*

существительное + существительное: *продолжение рода, лоно любви, округлость форм, лицо мадонны, мягкость движений, нежность кожи, женственность движений;*

прилагательное + существительное: *человеческая самка, настоящая самка, малолетняя психушка, зрелая женщина, стройная фигура, тонкая талия, крутые бока, пухлые губки, мягкий рот, длинные руки, длинные ноги, тонкая талия, пышная грудь, круглые плечи, тонкие щиколотки, точеные запястья, длинные ресницы, широкие бедра, жаркие бедра, колышущиеся бедра, грациозное кокетство, тонкое кокетство, грациозное кокетство, женственная мягкость, внимательная дочь, нежная сестра, истеричная барынька, коварное существо;*

прилагательное/причастие: *ядренная, терпеливая, неумная, капризная, нежная, кокетливая, горячая, болтливая, глупая, одинокая, жалкая, несчастная, расторопная, истеричная, услужливая, наивная, послушная, заботливая, доверчивая, преданная, легкомысленная, нервная, эмоциональная, болтливая, капризная, чувственная, плаксивая, нежная, упругая, женственная;*

существительное + прилагательное + существительное: *дама бальзаковского возраста, хранительница домашнего очага;*

глагол: *рожать, беременеть, соблазнять, ревновать, любить, заботиться, рыдать, истерить;*

глагол + существительное: доставлять удовольствие, кормить грудью, покачивать бедрами, набухли соски, торчат соски, раскачались груди, пошли месячные;

глагол + прилагательное + существительное: вершить мужские судьбы, покорять мужские сердца;

метафорические выражения: слабый пол, баба ягодка, предзакатный возраст, выносливая как лошадь, синий чулок, наливные, как яблоко, груди, влажная внутренность, женская логика, волнообразная походка, развивающаяся женственность, женщина не первой молодости, бедра возбуждающей полноты, демоническая женщина, животно-женственная прелесть, шелковая кожа, формы созрели и налились, крепкие, как морские камешки, соски.

Частеречная маркированность стереотипа **фемининности** в немецком языке:

существительное: *Frau, Weib, Weibchen, Jungfrau, Vagina, Geschlechtsöffnung, Beine, Busen, Klitoris, Brustwarze, Menstruationszyklus, Menstruation, Menopause, Schwangerschaft, Fehlgeburt, Zicke, Sexualität, Schönheit* и др.

прилагательное + существительное: *weibliches Geschlechtsteil, weiblicher Mensch, schaukelnde Hinter, reiferen Frauen, naive Mutter, runde Schulter, rosafarbenen Brustwarzen, lange Beine, reifere Frauen, schaukelnde Hintern, weibliches Geschlechtsteil, feminine Grazie, rote Lippen, weibliche Zierde, weibliche Hingabe, kapriziöse Frau, lesbische Liebe, feminine Geschlechtsorgane, sinnlicher Mund, weiche Züge* и др.

прилагательное + прилагательное + существительное: *leidenschaftliche weibliche Hingabe, hübsche porzellanhafte Sekretärin* и др.

прилагательное/ причастие: *schwanger, naiv, gehorsam, weich, weiblich, geduldig, folgsam, sanft, fügsam, zart, naiv, zierlich, hysterisch, zickig, gut, süß, gutmütig, leichtsinnig, dumm, geduldig, folgsam, tüchtig, rund, lesbisch, geschminkt, wattiert, gefärbt, frisiert* и др.

глагол: *gebären, säugen, schrubben, putzen, waschen, kochen, schminken, nähen* и др.

метафорические выражения: *mit seinem Kind unter dem Herzen, geschwätzig wie eine Elster, eine Gans, boshafte Weibsstück, feuerspeiender Drache, Kind erwarten, weibliches Wesen, Krone der Schöpfung, ein dummes Tier, Balzac-Zeitalter, zarte Zärtlichkeit, Flammen der lesbischen Liebe* и др.

Частеречная маркированность стереотипа **маскулинности** в русском языке:

существительное: *сила, человек, самец, брутальность, замкнутость, агрессивность, ревнивость, вспыльчивость, молчаливость, мужество, мощь, достоинство, лысина, борода, глава, балерун, тестостерон, мускулы, щетина, героизм, юнец, мужик, семя, сперма, сила, мужество, опора, мощь, пенис, корень, кадык, богатырь, пацан, кремь, скала, немногословие, неспешность* и др.

прилагательное + существительное: *брутальный самец, ухоженный самец, элегантный денди, галантный кавалер, мощные руки, мужское достоинство, мускулистое тело, крепкое тело, подчеркнутый мачизм, волосатая грудь, мускулистый торс, зрелый мужчина, зеленый юнец, грубый мужик, ревнивый муж, мужской ум, настоящий ковбой, брутальный партнер, сильный пол, скупость жеста, мужественность интонации* и др.

прилагательное/причастие: *умный, сильный, уверенный, широкоплечий, вспыльчивый, молчаливый, смелый, свободный, внимательный, щедрый, мужественный, гомосексуальный,*

существительное + существительное: *мужественность интонации, продолжение рода, запах сигарет.*

глагол + существительное: *волочиться за женщинами, отбить девушку, приударить за женщинами.*

метафорические выражения: *стальные яйца, мужское достоинство, зеленый юнец, седина в бороде, сильный пол, бес в ребро, хемингуэевский персонаж, романтик высшей пробы.*

Частеречная маркированность стереотипа **маскулинности** в немецком языке:

существительное: *Penis, Phallus, Kindermacher, Y-Chromosom-Träger, Eifersucht, Testosteron, Sperma, Abenteurer, Milchbart, Milchbub, Himbeerbubi* и др.

прилагательное + существительное: *männliche Hormone, männliche Potenz, dichten Bart, breite Brust, mächtige Brust, behaarte Brust, stählerne Muskeln, junger Typ, männliche Beharrlichkeit, eifersüchtige Wut, muskulösen Männern, männliche Glatze, grüne Jünglinge, sturer Klotz, männliche Duft, männliche Geschlechtlichkeit, männlicher Tugend, der reife Mann, männliche Kraft, kokette Männer, grüne Jünglinge, romantischer Verehrer, vermeintlicher Kraftprotz, ein sturer Klotz, harte Typen* и др.

прилагательное/ причастие: *zornig, männlich, muskelbepackt, muskulös, bärtig, kräftiger, untreu, aggressive, dominant, oberflächlich, faul, naiv, sentimental, romantisch, melancholisch, treulos* и др.

существительное + прилагательное + существительное: *Vertreter des männlichen Geschlechts* и др.

метафорические выражения: *jedem Rock nachsteigen, nur Weiber im Kopf haben, jedem Weiberrock hinterherlaufen, viel Erfolg bei Frauen haben, unter dem Pantoffel stehen* и др.

Как видно из приведенных примеров, наиболее обширную группу в русском и немецком языках составляют прилагательные и причастия в сочетании с существительными.

2.2 Субфрейм 2. «Гендерные роли / Geschlechterrollen» и его слотовое наполнение

Субфрейм «Гендерные роли / Geschlechterrollen» содержит информацию о стереотипном гендерно-ролевом поведении женщины и мужчины, о стереотипных, оценочных представлениях о семейном, социальном и профессиональном статусах женщины и мужчины, о социально-

поведенческих моделях, ожидаемые от женщин и мужчин в зависимости от пола, обусловленные гендерными социокультурными нормами, например, на русс. яз.: жена, свекровь, старая дева, муж, свекор, шурин, глава семьи, домохозяйка, любовница, подруга, хранительница очага, сожигательница, содержанка любовник, шлюха, проститутка, добытчик, бабник, денди, любовник, рыцарь, альфонс, бой-френд и др.; на нем. яз.: Frau, Ehefrau, Angetraute, Schwester, Ehegattin, Gattin, Braut, Ehefrau, weiblicher Mensch, Geliebte, Mätresse, Dirne, Metze, Frauenzimmer, Hure, Escort, Freudenmädchen, Kurtisane, Liebesdame, Liebedienerin, Liebesmädchen, Escortgirl, Bordsteinschwalbe, Kokotte, Hetäre, alte Jungfer, Liebhaber, Bettgenosse, Weiberheld, Mädchenfänger, Mann, Vater, Familienvater, Ernährer, Ehegatte, Ehegespons, Ehepartner, Gatte, Gemahl, Schwager, Kavalier, Lebenspartner, Gentleman, Bettgenosse, Lover, Boyfriend, Stecher и др.

Например, женщина может выступать в разных гендерных ролях: *Du bist keine Mutter, keine Witwe, keine Hure und niemandes wirkliche Geliebte — ich bin eifersüchtig, sagte er, eifersüchtig auf die verschwendete Zeit, nicht einmal auf die Dummköpfe, mit denen du sie verschwendest — und es wird so bleiben, daß ein Mann nicht mehr für eine Frau tun kann, als sie bitten, ihn zu heiraten* [Heinrich Böll. Haus ohne Hüter, 1954]. Перевод: *Мать ты никакая, вдова тоже никакая, и гулящей тебя не назовешь, и даже ничьей любовницей – я просто ревную, ревную тебя, и даже не к этим идиотам, а к бесплодно растраченному времени – и одно всегда останется неизменным: мужчина не может больше сделать для женщины, чем предложить ей выйти за него замуж* [Генрих Бёлль. Дом без хозяина (Н. С. Португалов, С. Л. Фридлянд, 1987)].

Данный субфрейм реализуется следующими слотами: **Слот 1.** «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika». **Слот 2.** «Гендерная роль в семье / Geschlechterrolle in der Familie». **Слот 3.** «Профессиональный статус / Berufsstatus» (см. рисунок 15).

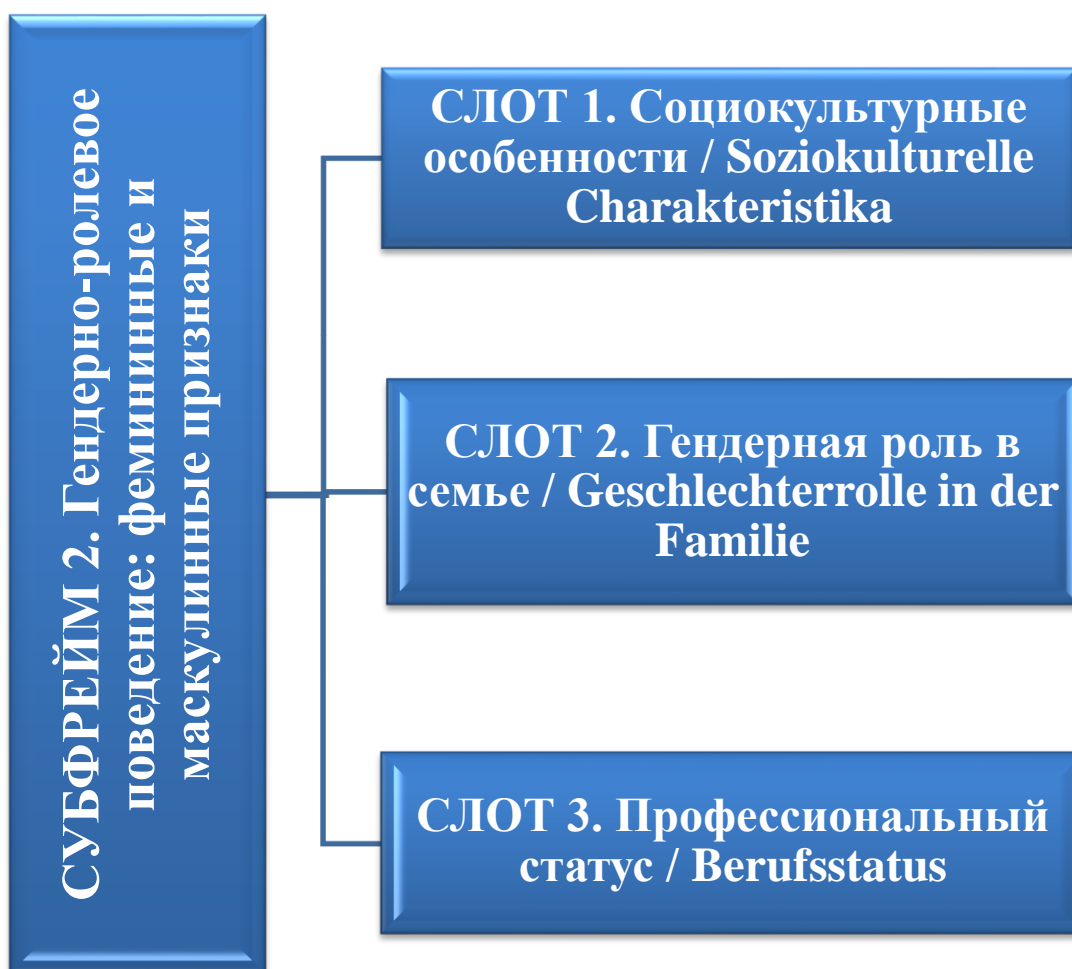

Рисунок 15. Слоты фрейма 2. «Гендерные роли / Geschlechterrollen».

СЛОТ 1. «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika»

Рассматриваемый слот репрезентирует **набор образцов социального поведения или нормы поведения женщины и мужчины в определенной социальной позиции** (*любовник, любовница, кормилец, добытчик, хранительница очага, подкаблучник, Ernährer, Nährvate, Geldverdiener, Muttersöhnchen, Himbeerbubi, Milchbart, Milchbub, Pantoffelheld, Verführerin, Herzensbrecherin, Liebspriesterin, Kokotte, Geliebte, Kurtisane, Hetäre, Konkubine, Kurtisane, Mätresse, Nebenfrau, Zweitfrau, Bettgenossin, Gespielin, Liebhaberin, Escort, Escortgirl, Liebesdame, Liebesdienerin* и др.).

В художественном дискурсе отражаются существующие гендерные стереотипы в русской и немецкой лингвокультурах. Например, **женщина является хранительницей очага, а мужчина – добытчик:**

Фемининные характеристики реализуются в следующих стереотипах:

1) Женщина-хранительница домашнего очага.

Как показал анализ художественных текстов, женщина в первую очередь должна следить за чистотой и порядком в доме, вся ее жизнь должна строиться в заботах и хлопотах о муже, детях, семье. Например:

Видавшая и не такие виды хранительница домашнего очага, Ирина Борисовна молниеносно воздала каждому по деяниям его [Еремей Парнов. Александрийская гемма].

Стереотипный образ женщины ассоциируется с действиями и поступками, направленными на создание уюта для мужчины: *вдохнуть в холодное и поспешное существование мужчины тепло и красоту домашнего очага: Вся ее энергия, самостоятельность, фантазия направлены на то, чтобы где угодно, как угодно вдохнуть в холодное и поспешное существование мужчины тепло и красоту домашнего очага.* [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002].

Мужчина работает, а женщина как хранительница домашнего очага берет на себя ведение домашнего хозяйства:

Но Кирилл свято верил в народную мудрость, которая гласила: «Хочешь узнать, какой станет твоя суженая через двадцать лет, взгляни на будущую тещу». Оксана Максимовна была хранительницей домашнего очага. Папа — академик, ученый-физик — вечно торчал на работе или трудился в домашнем кабинете [Марианна Баконина. Девять граммов пластита, 2000].

Удел женщины уборка, мытье, стирка, глажка, приготовление пищи, присмотр за детьми, покупки (*putzen, waschen, staubsaugen, bügeln, kochen, babysitten, Gartenpflege, einkaufen*) и др. Например:

— Так всегда!.. **Удел женщины — кухня и стирка белья.** — Ну, не только, — возразил Михаил Афанасьевич [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015].

Ты же сама — мужик! — Я не мужик! Я простая русская баба, которой, кроме детей и кухни, ничего больше в жизни не надо [Андрей Житков. Кафедра, 2000].

*Dich hat der Mann gewählt, der sich nur nach Ruhe sehnt, den **du pflegen sollst in seinem stillen Heim**?* [E. Werner (Elisabeth Bürstenbinder). Fata Morgana]. Перевод: *Тебя выбрал человек, который жаждет покоя и за которым ты должна ухаживать у тихого домашнего очага* [Эльза Вернер. Мираж (пер. С.М. Михайлова, 1995)].

*Sie liebte ihre Hausarbeit, fuhrwerke von früh bis spät in der Wohnung herum, **schrubbte, putzte, wusch, kochte, nähte** - und warf sie sich einmal erschöpft in den Stuhl, dann nur, um sich zu verschnaufen* [Bredel, Willi: Die Väter. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Bd. 7, Berlin: Aufbau-Verl. 1973 [1946], S. 218]. Перевод: *Она любила свою работу по дому, возилась по квартире с утра до ночи, драила, убирала, стирала, готовила, шила — и, утомившись, бросалась в кресло, то только для того, чтобы отдышаться.*

2) Женщина – соблазнительница и обольстительница.

Фемининные качества достаточно ярко актуализируются в образе роковой женщины. Стереотипный образ роковой женщины в художественном дискурсе представлен женщиной-вамп, возлюбленной, любовницей, фавориткой, особой подругой, жрицей любви, совратительницей, куртизанкой, гейшей и др.

Роковая женщина – это сексуальная и соблазнительная, вероломная и коварная женщина, холодная обольстительница, разбивающая мужские сердца: *Зачем ей внушали в семье, в школе, в обществе, что **покорять мужские сердца и блистать** — самое почетное занятие для женщины?* [А.Н. Будищев. Горькая правда, 1901].

Роковая женщина способна *вершить мужские судьбы и покорять мужские сердца*:

*Теперь перед ним сидела не роковая женщина, движением бровей способная **вершить мужские судьбы**, а обыкновенная девчонка, беспокоящаяся за жизнь своего возлюбленного* [Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало, 2007].

*Умный, несчастный, обреченный мучиться со мной мужчина сказал: **Настоящая женщина: стерва. — Вот всегда ты так: одной рукой гонишь, другой манишь*** [Татьяна Набатникова. День рождения кошки].

Роковая женщина – это женщина, противоположная «хранительницы домашнего очага»:

*Итак, молодая женщина привлекательной наружности имела **туманное представление о понятии «хранительница очага и целомудрия» и оформила свой жизненный путь до дня нашего повествования множеством отметок в паспорте о семейном положении**. Причем бог миловал ее совесть на предмет наличия подрастающего поколения, так как всем хорошо известно, кто из членов семьи страдает в первую очередь при ее распаде. Цепочка brutальных партнеров по брачным отношениям Ольги выглядела так: дальнобойщик, бизнесмен, спортсмен, научный сотрудник и полицейский. Все персонажи были достаточно колоритны, чтобы кратко остановиться на их описании* [Валерий Казанцев. Роковая женщина с признаками обыденности/ <https://proza.ru/2017/07/20/333>].

Естественно, девица, которая привыкла возглавлять все женские рейтинги, не могла позволить себе оказаться в «болоте» нудной семейной жизни (про Маяковского и его фразу, связанную с лодкой и бытом, она, конечно же, ничего не знала - просто так совпало) [Валерий Казанцев. Роковая женщина с признаками обыденности. <https://proza.ru/2017/07/20/333>].

На немецком языке:

Wie das Weib dem Mann gegeben Lieblich zur Gespielin war, Ist die Nacht das halbe Leben - Und die schön're Hälfte zwar. [Müller-Jahnke, Clara: Ich

bekenne. In: Deutsche Literatur von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1904], S. 52600]. Перевод: *Как женщина была дана мужчине в качестве подруги, ночь — это половина жизни, и более прекрасная половина тоже.*

*Wenn die Institution der Ehe nicht existierte, sie müsste geradezu erfunden werden, und zwar vor allem zum Schutz für diese **freien Liebspriesterinnen**.* [Duncker, Dora: Großstadt. In: Deutsche Literatur von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1900], S. 17912]. Перевод: *Если бы института брака не существовало, его пришлось бы изобрести, прежде всего для защиты этих свободных жриц любви.*

*Nicht mehr **eine Verführerin**, sondern ein für den Augenblick geschlagenes Weib, das nun trachtete, sich zu sammeln, seine Hilfskräfte zu bedenken, sich klarzumachen, wie der Mann dennoch zu besiegen sei ...* [Boy-Ed, Ida: Vor der Ehe. In: Deutsche Literatur von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1915], S. 8280]. Перевод: *Уже не соблазнительница, а женщина, потерпевшая поражение на данный момент, которая теперь пыталась собраться, подумать о своих помощниках, сообразить, как еще можно победить мужчину...*

*Soll sie als biedere Hausfrau auftreten, die zwar guten Kuchen bäckt, aber bestimmt keine **Femme fatale** ist?* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 112]. Перевод: *Должна ли она предстать в образе консервативной домохозяйки, которая печет хорошие торты, но точно не роковой женщиной?*

3) Женщина – сексуальный объект для мужчины:

Рассмотрим стереотипный образ любовницы, содержанки, который представлен в художественном дискурсе:

*И лишь потому, что у очередного олигарха **молодая содержанка** хочет новую яхту, что телезвезда, дочь известного политика, каждый месяц приобретает новую иномарку, что **любовница** депутата требует у народного избранника плату за любовь в виде алмазного кольца... [Олег Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI].*

*Verkriechst dich mit einem kleinen, **schmutzigen Ding**, das überdies offensichtlich **die Geliebte** des Advokaten ist, und bleibst stundenlang weg, suchst nicht einmal einen Vorwand, verheimlichst nichts, nein, bist ganz offen, läufst zu ihr und bleibst bei ihr.* [Franz Kafka. Der Prozess]. Перевод: *Забрался куда-то с этой маленькой грязной тварью — ведь она наверняка **любовница** адвоката — проторчал там бог знает сколько времени и даже никакого предлога не придумал, ничего не утаил, так открыто, при всех побежал к ней, да там и остался.* [Франц Кафка. Процесс (пер. Р. Райт-Ковалева, 1965)].

Для женщины статус жены выше статуса любовницы: *Sie war in der Meinung der Mißgunst nicht mehr **die dumme, eitle Geliebte** des Herrn Fabrikdirektors, die ihr Lebensziel erreicht hatte, indem sie geheiratet worden war.* [Düffel, John von: Vom Wasser, München: dtv 2006, S. 208]. Перевод: *В глазах зависти она уже не была глупой, тщеславной любовницей директора фабрики, которая добилась своей цели в жизни, выйдя замуж.*

Любовница всегда оказывается в любовном треугольнике на позициях второй женщины (*Zweitfrau, Nebenfrau*).

*Er ist verheiratet, und ich bin wieder **die gelackmeierte Zweitfrau**.* Jentsch, [Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 258]. Перевод: *Он женат, а я снова оказалась обманутой любовницей.*

В немецком языке для обозначения любовницы и любовных отношений используются такие метафоры как *Schattenfrau Schattenliebe* (*тайная (теневая) жена, тайная (теневая) любовь.*) (например, роман Hedi Schultiz «Die Schattenfrau»).

В художественном дискурсе представлен образ доступной женщины, торгующей свободной любовью (*проститутка за сотню баксов в час, холеная шлюха, женщины любви*).

*Может быть, тебе кажется, что **проститутка за сотню баксов в час и холеная шлюха по полтора миллиона за десять лет счастливой супружеской жизни** — это два принципиально разных вида женщин, но на самом деле суть одна.* [С.А. Самсонов. Аномалия Камлаева, 2006-2007].

В репрезентации стереотипного образа женщины любви используются слова и словосочетания с отрицательной оценочной семантикой: *истеричные, лгуны, обманщицы, притворицы, с холодно-развращенным умом и извилистой темной душой, глупые, наивные животные* и др.:

Известно, что «женщины любви» никогда не знают середины в любовных отношениях. Они или истеричные лгуны, обманщицы, притворицы, с холодно-развращенным умом и извилистой темной душой, или же безгранично самоотверженные, слепо преданные, глупые, наивные животные, которые не знают меры ни в уступках, ни в потере личного достоинства. [Куприн. Яма. <https://xn----7sbb5adkndelcb0dyd.xn--p1ai/%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD-%D1%8F%D0%BC%D0%B0/#ch1>].

В немецком языке для обозначения легкодоступной женщины употребляются слова: *Dirne, Metze, Frauenzimmer, Kurtisane, Escort, Frau für spezielle Dienstleistungen, Freudenmädchen, Liebesdame, Liebedienerin, Liebesmädchen, Prostituierte, Sexdienstleisterin, Straßendirne, käufliches Mädchen, Gunstgewerblerin, gefallenenes Mädchen, Anbieterin für sexuelle Dienstleistungen, Bordsteinschwalbe, Dorfmatratze, Edelnutte, Entspannungsdame, Hartgeldnutte, Horizontale, Hure, Metze, Nutte, Professionelle, Schnepfe, Sexarbeiterin, Straßenmädchen* и др.

Приведем примеры:

*Michaela schwenkte ihren Hintern, als gäbe sie die **Dirne** im Freilichttheater.* [Schulze, Ingo: Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005, S. 625]. Перевод: *Микаэла виляла задом, словно проститутка в театре под открытым небом.*

*Hinter fremdem Kriegsvolk, das ihn umringte, lugten zwei verkommene Marketenderinnen, **Kuppelweiber** und Branntweinschenkerinnen hervor, die es nicht mehr lockte, im Berlin des roi sergeant eine Schenke zu führen: die Dicke Schneider, die einst in Mannskleidern **Huren** einfing, und ihre Schwester, die Krätzemutter und Engelmacherin.* [Klepper, Jochen: Der Vater, Gütersloh: Bertelsmann 1962 [1937], S. 685 685]. Перевод: *За спиной окружающих его*

иностранных воинов выглядывали двое развратных сутенеров, проституток и любителей бренди, которых уже не привлекало управление баром в Берлине королевского сержанта: толстый портной, ловивший когда-то шлюх в мужской одежде, и ее сестра, мать Скабберса и создательница ангелов.

*Es war ihm zur Gewohnheit geworden, einmal in der Woche die Toilettenfrau grob zu beschimpfen, sie mit oftmals recht altmodischen Ausdrücken wie: **Dirne, Metze, Frauenzimmer, Verruchte, Unselige!** zu benennen. [Günter Grass. Blechtrommel]. Перевод: У него вошло в привычку раз в неделю грубо бранить уборщицу при туалетах, осыпать ее такими, зачастую весьма старомодными, ругательствами, как: **шлюха, бабье проклятое, потаскуха, чокнутая, полоумная!***

*Aber es sagt wohl schon genug, daß Herr Ma sie von der Straße aufgelesen, wo sie in einem Teehause die zweifelhafte Rolle einer Sängerin, Tänzerin und **Kurtisane** - ich gebrauche dieses beschönigende Wort - spielte. [Klabund: Der Kreidekreis. In: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1925], S. 111613]. Перевод: но достаточно сказать, что г-н Ма подобрал ее на улице, где она в чайной играла, если можно так сказать, сомнительную роль певички, танцовщицы и куртизанки.*

Женщина одновременно может быть доступной и благочестивой, например: *Im Kloster ist sie eine Hure und eine fromme Frau zugleich. [Weismantel, Leo: Die höllische Trinität, Berlin: Union-Verl.1966 [1943], S. 89]. Перевод: В монастыре она блудница и благочестивая женщина одновременно.*

Следующие стереотипные маскулинные качества представлены в художественном дискурсе:

1) Мужчина – добытчик и защитник:

В художественном дискурсе актуализируется идеализированный образ мужчины-добытчика и защитника:

Он воин, этот мужчина, — воин, добытчик, отец, муж, — неважно чей, возможно, и вовсе ничей, но я все равно люблюсь. [К. В. Арутюнова. Такая страна (2012) // «Волга», 2013].

Не бери в голову, — советовала я. — Нормальный мужчина по природе добытчик. Умный мужчина ищет, где добывать выгоднее. [Н.В. Нестерова. Неподходящий жених].

Женщины предпочитают и любят сильных и успешных мужчин (защитник, добытчик, сильный, успешный):

Может быть, это и нехорошо, с твоей точки зрения, но я могу любить только сильного и успешного мужчину. Мужчина — глава семьи, защитник. Да, и добытчик [Марина Полетика. Однажды была осень, 2012]

За месяц он одел ее: купил широкий модный песочного цвета макинтош, шубу, обуви три пары и кучу всякого тряпья, от которого она обезумела, опьянела, каждый час меняя кофточку или юбку. [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы, 1980-2006].

Отрицательными качествами настоящего мужчины являются слабость и нерешительность: *Анне женская интуиция подсказывала, что перед ней не мямля, не слабак, не маменькин сынок, а достойный представитель сильного пола.* [Е. В. Колина. Дневник измены, 2011].

В данном примере слова *мямля, слабак, маменькин сынок* относительно мужчины употребляются в качестве порицающих слов.

В немецком языке:

Er mußte für die anderen Vater und Ernährer sein. [Scherzer, Landolf: Der Erste, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2001 [1988], S. 200]. Перевод: *Он должен быть для других отцом и кормильцем.*

Aber ich hege die stille Hoffnung, daß der treue Beamte und brave Versorger seiner Familie die drei Häufchen noch einmal zwei Wochen lang hat nachzählen lassen, so daß ich also nicht die Verantwortung zu tragen habe, wenn der Mann vielleicht doch zum Rapport kommandiert wird. [Traven, B.: Das Totenschiff, Berlin: Büchergilde Gutenberg 1929 [1926], S. 64]. Перевод: *Но я тихо надеюсь, что*

верный чиновник и добросовестный кормилец своей семьи еще раз поручил пересчитать эти три кучки в течение двух недель, так что мне не придется нести ответственность, если этого человека, возможно, вызовут для отчета.

Es waren schöne Zeiten gewesen, und niemals nachher hatten sie sich, wenigstens in diesem Glanze, wiederholt, trotzdem Gregor später so viel Geld verdiente, daß er den Aufwand der ganzen Familie zu tragen imstande war und auch trug [Franz Kafka. Die Verwandlung, 1912]. Перевод: *То были хорошие времена, и лотом они уже никогда, по крайней мере в прежнем великолепии, не повторялись, хотя Грегор и позже зарабатывал столько, что мог содержать и действительно содержал семью.* [Франц Кафка. Превращение (С. Апт, 1964)].

Как показал анализ практического материала на немецком языке, несмотря на все дискуссии о гендерном равенстве, остается традиционное распределение ролей (мужчина- добытчик, женщина- хранительница очага), что устраивает и женщин, и мужчин. Традиционные модели поведения укоренились глубоко в сознании.

Настоящий мужчина смелый, сильный и отважный:

Надо видеть, как этот сморчок строит из себя супермена, и ужас в том, что для многих он уже такой и есть: умный, смелый, свободный [Галина Щербакова. Моление о Еве, 2000].

Бывают же среди них исключения, в любой момент готовые оказать помощь слабым женщинам, скромные герои, такие как Арни: с виду он отъявленный негодяй, а в душе кроткий ягненок и одновременно храбрый мачо, всегда спешащий по первому зову.[Анна Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь // «Ковчег», 2015].

На немецком языке: *Dein Mann ist ein Held in dieser Welt! Welcher Mann wünscht sich das nicht?* [Cornelia Funke. Tintentod, 2007]. Перевод: *Ваш муж-герой в этом мире! Какой мужчина не хочет этого?*

2) Мужчина – романтик и джентльмен.

Стереотипный образ романтика и джентльмена реализуется словами и словосочетаниями: *вежливый, обходительный, приятный, рыцарь, романтик высшей пробы, romeohafte Romantiker, Gentleman, Kavalier, ein galanter Held, romantische Verehrer* и др. Например:

Забегая немного вперед, следует заметить, что он повел себя как настоящий джентльмен — держался со Светланой вежливо и обходительно. [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть, 2000].

Понравился Глеб: приятный и модный мужчина под сорок, на хорошей работе и с перспективой, self-made-man и джентльмен — хоть с ипотекой, но без алиментов. [Алексей Иванов. Комьюнити, 2012].

— *Настоящий джентльмен всегда внимателен к даме,* — твердо сказала Дарья. [Наталия Ермильченко. Леди и джентльмены // «Мурзилка», 2002].

— *Я, как мужчина, как джентльмен, должен выпить стоя,* — заявил он и покосился на Семена. [Андрей Троицкий. Удар из прошлого, 2000].

Он у нас рыцарь и романтик высшей пробы [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001].

Прими все удары на себя, ты мужчина, ты рыцарь. [Светлана Василенко. Дурочка].

В приведенных примерах реализуются основные качества мужчины романтика и джентльмена: *держался вежливо и обходительно, всегда внимателен к даме, выпить стоя, принимать все удары на себя, рыцарь.*

Приведем примеры на немецком языке:

«Ausgenommen natürlich romeohafte Romantiker», fügte ich etwas lahm hinzu. » Und Künstler natürlich. [Erich Maria Remarque. Das gelobte Land].
Перевод: — Конечно, если человек не безнадежный романтик, как Ромео, — добавил я, смягчаясь. — И не художник.

Романтичным считается подарить цветы, устроить ужин при свечах, подать пальто. Мужчина играет роль романтика, чтобы доставить удовольствие женщине, заинтересовать ее.

Слово «Gentleman» в немецком языке употребляется в следующих сочетаниях: *wie echte Gentlemen benehmen, ehrenwerter Gentleman, ein tadelloser Gentleman, ein perfekter Gentleman, mit den gepflegten Manieren eines englischen Gentleman, elegant gekleideter Gentlemen, respektabler Gentleman, der höfliche Gentleman* и др.

*Sobald er das Zimmer betrat, zog er beides an, schenkte sich einen Cognac ein, machte es sich auf dem Sofa bequem, setzte eine Havanna in Brand und **fühlte sich als Gentleman.*** [Suter, Martin: Lila, Lila, Zürich]. Перевод: *Едва войдя в комнату, он надел и то, и другое, налил себе коньяка, устроился на диване, закурил гавану и почувствовал себя джентльменом.*

*Mein Liebhaber **entschuldigte sich wie ein Gentleman** und bedauerte, daß er heute nicht ganz auf dem Posten sei.* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 37]. Перевод: *Мой любовник извинился, как джентльмен, и пожалел, что сегодня не совсем на своем посту.*

Роль мужчины романтика и джентльмена заключается в том, чтобы заставить женщину почувствовать себя особенной. Главными качествами мужчины романтика и джентльмена являются: *Geborgenheit, Zuwendung, Zärtlichkeit, ein bisschen Geld, guten Geschmack, Tugenden, Höflichkeiten.*

5) Мужчина – герой-любовник (*бабник, альфонс, жиголо, мачо, казанова, дамский угодник, блядун, кобель, Frauenheld, Herzensbrecher, Schürzenjäger, Witwentröster, Gigolo, Ladykiller, Playboy, Weiberheld* и др.):

«Бабник, бабник, юбочник, кобель и блядун первостатейный, — определил он про себя с некоторой долей понятной мужской зависти. [П. Л. Проскурин. Число зверя. Часть первая // Роман-газета, 1999].

Выражения «дамский угодник» и «галантный кавалер» употребляется обычно иронично в отношении мужчин, любящих ухаживать за женщинами, угождать им, например:

Колин свидетель — самый длинный и симпатичный, коротко стриженный, с темным ершиком на голове — Серега, балагур и дамский угодник Ашот, поднявший за молодых два, один цветистей другого, тоста,

худой, нескладный и молчаливый, слова не вытянешь, Леша, всю свадьбу честно их фотографировавший и наконец спрятавший свой большой фотик в футляр. [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012].

Саша Баранов, настоящий галантный кавалер, поприветствовал даму [К.Л. Селиверстов. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве // «Волга», 2011].

Женщина любит один раз, но навсегда, а мужчина, точно борзой кобель... [А.И. Куприн. Яма]. Сочетание «борзой кобель» в русском языке имеет неодобрительный оттенок и обозначает похотливого мужчину.

Но ведет себя совершенно как тридцатилетний мачо, бегаёт по утрам наперегонки с собакой лабрадором, внимательно смотрит на девчонок — ни одной юбки не пропускает, — при этом крепко женат. [Г.М. Артемьева. Фата на дереве, 2012].

Нежный любовник. Верный-неверный муж. Рассеянный и щедрый, действительно не жалко ничего, никогда — себя, денег, вечно глупые маленькие подарочки — но не от доброты, от рассеянности. [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012].

У неё был любовник — внимательный, щедрый на цветы. [Слава Сэ. Ева, 2010].

Двадцати лет от роду, молодой лирик, честолюбец и любовник зрелой женщины, Лев Криворотов умудрился влюбиться дважды в течение одной недели, и оба раза пылко [Сергей Гандлевский. НРЗБ].

Тяжело дыша, она садилась на край постели, натягивала чулки и говорила, чтобы молодой человек шел сюда, она его поцелует, потому что он просто р-р-роскош-ш-шный любовник. [И. Ю. Стогов. Мачо не плачут, 2001].

Высокий, с широким плечевым поясом, шевелюра густая, карие глаза, опушенные длинными ресницами... Типичный блядун. Вряд ли.. [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012].

«Der schmachthende Liebhaber, sagte jemand neben ihm.» Bist du nicht zu alt für solche Rollen? [Erich Maria Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge].

Перевод: *Изнывающий любовник, — произнес женский голос рядом с ним. — А не староват ли ты для такой роли?* [Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаимы, или Небесам не ведомы любимцы (Д.Н. Шаповаленко, 2017)].

*Daß ihr ein Mensch, ein Mann, daß ihr **Casanova** selbst, der all dies erlebt hatte und noch vieles andre, was er nicht erzählte, daß ihr der Geliebte von tausend Frauen gegenüber saß, — und daß sie das wußte, davon verrieten ihre Mienen nicht das geringste.* [Arthur Schnitzler. Casanovas Heimfahrt, 1918]. Перевод: *Она знала, кто сидит перед ней, — человек, мужчина, сам **Казанова**, переживший все эти приключения и еще многие другие, о которых он не рассказывал, возлюбленный тысячи женщин, но по лицу ее нельзя было это прочесть.*

Стереотип бабника актуализируется следующими словами и словосочетаниями: *волочиться за женщинами, приударить за женщинами, куртизан, Schürzenjäger, Weiberheld, Frauenjäger, Verführer, Hurenbock, Frauenheld, jedem Rock nachsteigen, nur Weiber im Kopf haben, jedem Weiberrock hinterherlaufen, viel Erfolg bei Frauen haben, der charmanteste Ladykiller* и др.

Бабник, бестрепетно перешагивающий через поверженные тела соблазненных женщин, не эгоист: много женщин — много риска, много хлопот, и вообще, любое чрезмерное увлечение противоречит здоровому эгоизму [А. И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга»].

Ни к чему былой гон за бабами, за драйвом, за успехом [Алексей Иванов. Комьюнити, 2012].

*Jedem Rock, den er sieht, muß er nachsteigen, und als wäre das nicht schon unerträglich genug, ist er ein **Frauenheld** nur zur Tarnung.* [Venske, Regula: Marthes Vision, Frankfurt am Main: Eichborn Verlag 2006, S. 162]. Перевод: *Ему приходится лезть за каждой юбкой, которую он видит, и, как будто это недостаточно невыносимо, он бабник только для маскировки.*

«Adieu, Herr Agent!» sagte sie. «Minnesänger! Mädchenfänger! Altes Schaf!» [Thomas Mann. Buddenbrooks]. Перевод: *— До свиданья, господин агент! — кричала она ему вслед. — До свиданья, бабник-похабник! До свиданья, старый хрыч!* [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)].

б) Мужчина-подкаблучник. Как показал анализ текстов современной художественной литературы, стереотип мужчины как главы семьи, добытчика и защитника претерпевают изменения, мужчина приобретает фемининные качества (*подкаблучник, неудачник, маменькин сынок, слабак, «баба», размазня, тюфяк, Pantoffelheld, Muttersöhnchen, Mutterkind* и др.), которые характеризуются негативной оценочностью.

Мужчина, который находится под постоянным контролем у жены называется *подкаблучником*:

Колька-дзык, как и муж тети Тома дядя Никандр, всю жизнь делавший вид, что страсть как боится своей жены и есть он не что иное, как ее вечный подкаблучник, тоже напридуривавшись вдосталь, говорил народу на пристани [Виктор Астафьев. Жестокие романсы (2000) // «Знамя», 2001].

Но, по правде говоря, если Топор и спешил, то не слишком, ему было понятно, что с приездом мамыши он потеряет свою самостоятельность и будет под каблуком у Заразы Ивановны, — именно поэтому он в свое время и эмигрировал с Черной Грязи. Людмила [Петрушевская. Город Света // «Октябрь», 2003].

Один совсем не пьет, другой подкаблучник, третьего, наверно, еще от мамкиной груди не отлучили. [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].

Выражение «*быть под каблуком*» в русском языке употребляется относительно мужа, которые не имеет своего собственного мнения, находится в подчинении у жены.

— *Ты не мужчина, Валялкин! Ты мизер, размазня, пустое место! И не смей заговаривать дверь!* [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона, 2004].

— *Я думала, что ты настоящий мужик, а ты... Да ты просто размазня! Так и будешь всю жизнь на Нинку пахать.* [Татьяна Моспан. Подиум, 2000].

Достаточно часто встречается выражение «*маменькин сынок*», которое впервые данное выражение было употреблено в комедии Д.И. Фонвизина

«Недоросль». Используется для иронического обозначения несамостоятельного инфантильного мужчины в рамках оппозиции «слабый-сильный», т.е. репрезентируется фемининный образ мужчины:

*Анне женская интуиция подсказывала, что перед ней не **мямля**, не **слабак**, не **маменькин сынок**, а достойный представитель сильного пола.* [Е. В. Колина. Дневник измены, 2011].

Оппозиция «фемининность-маскулинность» реализуется с помощью выражений «*маменькин сынок - авторитарная жена*»:

Светлана Николаевна считала, что он бывший маменькин сынок и теперь ему нужна авторитарная жена, Надежда Михайловна придерживалась сразу двух мнений на выбор, по настроению — либо мазохист, либо хитрый садист, — а романтическая и доверчивая Катерина робко высказывалась, что допускает, только допускает, что у него большое и светлое чувство, в возможность которого до сих пор верила. [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая].

Рассмотрим примеры на немецком языке:

Er stehe ganz unter dem Pantoffel Madames, seiner Haushälterin oder vielleicht auch seiner Frau, das wisse man nicht. [Feuchtwanger, Lion: Erfolg. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelbänden, Bd. 6, Berlin: Aufbau-Verl. 1993 [1930], S. 757]. Перевод: *Он полностью находится под властью мадам, своей экономки или, может быть, своей жены, этого никто не знает.*

В немецком языке выражение *unter dem Pantoffel stehen* обозначает *быть под каблуком*, употребляется шуточно, а иногда уничижительно относительно мужчины, который находится под контролем жены.

Langsam sah und verstand er auch, daß der Elfährige ein verwöhnter Knabe war, ein Mutterkind, und in Gewohnheiten des Reichtums aufgewachsen, gewöhnt an feinere Speisen, an ein weiches Bett, gewohnt, Dienern zu befehlen. [Hermann Hesse. Siddhartha, 1922]. Перевод: *Постепенно понял он и то, что этот одиннадцатилетний мальчик — ребенок изнеженный, маменькин сынок, выросший в привычках богатства, привыкший к изысканной пище, к мягкой*

постели, привыкший командовать слугами. [Герман Гессе. Сиддхартха (Г. Б. Ноткин)].

*Er war gemein: „Wiese, **Muttersöhnchen**, lasches Knäblein, puh, wann schreiben Sie an Ihre Mammi... aber ehrlich! So, heute abend? Das werd ich Ihnen vermanschen!* [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend, 1960]. Перевод: *Он был и подл: «Визе, маменькин сынок, слабосильный крошка, ну, ну, когда вы будете писать вашей мамочке? Только честно! Ах так, сегодня вечером? Ну, ну, давайте!»* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (Е. Закс и Н. Ман, 1964)].

Слова *Mutterkind* и *Muttersöhnchen* употребляются для обозначения избалованного, зависимого и несамостоятельного молодого человека, имеет насмешливый оттенок.

*Ein Wunder eigentlich, denkt Otto Quangel flüchtig, daß solch eine Trantüte wie der Otto, so ein **von der Mutter verpimpeltes Söhnchen**, sich solch ein Prachtmädel einhandeln konnte.* [Hans Fallada. Jeder stirbt für sich allein, 1947]. Перевод: *Чудно, мелькает в голове у Квангеля, — такой размазня, кик Отто, такой маменькин сынок и вдруг подцепил такую красотку.* [Ганс Фаллада. Каждый умирает в одиночку (Н. Касаткина, В. Станевич, И. Татарина, 1971)].

В сочетании *verpimpeltes Söhnchen* (разбалованный сынок) причастие *verpimpelt* имеет уничижительный оттенок.

*Vielleicht wollte Mutter dem jungen Glück nicht auf die Finger sehen, dafür aber mir. Sie mochte Anton gern, hatte aber sofort erkannt, daß **er ganz nach meiner Pfeife tanzte**.* [Ingrid Noll. Kalt ist der Abendhauch, 1996]. Перевод: *Мамуля, видимо, не хотела мозолить молодым глаза, зато уж мне досталось! Антон ей нравился, но она тут же просекла, что он в моем доме — совершенный подкаблучник.* [Ингрид Нолль. Прохладой дышит вечер (Анна Кукуес, 2003)].

Устойчивое выражение *nach jmds. Pfeife tanzen* (в переводе на русский язык «подчиняться кому-либо без воли») употребляется для обозначения безвольного человека.

*Kaum hatten die Frauen durchschaut, daß hinter dem vermeintlichen Kraftprotz und Abenteurer **der nette Hausmann steckte**, brachen sie aus der Idylle aus und begaben sich selbst in Gefahr.* [Engler, Wolfgang: Die Ostdeutschen, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2000 [1999], S. 223]. Перевод: *Как только женщины поняли, что за предполагаемым мускулистым мужчиной и авантюристом стоит симпатичный домохозяин, они вырвались из идиллии и подвергли себя опасности.*

В данном случае симпатичный домохозяин противопоставляется мускулистому авантюристу (*vermeintlicher Kraftprotz und Abenteurer – der nette Hausmann*).

СЛОТ 2. «Гендерная роль в семье / Geschlechterrolle in der Familie».

Данный слот содержит информацию о стереотипных семейно-родственных ролях женщины и мужчины в русской и немецкой лингвокультурах: *муж, жена, брат, сестра, сын, дочь, дедушка, бабушка, тетя, дядя, свекровь, свекор, сноха, невестка, свояченица, шурин, Ehegatte, Vater, Sohn, Bruder, Tochter, Enkelin, Gatte, Sohn, Enkel, Nichte, Großvater, Großmutter, Schwiegermutter, Schwiegervater, Schwiegertochter, Schwester, Ehegattin, Braut, Bräutigam* и др.

Рассмотрим стереотипный образ **жены** в художественном дискурсе.

***Жена**, у которой и бюст, и бёдра, и... ну, вы понимаете, всё словно создано богом плодородия для неизменного и вневременного праздника урожая* [Олег Селедцов. Танго с феминистками // «Ковчег», 2013].

В данном примере представлен стереотипный образ жены, которая связывается с продолжением рода, что эксплицируется посредством употребления слов: *бюст, бёдра, плодородие, праздник урожая*,

Жена должна заниматься воспитанием детей, домашним хозяйством (*теплая, хозяйственная жена, варить борщ, хлопочет у плиты*), например:

*Да, моя жена ещё не забыла, как **варить борщ и делать для детей куриные котлетки**, а в толстом коричневом блокноте, запачканном мукой лет тридцать назад, у нас даже сохранились **рецепты «наполеона»** и*

«сметанника», записанные твоей пухлой рукой. [Семен Каминский. Мест нет // «Ковчег», 2012].

Ни они с ней, ни она с ними. Славина жена хлопочет у плиты. Заваривает чай [Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть].

*А потом вроде как ничего, успокоился, все-таки девушка с обложки журнала — это хорошо, а **теплая, хозяйственная жена под боком** — гораздо лучше* [Ю.И. Андреева. Многоточие сборки, 2009].

Жена одновременно исполняет обязанности домработницы:

*Однажды утонченный и одухотворенный поэт влюбился в Зинаиду Нейгауз, **вечно стирающую, чистящую, готовящую, убирающую – жену и домработницу в одном лице** известного пианиста.* [Анна Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь // «Ковчег», 2015].

Сравним: *Das Elapsieren heute Nachmittag ins Jahr 1851 verlief dann überraschend friedlich, vielleicht, weil meine fürsorgliche Gattin uns ihren unvergleichlichen Teekuchen mitgegeben hatte und wir Themen wie das Wahlrecht für Frauen in Erinnerung an hitzige Debatten bei anderen Gelegenheiten mieden.* [Kerstin Gier. Smaragdgrün]. Перевод: *Элапсация сегодня после обеда в 1851 год прошла на удивление мирно, возможно, в связи с тем, что моя заботливая супруга завернула нам с собой свой неповторимый пирог к чаю, а мы избегали таких тем как выборное право для женщин, памятуя о горячих дебатах в других случаях.* [Керстин Гир. Изумрудная книга (пер. С. Вольштейн, 2013)].

Жена всегда должна быть на стороне мужа:

*Недавно он слышит — случайно и не случайно — Стелла утешает по мобильнику какую-то бывшую коллегу: — **Ну и что загулял муж! Ты ведь женщина — должна быть выше этого!*** [В.Горланова, В.И. Букур. Моя тихая радость (2009) // «Волга»].

В художественном дискурсе стереотипный образ жены представлен заботливой, убирающей, готовящей, гостеприимной, работающей, покорной, бывшей, любимой, капризной, молодой, ревнивой, несчастной, обманутой, брошенной и т.д.

Как показал анализ примеров, жена ассоциируется преимущественно с домашним бытом, уходом за мужем и детьми.

Рассмотрим стереотипный образ **мужа** в художественном дискурсе.

Черт возьми, это недурно: деревни ваши с нею рядом, земля с землей, так вам и размежевываться теперь не нужно. Муж и жена — одна сатана. Матвей Иванович, уезжая в Петербург и пожимая мне руку, говорил. [И.И. Панаев. Раздел имения].

Сравним: *Holt konnte nur Bruchstücke vernehmen. „Mann und Frau sind eins“, vernahm er.* Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr Перевод: *До Хольта доносились лишь обрывки фраз. «Муж и жена — одна плоть...».* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (перевод: Е. Закс и Н. Ман, 1964)].

Ein deutscher Mann, hat der Scheidungsrichter gesagt, soll mit der Frau zusammen leben, die ihm Kinder gebären kann. [Christa Wolf. Kindheitsmuster, 1976]. Перевод: *Немецкий мужчина, сказал на разводе судья, должен жить с женой, которая способна родить ему детей.*

В художественном дискурсе представлен образ мужа без авторитета: *А Маша заявила: — Мой муж — объелся груш. — И принялась рассказывать:— Замуж выходила — такой же юный, активный и работающий был, как тот самый Стас.* [Анна Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь // «Ковчег», 2015].

Также: *Отношения Нади с Иваном так и не вошли в состояние устойчивого равновесия: то месяцами он играл роль примерного супруга, то на месяц-другой уходил в загулы и не ночевал дома.* [Юрий Кашкин. Валюха-горюха // «Ковчег»].

Приведем примеры на немецком языке:

Im Gegenzug erzählte Fenoglio ihren Kindern Gutenachtgeschichten und hörte sich geduldig an, was für ein sturer Klotz ihr Mann manchmal sein konnte. [Cornelia Funke. Tintenblut, 2005]. Перевод: *А Фенолио в ответ рассказывал ее детям сказки на ночь и терпеливо выслушивал, каким упрямым чурбаном*

бывает иногда ее муж. [Корнелия Функе. Чернильная кровь (пер. М.М. Сокольская, 2007)].

*Einen Mann besaß ich zwar, aber einen **untreuen, oberflächlichen, ziemlich faulen*** [Ingrid Noll. Die Apothekerin]. Перевод: Муж у меня, правда, имеется, но лентяй, шалопут и бабник. [Ингрид Нолль. Аптекарьша (пер. Г.А. Шевченко, 2001)].

Таким образом, наиболее часто встречающимся типичными характеристиками мужа являются следующие лексические репрезентанты: *новый, бывший, разведенный, гражданский, спокойный, деликатный и любящий, непутевый, гулящий, чужой человек, бездельник, ehemaliger Ehemann, junger Ehemann, vorsorglicher Mann, richtiger Eheherr, eifersüchtiger Ehemann, vortrefflicher Mann, treuer Ehemann, treuloser Ehemann, der schönste Ehemann, ein vorbildlicher Ehemann, der besoffene Ehemann* и др.

Семейная роль женщины и мужчины связаны с ролью **матери и отца**.

Стереотипный образ **матери** (*заботливая, добрая, работающая, одинокая, уставшая мать, allein erziehende Mutter, berufstätige Mutter, werdende Mutter, leibliche Mutter, die unverheiratete Mutter* и др.):

*Он и сам не рвется на Лильке жениться, он же разумный человек, понимает, что ему нужна не просто жена, а **мать для его детей**, а какая из Лильки мать?* [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают].

*Она настоящая жена и мать, для нее главное – семья, дети, у них с Игорьком четверо детей и трое внуков, она привыкла **нянчиться и заниматься хозяйством и воспитанием**, а не цацками и шмотками.* [Александра Маринина. Последний рассвет].

*Jetzt sind die Äpfel und auch alle anderen Früchte unseres Gartens saftig und süß, mein Vater reißt sie vom Baum, dann **kocht meine Mutter sie ein und verschließt sie luftdicht in Gläsern.*** [Erpenbeck: Wörterbuch, Frankfurt am Main: Eichborn Verlag 2004, S. 77]. Перевод: Теперь яблоки и все другие фрукты в нашем саду сочные и сладкие, мой отец срывает их с дерева, затем моя мать варит их и герметично закупоривает в банках.

Роль матери ассоциируется с воспитанием детей, подготовкой для семьи.

Материнская забота и любовь: *Только теперь я понимаю, что это была безумная материнская любовь* [Маша Трауб. Плохая мать, 2010].

Материнская любовь бескорыстна: *Есть мать еще, но мать — другое: матери неважно, какой ты, сильный или слабый, успешный, неудавшийся, любовь родителей к тебе слепая и безусловная, и каким бы чмушником и неудачником ты ни был, их отношение к тебе от этого ничуть не изменится.* [С.А. Самсонов. Кислородный предел].

Рассмотрим стереотипный образ **отца**:

Хочется снова знать, что папа самый сильный в мире, что он все может, что он защитит и от злой собаки, и от соседских мальчишек. [Мария Козаченко. Весна — пора мечтаний // «Ковчег», 2013].

Заскучаешь — выходи в коридор, где пахнет прогорклым салом, носится на трехколесном велосипеде Васька-бугай, в угловой комнате ноет, причитая по-бабы, Вовка-двоечник, которого опять отец выпорол [Вероника Кунгурцева. Синяя комната // «Октябрь»].

Väter, die schlagen, zerstören, was sie sich am meisten wünschen: eine glückliche Familie, die Liebe ihrer Partnerin, das Vertrauen ihres Kindes. [Diana Engel. Kinder leiden mit: Rat und Hilfe bei häuslicher Gewalt]. Перевод: *Чего больше всего желают отцы, которые бьют своих супруг и детей тем самым разрушая свой семейный очаг? Как ни странно — счастливую семью, любовь супруги, доверие ребенка* [Диана Энгель. Дети страдают в первую очередь! Совет и помощь при бытовом насилии, 2009].

Стереотипный образ отца представлен любящим, строгим, заботливым с одной стороны, а с другой стороны наказывающим своих детей.

Интересными являются стереотипные **представление о старой деве**, которые совпадают в изучаемых лингвокультурах. Стереотип старой девы в русскоязычном и немецкоязычном художественном дискурсах эксплицируется пренебрежительно иронично. Например:

Жалкая, трусливая старая дева, обросшая с ног до головы **комплексами** [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда, 2006].

«**Бедная** Людмила, — подумала я, — будет такая же **несчастливая**, как Лия Васильевна, **одинокая** старая дева, а может, под старость заведёт себе ребёнка от какого-нибудь физрука [Салават Вахитов. Разорванное сердце Адель // «Бельские просторы», 2013].

Недаром мама говорит, что **старые девы отличаются подозрительностью и жадностью**... . Это было сказано о моей сестре и его тетке Наташе. [Юрий Трифонов. Предварительные итоги, 1970].

*Ich bin ja ne **alte Jungfer** geblieben und habe **keine direkte Erfahrung mit Männern**, aber beobachtet habe ich sie doch ziemlich genau, und ich frage Sie, was ist das für eine Lage, wenn ein Mann da ankommt mit der Rückfahrkarte in der Tasche, immer den Fahrplan im Kopf und das Kasernentor, durch das er zu einer vorbestimmten Stunde durchgehen muß, oder die Frontleitstelle [Heinrich Böll. Gruppenbild mit Dame, 1971].* Перевод: Я осталась старой девой, у меня нет никакого опыта с мужчинами, но я многое повидала на своем веку и я говорю вам: ужасно, когда мужчина приезжает с обратным билетом в кармане и когда он все время думает о расписании поездов и о казарменных воротах, через которые должен пройти в определенный час, минута в минуту. Или если он думает о командном пункте на фронте...

*Sie war eine unbegüterte Verwandte der Langhals', **eine gutmütige und schwatzhafte alte Jungfer**, die den Namen einer Familie aus der ersten Gesellschaft trug, ohne dieser Gesellschaft doch zuzugehören, die nicht zu großen Dinern und Bällen, sondern nur zu kleinen Kaffeekreisen gebeten ward und mit wenigen Ausnahmen von aller Welt «Tante Lottchen» genannt wurde [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900)].* Перевод: Покупательница эта была бедная родственница Лангхальсов, добродушная и болтливая старая дева, которая, несмотря на свою громкую и аристократическую фамилию, отнюдь не принадлежала к высшему кругу. «Тетю Лотхен», как ее, за редкими исключениями, звал весь город, никогда не приглашали на парадные обеды и

балы, а разве что на чашку кофе [Томас Манн. Будденброки (пер. Н. Ман, 1953)].

Рассмотрим стереотип **свекрови** в русской лингвокультуре, который характеризуется преимущественно лексикой с негативным оттенком:

Подружка вот моя вышла замуж, а свекровь попалась лютая [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все].

*А эта дрянь, моя свекровь, мало того что все деньги у нас забирает, есть буквально не на что, а сама икру из банок ложками **лопает** и сливочным наилучшим слезящимся маслом от бруска закусывает прямо без хлеба, так ещё теперь и Сашеньку **возненавидела** за то, что он не их быдляцкой породы!* [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»].

Негативный образ свекрови в данном примере актуализируется с помощью следующих лексических единиц: *деньги забирает, дрянь, лопает, возненавидела*.

Свекровь всегда вмешивается в жизнь семьи сына особенно его жены (*зажала в клещи, что не продохнешь*):

Свободы не прибавилось, наоборот: моя свекровь Анна Марковна зажала меня в такие клещи, что не продохнешь. [Нина Катерли. На два голоса // «Звезда»].

Сильная привязанность к сыну тоже рассматривается как негативная характеристика свекрови:

*Вскипает **нелепая материнская ревность**, борьба за право вмешательства в дела взрослых детей, за свое влияние в семье — короче говоря, все то, что способно отравить жизнь молодых, испортить им отношения, полностью нарушить лад в семье.* [М.Л. Халфина. Одиночество].

Катина свекровь была женщиной неплохой, но она слишком любила своего сына — до такой степени, что все женщины, которые проявляли хоть какой-то интерес к Толику, казались ей исчадиями ада. [Татьяна Тренина. Никогда не говори «навсегда»].

В данном примере образ свекрови репрезентируется следующими лексическими сочетаниями: *неплохая женщина, слишком любила своего сына*.

В немецкоязычном художественном дискурсе стереотипный образ свекрови представлен более нейтрально, но все-таки слово «*Schwiegermutter*» употребляется в сочетании с негативно окрашенной лексикой, например, *böse Schwiegermutter* (злая свекровь), *keifende Schwiegermütter* (ворчливые свекрови). Например:

Cäcilie mit ihrem heiteren, kecken Wesen hatte nicht nur den Schwiegervater, sondern auch die «böse Schwiegermutter» für sich einzunehmen verstanden; Frau Pauline mochte jetzt «de Deern», wie sie offen äußerte, ganz gut leiden. [Bredel, Willi: Die Väter. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Bd. 7, Berlin: Aufbau-Verl. 1973 [1946], S. 410]. Перевод: Сесилия, с ее веселой, смелой натурой, умела не только расположить к себе своего тестя, но и свою «злую свекровь»; Мисс Паулин теперь очень любила «де Дирн», как она открыто сказала.

Luxusdinge des täglichen Gebrauchs werden angepriesen: die entzückenden Künstlerkarten, welche keifende Schwiegermütter, wimmernde Pantoffelhelden und zahnlose alte Jungfern zeigen, kosten nur zehn Pfennig; der anonyme Absender braucht nur - mit verstellter Handschrift - die Adresse daraufzuschreiben ... [Kisch, Egon Erwin: Der rasende Reporter, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2001 [1925], S. 313]. Перевод: Рекламируется повседневная роскошь: открытки с очаровательными художниками, на которых изображены ворчливые свекрови, хнычущие мужья-подкаблучники и беззубые старые девы, стоят всего десять пфеннигов; анонимному отправителю достаточно написать на нем адрес - замаскированным почерком...

СЛОТ 3. «Профессиональный статус/ Berufsstatus»

Данный слот содержит информацию о стереотипных, оценочных представлениях о профессиональном статусе женщины и мужчины (*парикмахерша, маникюрша, секретарша, балерина, медсестра, артистка, работница, посудомойка, нянечка, воспитательница, кассирша,*

библиотекариша, водители-дальнобойщик, юрист, судья, прокурор, тренер, инженер, декан, ректор, бизнесмен, врач, шахтер, водитель и др.).

Гендерные стереотипы фемининности и маскулинности в художественной картине мира отражаются в названиях профессий, например:

Рассмотрим достаточно яркий пример из романа Ф.Ф. Тютчева, написанного в 1892 году: *Положение Веры Дмитриевны было тем тяжелее, что неразвитое провинциальное общество смотрело глазами ее мужа; по его понятию: **актриса, музыкантша, хотя бы и консерваторка, писательница, женщина, занимающаяся живописью, и курсистка** — подходили под общую категорию* [Ф.Ф. Тютчев. Кто прав? (Из одной биографии)].

В приведенном примере автор употребляет существительные женского рода, называющие женские профессии: ***актриса, музыкантша, консерваторка, писательница, курсистка.***

Как показал анализ материала, стереотипные фемининные профессии обозначаются существительными женского рода, например:

*При обслуживающем персонале — будь то **приходящая прислуга, маникюрша, портниха, тренер по фитнесу...** несть им числа — они нисколько не напрягаются, не сковывают себя* [Ольга Новикова. Каждый убивал].

*На все руки мастер. И **парикмахерша, и маникюрша.** Веселая девка и не злая, а какая-то такая... плевать на все хотела...* [Вера Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный, 2000].

*Жена Кузнецова была **официанткой** одного из минских ресторанов, была много моложе сорокалетнего мужа и в тридцать седьмом году, по совету своей задушевной **подруги-буфетчицы,** написала на мужа донос.* [В.Т. Шаламов. Колымские рассказы].

В данных примерах употребляются существительные женского рода для обозначения стереотипно женских профессий «маникюрша», «парикмахерша», «официантка», «буфетчица» и «портниха».

Как известно, большинство существительных в русском языке, обозначающие профессию, должность или род деятельности, употребляются только в форме мужского рода. Это свидетельствует о преобладании мужского труда. Например:

*Во всяком случае, свои возможности он использовал на всю катушку. По образованию **отец был юристом**. Последние несколько лет он работал **главным редактором** одной довольно крупной газеты умеренно консервативного направления [Вера Белоусова. Второй выстрел].*

Такие профессии и должности как «следователь», «ректор», «ученый» выступают типично мужскими и употребляются в мужском роде. Например:

*Помню, профессор Сарымсаков — **ректор наш, математик, крупный ученый**, входил в студенческий барак утром — огромный фартук на брюхе, лицо и руки сажеей перемазаны — и кричал: — «Самовара подана!»... [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы].*

Также: ***Следователь** Баглаев с тоскливой завистью посмотрел на микроавтобус, в котором приехала дежурная следственно-оперативная группа и где теперь с комфортом будут посиживать кинолог с псом, и удрученно покачал головой: осматривать место происшествия под проливным дождем — занятие не только малоприятное, но, что еще хуже, практически неэффективное. [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают].*

Такие профессии, как *уборщица, прачка, швея, медсестра, няня, учительница, акушерка, кладовщица, косметолог* и др. представлены только в качестве женских. А такие профессии как *директор, инженер, водитель, грузчик, начальник, слесарь* и др. являются типично мужскими. Это свидетельствует о том, что обозначения стереотипно женских и мужских профессий реализуется в рамках оппозиции «сила-слабость».

В русском языке названия профессий, которые являются изначально мужскими, не имеют женского рода. И наоборот, изначально женские сферы

деятельности не обозначены названиями с мужским родом, что нашло свое отражение в художественной литературе.

Она — простая медсестра, — объяснил Женька, — а у простых и речь простая. Делают в больнице что хотят. Балерина-балерун, проститутка-проститут... Когда на дежурстве скука и пьянство, тогда и русал — предел мечтаний. [Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри].

Такие обозначения профессии как *врачиха, медичка, докторица, докторка, докторша, деканша, директрлица, директорша* и т.п. имеют снижено-разговорный, а иногда и негативный оттенок. Например:

В приемном покое молодая улыбчивая докторша профессионально-утешительным тоном задавала матери вопросы: «От кого же вы всё время защищаетесь, Анна Ивановна?» [Михаил Окунь. Дикое поле (2013) // «Волга», 2014].

Пока главный судья говорил свое, адвокатесса достала из сумочки косметичку, зеркальце оперла о сумочку, стала подводить губы. [Сергей Каледин. Записки гробокопателя].

Президентша набрала воздуха, чтобы произнести заготовленную речь, но потом махнула рукой и сказала устало и почти безнадежно: *Вы требуете невозможного.* [Е. В. Колина. Дневник измены, 2011].

Депутатша с высоко взбитыми волосами, с розовым палантином на конопатых плечах, длительно улыбаясь, давала интервью сразу нескольким каналам. [А.Н. Бузулукский. Встреча с президентом // «Волга», 2014].

После революции 1917 года в России женщины активно привлекались к труду. Гендерные статусно-ролевые характеристики стали меняться, женщины стали осваивать профессии *трактористки, машиниста подъемных кранов, летчицы, водителя трамваев, комбайнера, строителями, рабочего* и др. Например:

А пока это выясняли, жена его, трактористка-стахановка, заявила тут, что отныне она не считает себя женой предателя, и всенародно прокляла тот день и час, в какой судьба свела их [Василий Шукшин. Наказ].

*Но к Аюпу Зойка попала не скоро. Ее попросила подменить **крановщица-подружка**. Только забралась Зойка в железный скворечник-будочку, как заело трос на стреле. [Н. Алеев. Роза ветров // «Вокруг света», 1968].*

Однако маскулинизация профессионального рода деятельности женщин привело к тому, что рождаемость упала, поэтому на государственном уровне стали пропагандировать возврат к традиционным ценностям. Социальной сферой деятельности женщин стали медицина и образование что отражается в художественном дискурсе.

*Молоденькая светловолосая **медсестра Света** делала Костику уколы и ставила капельницу [М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок].*

*Катерина Львовна, **Кэтти, молодая, кончившая институт учительница**, схватилась за Нину Яковлевну и откровенно захохотала. [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1-4, 1928-1933].*

*Знакомьтесь? Ну, это просто **ученая женищина. Врач**. [М. А. Булгаков. Адам и Ева. Пьеса в четырех актах].*

В русской и немецкой лингвокультурах «женские» профессии, т.е. профессии, в которых преобладают женщины, пользуются меньшим уважением, чем в тех профессиях, в которых явно преобладают мужчины.

В течение длительного времени под влиянием феминистского движения в Европе 19-20 вв. увеличилась доля женщин в профессиях, которые традиционно читаются мужскими. Например:

*An ihrem Beruf als **Straßenbahnschaffnerin**, den sie seit ein paar Jahren hatte, mochte sie die Uniform und die Bewegung, den Wechsel der Bilder und das Rollen unter den Füßen. [Schlink, Bernhard: Der Vorleser, Zürich: Diogenes 1995, S. 40]. Перевод: Что ей нравилось в ее работе кондуктором трамвая, которой она занималась уже несколько лет, так это униформа и движения, смена образов и катание под ногами.*

*Da stellt sich eine junge Frau, von Beruf **Architektin**, vor die Gruppe und sagt sehr laut: »Ich brauche auch dringend eine Wohnung, wie dringend, will ich Ihnen gar nicht erst sagen, Genosse Fritschler. [Scherzer, Landolf: Der Erste, Berlin:*

Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2001 [1988], S. 134]. Перевод: *Молодая женщина, архитектор по профессии, стоит перед группой и очень громко говорит: «Мне тоже срочно нужна квартира, я даже не хочу вам говорить, как срочно, товарищ Фричлер.*

В немецкой лингвокультуре несмотря на то, что все обозначения профессий имеют как мужской, так и женский род, профессии все же разделяются на «женские» и «мужские». Женщины работают преимущественно в профессиях, связанных гуманитарной областью, а мужчины в профессиях, связанных с высокой физической нагрузкой, с опасными условиями труда, а также в научной сфере. Например, в таких профессиях как каменщик, горняк, водитель, электрик преобладают мужчины. А косметологи, педагоги или медсестры – это профессии, которыми почти исключительно занимаются женщины.

У мужчин преимущественно высокооплачиваемые профессии (*hochdotierte Berufe*): *Die Männer sagten von sich, daß sie selbständig seien, weltoffen, jünger aussehend, manche waren vermögend, **gutsituierte Unternehmer oder hatten hochdotierte Berufe wie Manager oder Filialleiter einer Bank.*** [Jentzsch, Kerstin: *Ankunft der Pandora*, München: Heyne 1997 [1996], S. 166]. Перевод: *Мужчины говорили о себе, что они работают не по найму, космополитичны, выглядят моложе, некоторые из них были богатыми, состоятельными предпринимателями или имели высокооплачиваемую работу, например, управляющего или управляющего отделением банка.*

Мужчины заняты на работе, связанной с тяжелым физическим трудом: ***Er arbeitete als Handlanger in einer Maurerbrigade, und wenn er dort auch keine «Steine zu klopfen» brauchte, wie er sich einmal ausgedrückt hatte, so mußte er doch Kies schaufeln, Zementsäcke schleppen, bis ihm die Arme lahm wurden, und Beton mit den Füßen stampfen.*** [Neutsch, Erik: *Spur der Steine*, Halle: Mitteldeutscher Verl. 1964 [1964], S. 875]. Перевод: *Он работал разнорабочим в бригаде каменщиков, и хотя ему не приходилось «ломать камни», как он однажды*

выразился, ему приходилось перегреть гравий, таскать мешки с цементом, пока не немели руки, и бетонировать с его ноги топают.

Слово «*Schiffbauer*» (кораблестроитель) в немецком языке изначально относится только к мужскому роду: *Und in ihrer plötzlich aufkommenden Angst sagte sie laut: Johann, er kann doch auf der Werft arbeiten als Schiffbauer?* [Bredel, Willi: Die Väter. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Bd. 7, Berlin: Aufbau-Verl. 1973 [1946], S. 443]. Перевод: *И в своем внезапном страхе она громко сказала: «Иоганн, разве он не может работать на верфи кораблестроителем?»* В DWDS мы не обнаружили слово «*Schiffbauerin*», но в словаре Duden дается.

Типично «мужскими» профессиями в немецкой лингвокультуре считаются такие как *Elektroniker, Kraftfahrzeugmechatroniker, Fachinformatiker, Industriemechaniker, Anlagenmechaniker für Sanitär-, Heizung- und Klimatechnik, Polizist, Wachmann, Dachdecker, Maurer, Fleischer, Elektriker*, а типично «женскими» считаются *Kauffrau, Krankenschwester, Lehrerin, Erzieherin, Sekretärin, Kosmetikerin, medizinische Fachangestellte, zahnmedizinische Fachangestellte, Verkäuferin, Dolmetscherin, Lehrerin* и др.

В отличие от русской лингвокультуры в немецкой наблюдается процесс феминизации профессий. Известно, что в немецком языке для обозначения «женских» профессий или рода деятельности используется суффикс *-in* в слове или прибавляется *-mann* или *-frau*, т.е. от любого существительного может быть образовано слово женского рода например: *Arzt – Ärztin, Architekt – Architektin, Bankkaufmann – Bankkauffrau, Berater – Beraterin, Kanzler – Kanzlerin, Rechtsanwalt – Rechtsanwältin* и др. Нормой в языке является существительное мужского рода, а женская форма образуется от изначально существующей мужской.

Мужские профессии осваиваются женщинами:

Einige der Männer begrüßten die Ingenieurin, andere nicht. [Neutsch, Erik: Spur der Steine, Halle: Mitteldeutscher Verl. 1964 [1964], S. 501]. Перевод: *Кто-то из мужчин поздоровался с инженером, кто-то нет.*

*Ich rief Frau Dr. von Wohlgemut an, **eine tüchtige Chirurgin**, und bat sie, den kleinen Zeh zu amputieren.* [Maltzan, Maria von: Schlage die Trommel und fürchte dich nicht, Berlin: Ullstein 1998 [1986], S. 256]. Перевод: *Я позвонил Др. фон Вольгемут, компетентного хирурга, и попросил ее ампутировать мизинец на ноге.*

Педагог, сестринское дело, секретарь, косметолог, парикмахерское дело также обычно являются типично женскими сферами деятельности, что находит свое отображение в художественном дискурсе. Например:

*Ich habe dann als **Putzfrau** gearbeitet, bis ich mit Hilfe der Gewerkschaften eine Anstellung bekam, als **Platzanweiserin** in einem Kino.* [Enzensberger, Hans Magnus: Der kurze Sommer der Anarchie, Frankfurt a. M.: Suhrkamp 1972, S. 95]. Перевод: *Потом я работала уборщицей, пока с помощью профсоюзов не устроилась швейцаром в кинотеатр.*

*Sie arbeitete als **Erzieherin** in einem Kindergarten, der zur Baustelle des Überseehafens gehörte.* [Neutsch, Erik: Spur der Steine, Halle: Mitteldeutscher Verl. 1964 [1964], S. 165]. Перевод: *Она работала воспитателем в детском саду, который был частью строительной площадки в Уберзеехафене.*

*Eine **hübsche, porzellanhafte Sekretärin** öffnete die Tür, die zu Levins Sprechzimmer führte.* [Erich Maria Remarque. Das gelobte Land]. Перевод: *Дверь кабинета Левина открылась, и на пороге возникла хорошенькая, изящная, как фарфоровая статуэтка, секретарша.*

*Anna war wohl ein paar Jahre jünger als Rosa und ging damals noch mehreren Berufen nach, **Molkerin, Zeitungsausträgerin und Hebamme**, um das Weiterleben der drei Frauen zu sichern.* [Stadler, Arnold: Sehnsucht, Köln: DuMont Literatur und Kunst Verlag 2002, S. 124]. Перевод: *Анна была, вероятно, на несколько лет моложе Розы и в то время все еще занималась несколькими профессиями, дояркой, разносчицей газет и акушеркой, чтобы обеспечить дальнейшее существование трех женщин.*

Следует отметить, что выбор «женской» или «мужской» профессии или рода деятельности зависит от степени выраженности фемининности (слабость,

зависимость, подчинение, пассивность, заботливость, эмоциональность и интуитивность) или маскулинности (доминирование, сила, логика, лидерство, амбициозность) у женщины или мужчины.

В результате проведенного анализа примеров из текстов классической и современной художественной прозы на русском и немецком языках установлены следующие наиболее частотные части речи, вербализующие стереотипы гендерно-ролевого поведения женщина и мужчин, социокультурные характеристики проявления фемининных и маскулинных признаков.

Частеречная маркированность стереотипа **фемининности** в русском языке:

существительное: *жена, свекровь, старая дева, домохозяйка, любовница, подруга, сожительница, содержанка музыкантша, проститутка, маникюрша, портниха, буфетчица, авторка, докторша, директриса, адвокатесса, депутатша и др.;*

существительное + существительное: *женщины любви, жрица любви, женщина-вамп, раба-женщина, стирка белья, воспитание детей, роль любовницы;*

прилагательное + существительное: *молодая содержанка, заботливая жена, работающая жена, одинокая мать, уставшая мать, приходящая прислуга, ученая женщина, лютая свекровь;*

прилагательное/причастие: *стирающая, чистящая, готовящая, убирающая;*

существительное + прилагательное + существительное: *дама бальзаковского возраста, хранительница домашнего очага;*

глагол: *нянчить, рожать, стирать, готовить, убирать, гладить, накраситься, припудриться, рыдать, истерить, болтать, ревновать, изменять, соблазнять;*

глагол + существительное: *варить борщ, заниматься хозяйством, вести хозяйство, заниматься воспитанием, накрасить губы, печь пироги, варить варенье, стирать белье;*

глагол + прилагательное + существительное: *вершить мужские судьбы, покорять мужские сердца;*

метафорические выражения: *хранительница очага, женщины любви, жрица любви, хозяйка дома;*

Частеречная маркированность стереотипа **феминности** в немецком языке:

существительное: *Geliebte, Mätresse, Dirne, Metze, Frauenzimmer, Hure, Escort, Freudemädchen, Kurtisane, Liebesdame, Liebedienerin, Liebesmädchen, Escortgirl, Bordsteinschwalbe, Kokotte, Hetäre, Verführerin, Putzfrau, Erzieherin, Zweitfrau, Nebenfrau, Sängerin, Tänzerin, Verführerin, Bettgenossin, Krankenschwester, Erzieherin, Sekretärin, Kosmetikerin, Zimmermädchen, Putzfrau, Magd, Dienstmädchen, Hausgehilfin, Kauffrau, Verkäuferin, Lehrerin, Karrierefrau;*

прилагательное+существительное: *weiblicher Mensch, freien Liebespriesterinnen, gelackmeierte Zweitfrau, berufstätige Mutter, allein erziehende Mutter, böse Schwiegermutter, keifende Schwiegermütter, alte Jungfern, toughe Karrierefrau, erfolgreiche Karrierefrau, geschiedene Zweitfrau, weiblicher Sextourismus, geschiedene Ehefrau;*

глагол: *putzen, waschen, staubsaugen, bügeln, kochen, babysitten, einkaufen;*

прилагательное/причастие: *kinderlos, alleinerziehend;*

существительное+ глагол: *Kinder erziehen;*

метафорические выражения: *Herzensbrecherin, Femme fatale, weibliche Heiratskurve, (jemandes) bessere Hälfte;*

Частеречная маркированность стереотипа **маскулинности** в русском языке:

существительное: *муж, любовник, кормилец, добытчик, подкаблучник, защитник, супермен, самец, герой, мачо, воин, джентльмен, рыцарь, бабник, юбочник, кобель, блядун, эгоист, неудачник, размазня, тюфяк, балерун, опора, хирург, насильник, начальник, директор, министр, прокурор, академик, ученый-физик, ректор* и др.;

прилагательное+существительное: *уникальный любовник, нежный любовник, верный муж, неверный муж, роскошный любовник, маменькин сынок, вечный подкаблучник, храбрый мачо, настоящий джентльмен, дамский угодник, галантный кавалер, борзой кобель, храбрый мачо, верный-неверный муж* и др.;

прилагательное/причастие: *ревнивый, зарабатывающий, щедрый;*

существительное+прилагательное+существительное: *роль примерного супруга;*

метафорические выражения: *глава семьи, лев, рыцарь и романтик высшей пробы, герой-любовник, глава семьи, ни одной юбки не пропускает, волочить за женщинами, приударить за женщинами, муж объелся груш, уходить в загулы* и др.;

Частеречная маркированность стереотипа **маскулинности** в немецком языке:

существительное: *Ernährer, Frauenheld, Herzensbrecher, Witwentröster, Gigolo, Playboy, Weiberheld, Weiberheld, Frauenjäger, Verführer, Hurenbock, Kavalier, Gentleman, Bettgenosse, Lover, Boyfriend, Stecher, Geldverdiener, Muttersöhnchen, Macho, Held, Mutterkind, Manager, Filialleiter einer Bank* и др.;

прилагательное+существительное: *eifersüchtiger Ehemann, treuloser Ehemann, vorbildlicher Ehemann, besoffener Ehemann, vortrefflicher Mann, männliche Hure, romeohafte Romantiker, verpimpeltes Söhnchen, vermeintlicher Kraftprotz, der nette Hausmann, galanter Held, autoritärer Macker, der charmanteste Ladykiller, gutsituierte Unternehmer, elegant gekleideter Gentlemen* и др.;

существительное+существительное: *Versorger seiner Familie, Haupt der Familie*

метафорические выражения: *Schürzenjäger, Pantoffelheld, Ladykiller, Mädchenfänger.*

Как видно из приведенных примеров, наиболее обширную группу в субфрейме «Гендерные роли / Geschlechterrollen» в русском и немецком языках составляют прилагательные или причастия в сочетании с существительным.

Наиболее частотным в двух лингвокультурах представлен слот «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika», который содержит информацию о наборе образцов социального поведения или нормы поведения женщины и мужчины в определенной социальной позиции.

ВЫВОДЫ

Во второй главе диссертации проведено исследование и представлены результаты фреймового моделирования структуры и содержания гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе на материале русского и немецкого языков. Использование методики фреймового моделирования в целях выявления стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе позволило представить структуру и содержания семантики данных стереотипов в виде фреймовой модели, а также выделить и проанализировать их лексические вербализаторы.

Фреймы в диссертации рассматриваются как ментальные схемы, содержащие информацию об объектах, событиях или ситуациях, которая способствует организации и интерпретации опыта. Гендерные стереотипы фемининности и маскулинности как фреймы формируются и поддерживаются субфреймами и слотами, которые включают в себя набор ожиданий, норм и ценностей относительно внешности, поведения и физиологических, психологических характеристик женщин и мужчин. Фреймовый анализ стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе

позволил выявить лексическое наполнение субфреймов и слотов, что способствовало выявлению устойчивых моделей поведения, характеристик и гендерных ролей, которые приписываются персонажам разного пола в русской и немецкой лингвокультурах.

В процессе анализа были описаны типичные представления о полоспецифичных характеристиках, соматических и физических особенностях, а также эмоционально-психологических особенностях женщины и мужчины в русской и немецкой лингвокультурах. Фреймовый анализ гендерной идентификации фемининных и маскулинных признаков в художественном дискурсе позволил представить иерархию слотов и описать их лексическое наполнение.

Фреймовая модель стереотипов фемининности и маскулинности представлена в виде пирамидальной иерархичной многоуровневой когнитивной структуры, вершиной которой является фрейм «Фемининность/Маскулинность / Weiblichkeit/Männlichkeit», ниже идут субфреймы «Гендерная идентичность / Geschlechtsidentität» и «Гендерные роли / Geschlechterrollen», которые распадаются на слоты.

Субфрейм 1. «Гендерная идентичность / Geschlechtsidentität» представлен слотами: «Биологическое измерение пола / Biologische Dimension des Geschlechts», «Соматические и физические особенности/ Somatische und körperliche Merkmale» и «Эмоционально-психологические особенности/ Emotionale und psychologische Merkmale». Слот 1. «Биологическое измерение пола / Biologische Dimension des Geschlechts» репрезентирует стереотипные представления об идентичности женщины или мужчины с помощью слов-номинантов, характеризующих принадлежность к определенному биологическому полу – к женскому или мужскому. Слот 2. «Соматические и физические особенности/ Somatische und körperliche Merkmale» представлен лексическими единицами, которые репрезентируют стереотипные представления о фемининных и маскулинных соматических и физиологических характеристиках. Слот 3. «Эмоционально-психологические

особенности / Emotionale und psychologische Merkmale» содержит лексические единицы, которые репрезентируют в художественном дискурсе стереотипные представления о фемининных и маскулинных интеллектуальных, эмоционально-психологических поведенческих особенностях. Анализ лексем-номинантов выделенных слотов показал, что стереотипы фемининности и маскулинности претерпевает изменения под влиянием моды и навязывания новых стандартов и идеалов женской и мужской красоты.

Субфрейм 2. «Гендерные роли / Geschlechterrollen» представлен слотами: «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika», «Гендерная роль в семье / Geschlechterrolle in der Familie» и «Профессиональный статус/ Berufsstatus». Слот 1. «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika» представлен лексическими единицами, которые репрезентируют набор образцов социального поведения или нормы поведения женщины и мужчины в определенной социальной позиции. Слот 2. «Гендерная роль в семье / Geschlechterrolle in der Familie» содержит информацию о стереотипных семейно-родственных ролях женщины и мужчины в русской и немецкой лингвокультурах. Слот 3. «Профессиональный статус/ Berufsstatus» содержит информацию о стереотипных, оценочных представлениях о профессиональном статусе женщины и мужчины в русской и немецкой лингвокультурах. Установлено, что выбор «женской» или «мужской» профессии или рода деятельности зависит от степени выраженности фемининности (слабость, зависимость, подчинение, пассивность, заботливость, эмоциональность и интуитивность) или маскулинности (доминирование, сила, логика, лидерство, амбициозность) у женщины или мужчины.

Наиболее частотным в двух лингвокультурах представлен слот «Социокультурные особенности / Soziokulturelle Charakteristika», который содержит информацию о наборе образцов социального поведения или нормы поведения женщины и мужчины в определенной социальной позиции.

На материале русскоязычной и немецкоязычной художественной прозы выявлены и проанализированы частотные лексические единицы и словосочетания, вербализующие выделенные субфреймы и слоты. Данные лексические единицы были извлечены из контекстов описания женского и мужского персонажа (авторская речь), персонажной речи (прямой, несобственно-прямой).

В результате проведенного анализа примеров из текстов классической и современной художественной прозы на русском и немецком языках установлены наиболее частотные части речи, вербализующие гендерные стереотипы фемининности и маскулинности. Наиболее обширную группу в русском и немецком языках составляют прилагательные, которые часто используются в качестве компонентов устойчивых словосочетаний и в качестве эпитетов для более выразительной характеристики гендернообусловленных внешностных, поведенческих особенностей.

ГЛАВА 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В АСПЕКТЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

3.1 Невербальные семиотические знаки репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе

Данный параграф посвящен изучению, дескрипции и типологизации невербальных семиотических знаков репрезентации фемининности и маскулинности в художественном дискурсе, которые анализируются в русском и немецком языках. Актуальным представляется изучение процесса языковой репрезентации невербальных знаков фемининности и маскулинности как способа экспликации гендерных стереотипов в художественном дискурсе.

Невербальные знаки репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе эксплицируют гендерно обусловленные стереотипные характеристики женского и мужского невербального коммуникативного поведения. Фемининность и маскулинность как гендерные стереотипы актуализируются через невербальные семиотические знаки, репрезентирующие физиологические, внешностные, психические и поведенческие характеристики женщины и мужчины (мимика, жесты, походка, позы, телодвижения, одежда, аксессуары, вещное окружение, предпочтения в пище и др.).

В ходе проведенного исследования выделены следующие невербальные знаки фемининности и маскулинности в художественном дискурсе: **знаки-кинемы, проксеимические знаки, знаки-просодемы, знаки-колоронимы, процессивы, ольфакторные знаки, гастические знаки, знаки-фэшионимы.**

Следует отметить, что сам по себе язык тела человека не имеет пола, например, способность сидеть, ходить, прыгать, наклоняться, крутить головой и т.п. присуще как женщинам, так и мужчинам. Но все же следует различать

невербальные поведенческие знаки, которые относятся к женщинам и определяются как фемининные, и маскулинные, относящиеся к мужчинам. Эти различия в невербальном коммуникативном поведении детерминированы некоторыми физическими и физиологическими отличиями между полами, а также культурными и социальными нормами, принятыми в обществе.

Невербальные знаки фемининности и маскулинности репрезентируют в художественном дискурсе паттерны фемининного или маскулинного поведения, которые различаются, что находит свое выражение в русском и немецком языках. Отличия в невербальном коммуникативном поведении женщин и мужчин репрезентируются в рамках оппозиций «слабость-сила», «доминирование-подчинение», «уверенность-неуверенность», «агрессия-миролюбие».

ЗНАКИ-КИНЕМЫ.

Знаки-кинемы фемининности и маскулинности номинируют жесты, мимику и взгляд, которые традиционно различаются как женские или мужские и, соответственно, выражаются в языке определенными словами и словосочетаниями: *заламывать руки, подмигивать, томный взгляд, приоткрыть рот, закатить глаза, надуть губки, закусил губу, выпячивать нижнюю губу, стиснуть зубы, ухмыляться, хрустеть зубами, ухмыляться и др.*

Мимика, т.е. изменения выражения лица, является важнейшим показателем эмоций человека. Женщины считаются более эмоциональными, а мужчины более сдержанными. Слабость, эмоциональность, чувственность, неуверенность, которые считаются присущими женщинам, а сила, уверенность и сдержанность как качества мужчин, выражаются в гендерно специфичной мимике. Например, мужчина выпячивает грудь, чтобы выглядеть сильным и уверенным в себе, а женщина скрещивает ноги, чтобы выглядеть более изящной.

Фемининная мимика.

Глаза, взгляд (*закатить глаза, кокетливо суживать глазки, бросать томные взгляды, *schmachtend aufsehen, schmachtenden Blick schenken* и др.*):

Дама закатила глаза и закусила губу от боли [Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри].

Причем Инна, Ринна и Пинна вытягивались в струнку и, кокетливо суживая глазки, бросали томные взгляды на ложу Кулындиных [Д. В. Григорович. Капельмейстер Сусликов].

На немецком языке:

Und der Geruch, sagte Mathilde schwärmerisch und verdrehte die Augen, wunderbar — genauso wie Ihr Rum... [Erich Maria Remarque. Drei Kameraden (1936)]. Перевод: – *А уж запах какой, запах-то!.. – мечтательно произнесла Матильда и блаженно закатила глаза. – Потрясающий запах! Именно так пахнет ваш ром.* [Эрих Мария Ремарк. Три товарища (И. М. Шрайбер, 1981)].

Willi lächelte ihr zu, und Heiderose schenkte ihm einen schmachtenden Blick. [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 380]. Перевод: *Вилли улыбнулся ей, и Хайдероза подарила ему томный взгляд.*

Ach, bitte! Ihr werdet mich doch nicht abweisen, sagte Lady Lavinia, wobei sie sich an Gideons Rockaufschläge krallte und schmachtend zu ihm auf sah. [Kerstin Gier. Smaragdgrün (2010)]. Перевод: *О, прошу вас! Вы не можете мне отказать! — сказала леди Лавиния, вцепившись в лацканы камзола Гидеона и томно глядя на него.* [Керстин Гир. Изумрудная книга (С. Вольштейн, 2013)].

Рот, губы (*полуоткрытый рот, надуть губки, капризно оттопыривать губки, кокетливо облизывать верхнюю губу, *Unterlippe vorschieben, leicht geöffnete Lippen**), например:

Прибежавшая навестить ее Марья Ивановна побледнела, рот ее полуоткрылся, и в глазах возникло мученическое выражение. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба].

Хотя Верочка при виде мужа надула губки и насупила брови, но это было сделано лишь для тона. [И. А. Гриневская. Ротонда].

Приведем примеры на немецком языке:

*Die Herzogin, wie getrieben, schmiegte und schmeichelte sich immer enger an sie heran, sie gab sich wie eine jüngere Schwester, legte den Arm vertraulich um die Taille der andern, zeigte, sie, die sonst an allen Frauen gern ihre selbstsichere, spitze Zunge übte, allen offen ihre Freundschaft für die schöne Herzdame ihres Mannes. Sie machte sich klein, **stellte hübsche Posen, machte Mündchen**. Ach, sie war so kindisch und dumm!* [Lion Feuchtwanger. *Jud Süß* (1925)]. Перевод: А герцогиня, точно одержимая, ластилась и льнула к ней, ища ее близости, держала себя с ней как младшая сестра, нежно обнимала за талию и, изменив своей привычке злословить насчет всех других женщин, в сознании собственного превосходства, открыто высказывала дружеские чувства прекрасной даме сердца своего супруга. Она ребячилась, жеманничала, надувала губки. Ах, она ведь глупа, как малое дитя! [Лион Фейхтвангер. *Еврей Зюсс* (Н. Г. Касаткина, 1964)].

*Und nachdem sie daran genippt hat, **leckt sie sich, durchaus kokett, über die Oberlippe***. [Venske, Regula: *Marthes Vision*, Frankfurt am Main: Eichborn Verlag 2006, S. 197]. Перевод: И, отпив его, она довольно кокетливо облизывает верхнюю губу.

*Sie saß ein wenig in das gelbseidene Kissen zurückgelehnt, einen Fuß über den anderen gestellt, und rauchte langsam eine Zigarette, wobei sie den Rauch durch die Nase ausatmete und die **Unterlippe vorschob***. [Thomas Mann. *Der kleine Herr Friedemann* (1897)]. Перевод: Она сидела, слегка откинувшись на желтую шелковую подушку, закинув ногу на ногу, и не спеша курила сигарету, дым она выпускала через ноздри, нижнюю губку выпятила вперед. [Томас Манн. *Маленький господин Фридеман* (Т. Исаева, 1960)].

В приведенных примерах лексемы *надула губки machte Mündchen, kokett, Unterlippe vorschob* маркируют фемининное эмоциональное состояние, поведенческие паттерны, характерные преимущественно для женщины.

Изменение цвета лица: Мимика человека связана с лицом и репрезентирует его эмоциональное состояние. Покраснение лица является

одним из ярких проявлений эмоций: *покраснеть от смущения, побагроветь от злости, залиться румянцем* и др.

Толстуха читала маленькую книгу в бумажной обложке, то и дело прерывисто вздыхая и заливаясь свекольно-ярким румянцем. [Дина Сабитова. Цирк в шкатулке (2007)].

Sie schien irgend etwas in der Menge zu suchen und mußte es wohl jetzt gefunden haben, denn die dunklen Augen strahlten plötzlich auf, während eine leise Röte das schöne Antlitz färbte. [E. Werner (Elisabeth Bürstenbinder). Fata Morgana (1896)]. Перевод: *К сожалению, он не мог не заметить, что она очень рассеянна и едва слушает его; она как будто искала кого-то в толпе и, очевидно, нашла, потому что ее темные глаза вдруг заблестели, и легкий румянец окрасил ее прелестное личико.* [Эльза Вернер. Мираж (пер. С. М. Михайлова, 1995)].

Фемининные жесты.

Заламывать руки, всплеснуть руками, закрыть руками лицо и др. являются жестами женскими. Например:

В одиннадцатом часу ворвалась в Варьете мадам Римская. Она рыдала и заламывала руки. Василий Степанович совершенно растерялся и не знал, что ей посоветовать [М.Булгаков. Мастер и Маргарита].

Мама отпустила ее легко, хотя Коля был совершенно не в ее вкусе, только пальчиком погрозила — и не сказала ничего. [Майя Кучерская. Тетя Мотя].

Девушка всплеснула руками, лицо ее перекосилось, и она заплакала. [С. И. Шуляк. Праздник спертого воздуха // «Волга», 2012].

Мать поначалу отказывалась, говорила, что у них всего хватает, однако, Полина, уперев руки в бока, топала ногами, ругалась и так смотрела на мать, будто знала про нее что-то особенное. [Александр Титов. Путники в ночи // «Волга», 2008].

Она топала ногами и кричала, кусая пальцы: «Оставьте меня!» Но они не уходили. [А. Хованская. Авантюристка (1928)].

Рассмотрим примеры на немецком языке:

*Frau Schönler machte runde Augen **und schlug die Hände über dem Kopf zusammen**.* [Friedrich Dürrenmatt. Der Richter und sein Henker]. Перевод: *Фрау Шенлер вытаращила глаза и всплеснула руками.*

*Sofie schmunzelt **und streicht sich kokett mit Daumen und Zeigefinger übers Kinn**.* [Krausser, Helmut: Eros, Köln: DuMont 2006, S. 146]. Перевод: *Софи улыбается и кокетливо водит большим и указательным пальцами по подбородку.*

Женщины часто поправляют прическу, обычно незаметно для окружающих, теребят волосы, что может свидетельствовать о неуверенности в себе, например:

Она поправила затейливую прическу, заставив легонько звякнуть крупные серьги с серебристыми висюльками. [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)].

Она вздохнула и, как была в вечернем платье, присела на качели, хотя ее никто не мог видеть, едва заметным движением поправила прическу, заставив непослушный локон живописно упасть на лоб. [Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии (1996-1998)].

Приведем примеры на немецком языке:

*Er sah im Dunkel, wie **sie ihr Haar ordnete**, er hörte sie atmen, dann blieb er allein.* [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr (1963)]. Перевод: *Он видел в темноте, как она поправляла прическу, слышал ее дыхание. И вот он остался один.* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (пер. Е. Закс и Н. Ман, 1964)].

*Sie genießt es, im Mittelpunkt zu stehen, posiert, holt ein Band aus ihrer Schürzentasche, **schüttelt ihr Haar, daß es ihr in Kaskaden über die Schulter fällt**, bindet es lose damit zusammen, **lächelt kokett und schaut mich groß an**.* [Schrott, Raoul: Tristan da Cunha oder die Hälfte der Erde; Hanser Verlag 2003, S. 596]. Перевод: *Она любит быть в центре внимания, позирует, достает из кармана фартука ленту, трясет волосами так, что они каскадом ниспадают на плечи,*

свободно завязывает их, кокетливо улыбается и смотрит на меня широко. [Фридрих Дюрренматт. Судья и его палач (пер. Е. Кацева и Т. Иллеш, 1966)].

Женщины стараются избегать конфликты, чаще соглашаются с чужим мнением, что выражается и в жестовых особенностях, например:

И она благодарно кивнула ему в ответ, чего никто в мире не заметил. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996].

Lisa wollte nicht unhöflich sein und nickte. [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 76]. Перевод: *Лиза не хотела показаться невежливой и кивнула.*

В приведенном примере отчетливо прослеживается фемининное поведение: чтобы не показаться невежливой, женщине проще согласиться.

Рассмотрим особенности репрезентации **знаков-кинем маскулинности** в художественном дискурсе.

Маскулинная мимика.

Типичная мужская мимика должна отражать мужественность, свидетельствует о силе и доминировании. Рассмотрим примеры:

С ним стоял молодой полковник Иван Жидок — орловец, похожий на цыгана, — черные глаза у него сухо блестели, губы вздрагивали, от злости он, не замечая того, хрустел зубами. [А. Н. Толстой. Петр Первый].

Он скрежетал зубами, материл себя, хмурился и спрашивал у Господа, почему он не удержал его. [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013].

— Тебе-то ничего не будет, — Рома говорит это спокойно, но его глаза наливаются кровью. [Евгения Мищерская. Тревога // «Волга», 2015].

У меня дух захватывает: как же у охотника-то?.. — Пардон, — ухмыляется мужчина. — У самого охотника, к сожалению, нет хвоста [Гульчера Быкова. Лорд и хозяйственное мыло].

В данных примерах маскулинная мимика вераблизуется следующими лексическими сочетаниями: *от злости хрустел зубами, скрежетал зубами, глаза наливаются кровью, ухмыляется.*

Стереотип мужской заносчивости, доминирования реализуется в следующих примерах:

И тогда вдруг оказывается, что вся их реальность и крутизна, все их «стрелки» и «тёрки», «джипы» и «мерседесы», надутые щёки и бритые затылки — всё это перед лицом Вечности оказывается таким же фуфлом, как и коммунистическая байда о будущем. [Владимир Баранов. Будущего не будет (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 28.07.2003].

Сухомлин был значительно ниже Доната Петровича, и когда обращался к нему, то вскидывал голову, и это придавало ему заносчивый, петушинный вид, не вяжущийся с его массивной комплекцией. [Виталий Василевский. Скучное лето // «Огонек». № 50, 1956].

Рассмотрим примеры на немецком языке:

Danach saß Hugos Vater bei jeder Siegesmeldung nur stumm da und knirschte mit den Zähnen, anders als der seinige, dem jeder Sieg eine Flasche Roten wert war. [Hahn, Ulla: Unschärfe Bilder, München: Deutsche Verlags-Anstalt 2003, S. 36]. Перевод: После этого всякий раз, когда объявлялось о победе Гюго, отец Гюго просто сидел молча и стиснул зубы, в отличие от своего отца, для которого каждая победа стоила бутылки красного.

David grinste und stellte das Glas vor ihn hin. [Suter, Martin: Lila, Lila, Zürich: Diogenes 2004, S. 23]. Перевод: Дэвид ухмыльнулся и поставил перед собой стакан.

В отличие от женщины мужчина смотрит чаще всего прямо в лицо:

Doria sah jedem so gerade ins Gesicht, selbst dem Schnapper, vor dem die meisten den Kopf einzogen. [Cornelia Funke. Tintentod (2007)]. Перевод: Дориа всем смотрел прямо в лицо, даже Хвату, при виде которого большинство вытягивали голову. [Корнелия Функе. Чернильная смерть (пер. М. М. Сокольская, 2012)].

Маскулинные жесты:

— *Кто они такие? — наступал Филипп Филиппович, сжимая кулаки на Шарикова* [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925)].

Я тебя душишь буду! — при этом он лиловел, сжимая кулаки, словно душил сразу двоих одновременно [Марина Палей. Поминование (1987)].

Wenn der die Fäuste ballte, die Arme reckte und die Brust - diese heldische Brust! - dehnte und sehnsuchtsvoll ausrief: [Bredel, Willi: Die Väter. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Bd. 7, Berlin: Aufbau-Verl. 1973, S. 367].
Перевод: *Когда он сжимал кулаки, вытягивал руки и грудь — эту богатырскую грудь! - протянул и с тоской воскликнул.*

Мужские жесты характеризуются как грубые и жесткие:

Андрей поднялся на ноги, и Хан довольно грубо схватил его за воротник и несколько раз потрянул. [Виктор Пелевин. Желтая стрела].

Он подошёл ко мне совсем близко и грубо толкнул в плечо. [Владимир Михайлов-Лидский. Наследство // «Менестрель»].

Он вручает гардеробщику плащ, размахивается и дает ему кулаком в морду [Павел Зальцманн. Ordnamenti (2004) // «Экран и сцена»].

Ottwald schenkte dem Priester einen weiteren grimmigen Blick, dann gab er ihm einen brutalen Stoß, der ihn rückwärts in die Arme der Menge schleuderte. [Kai Meyer. Jenseits des Jahrtausends (1999)]. Перевод: *Оттвальд свирепо глянул на священника, потом грубо толкнул его, так что тот отлетел прямо в толпу.* [Кай Майер. По ту сторону тысячелетия (Д. Г. Гугин, 2004)].

Grob stieß er sie vor die gedeckte Tafel und warf das gerahmte Foto zwischen die Schüsseln. [Cornelia Funke. Tintenblut (2005)]. Перевод: *Он грубо толкнул Мегги к накрытому столу и бросил на скатерть фотографию в раме.* [Корнелия Функе. Чернильная кровь (М. М. Сокольская, 2007)].

Анализ материала позволил установить, что описание мужских жестов по отношению к женщине часто используется в сочетании со словом «галантный». Слова «галантный», «галантно», «galant» относятся к положительной характеристике мужского поведения:

Но, взявшись все-таки за руку, он не просто ее пожал, а торжественно поцеловал, и так галантно, как это уже никто, кроме

пожилых театральных администраторов, делать не умеет. [Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002].

Jarvens Mutter stand vor einem kleinen Mann im zerknitterten Anzug, der gerade versuchte, ihre rechte Hand locker und galant an seine Lippen zu heben. [Boie, Kirsten: Skogland, Ort: Hamburg 2005, S. 49]. Перевод: *Мать Джанны стояла перед невысоким мужчиной в мятом костюме, который пытался небрежно и галантно поднести ее правую руку к губам.*

Мужчины сидят, развалившись на стуле или в кресле, ковыряются в зубах, плюют, почесывают затылок:

Спирос сидел развалясь, ковырял в зубах, смотрел барином. [Дмитрий Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001].

Мы их выловим, будьте покойны! — М-да, — сказал Леонид, почесывая затылок. Глаза его смотрели задумчиво, серьезно [А.В. Кузнецов. Продолжение легенды. Записки молодого человека (1959)].

Он сплюнул сердито на сторону, нахлобучил на глаза шапку и решительно направился к своему холостяцкому помещению [М.П. Старицкий. Молодость Мазепы // «Московский листок»].

Приведем примеры на немецком языке:

Ich konnte es im Halbdunkeln nicht genau erkennen, aber es hörte sich an, als würde er sich etwas zwischen den Zähnen herauspulen. [Kerstin Gier. Smaragdgrün (2010)]. Перевод: *В полутьме я не могла разглядеть точно, но мне послышалось, что он ковыряется в зубах* [Керстин Гир. Изумрудная книга (пер. С. Вольштейн, 2013)].

Was soll ich bloß unten machen? fragte er mich und kratzte sich den rothaarigen Schädel. [Erich Maria Remarque. Drei Kameraden (1936)]. Перевод: *— Что ж мне теперь делать-то там, внизу? — спрашивал он меня, почесывая рыжий затылок.* [Эрих Мария Ремарк. Три товарища (пер. Ю. Архипов, 1989)].

Kratzt er bald ab? fragte einer, der seine Armhöhlen rieb und gähnte. Erich Maria Remarque. Der Funke Leben (1952) Перевод: *Скоро он там перекинется?*

— спросил один, почесывая под мышками и зевая [Эрих Мария Ремарк. Искра жизни (пер. М.Л. Рудницкий, 1993)].

Ihm war, als müßte er aufspringen und etwas sagen - aber schon ging Batzke zur Tür, faßte die Klinke - und drehte sich noch einmal um. «Scheiße», sagte er, spuckte aus und ging. [Fallada, Hans: Wer einmal aus dem Blechnapf frißt - Bd. 2, Berlin u. a.: Aufbau-Verl. 1990 [1934], S. 180]. Перевод: *Он почувствовал, что должен вскочить и что-то сказать, но Бацке подошел к двери, схватился за ручку и снова обернулся. «Дерьмо», — сказал он, плюнул и ушел.*

Mit verzerrtem Gesichte starrte er ins Wasser, sah sein Gesicht gespiegelt und spie danach. [Hermann Hesse. Siddhartha (1922)]. Перевод: *Мучительно, не отрываясь, вглядывался он в воду, вглядывался в искаженное отражение своего лица и — плюнул на него.* [Герман Гессе. Сиддхартха (пер. Г.Б. Ноткин)].

Er holte eine Zigarre hervor, biß ihr die Spitze ab und spuckte die Tabakkrümel unter den Tisch. Er rauchte und schaute sich in der Bar um. [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr (1963)]. Перевод: *Он достал сигару, откусил кончик, сплюнул под стол и, закурив, стал разглядывать посетителей.* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (пер. Е. Закс и Н. Ман, 1964)].

ПРОКСЕМИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

Проксемические знаки фемининности и маскулинности номинируют позы и положения тела, походка, которые являются типичными для характеристики женщины или мужчины: на русс яз: *на цыпочках, семенить, проплыть, плавные движения бедрами, покачивать бедрами, раскачивающаяся походка, уверенная походка, закинуть ногу на ногу*; на нем яз: *schüchtern und artig sitzen, mit dem Hintern, mit den Hüften wackeln, möglichst kleine Schritte machen* и др.

Движения, походка и позы женщин и мужчин отличаются в силу физиологических, психологических и, конечно же, социокультурных особенностей. Например, существуют «женские» и «мужские» позы или

походки. Стереотипными фемининными движениями являются маленькие шаги, покачивания ягодицами и бедрами, прямая осанка. Мужчины сидят обычно развалившись, занимая все пространство вокруг себя, а женщины прижимают руки и ноги к туловищу. Стереотипные фемининные движения и позы могут принадлежать также и мужчинам, но это говорит об их неуверенности, слабости, женоподобности, что в большинстве случаев имеет отрицательный оттенок.

Рассмотрим **фемининные проксемические знаки**.

Фемининная поза:

*Закрой рот, Игорек, желудок застудишь, — промурлыкала Люська и, **привстав на цыпочки**, лакированным ноготком вернула ментовскую челюсть на место [Ольга Некрасова. Платит последний].*

В данном примере репрезентация женской позы «*привстать на цыпочки*» употребляется в сочетании с существительным с уменьшительно-ласкательным суффиксом «*ноготком*» и глаголом «*промурлыкала*».

*Приняла теплый душ, выпила бокал кьянти, почистила зубы, выкурила ментоловую и легла, **свернувшись калачиком** [Юрий Буйда. Йолотистое мое йолото // «Октябрь», 2013].*

*Она лежала, отвернувшись к стене, **сжавшись, как испуганный эмбрион, отчаянно подтянув под себя ножки**, будто ей было холодно. [Марина Палей. Дань саламандре (2008)].*

В приведенных примерах используются типично «женские» позы – «*свернуться калачиком*» (ассоциации с кошкой), «*сжавшись, как испуганный эмбрион, отчаянно подтянув под себя ножки*», которые демонстрируют слабость.

Приведем примеры на немецком языке:

*Sie brachte eine Decke mit, und während sie flüsterte:» Arbeite! Arbeite!«, **bettete sie sich zusammengerollt neben ihm aufs Sofa. Den Kopf an seinen Schenkel gelegt, schlief sie ein.** [Bernhard Kellermann. Der Tunnel (1913)].Перевод: Она принесла с собой одеяло. Шепнул мужу: «Работай,*

работай!» — **она свернулась калачиком** рядом с ним на диване и, положив ему голову на колени, заснула. [Бернхард Келлерман. Туннель (П. С. Бернштейн, 1958)].

Sie saß in ihrem Morgenmantel auf dem Lehnstuhl vor dem Kamin und hatte ihre Knie angezogen wie ein kleines Mädchen. [Kerstin Gier. Saphirblau (2009)]. Перевод: Она сидела в халате в кресле возле камина, подтянув колени, как маленькая девочка. [Керстин Гир. Сапфировая книга (С. Вольштейн, 2013)].

Sosehr Farid auch versuchte, sie aufzuheitern, sie saß nur da, zwischen den Bäumen, die Arme um die Beine geschlungen, und schwieg. [Cornelia Funke. Tintenblut (2005)]. Перевод: Как ни старался Фарид ее развеселить, она сидела под деревом, **обхватив руками колени**, и молчала. [Корнелия Функе. Чернильная кровь (М. М. Сокольская, 2007)].

Sie saß zusammengekauert in ihrem Sessel, einen billigen baumwollenen Kimono um die Schultern gezogen, ein schmales, unansehnliches Wesen mit schlechten Zähnen — aber für Ravic war sie im Augenblick schöner als Trojas Helena. Sie war ein Stück Leben, das er mit seinen Händen gerettet hatte. Erich [Maria Remarque. Arc de Triomphe (1945)]. Перевод: Она сидела в кресле, съезжившись, накинув на плечи дешевенькое ситцевое кимоно, — щуплое, неказистое существо с плохими зубами, но для Равика она была в этот момент прекраснее Елены Троянской, кусочком жизни, спасенной его руками. [Эрих Мария Ремарк. Триумфальная арка (И. М. Шрайбер, 1978)].

*Wie ein Häufchen Elend saß sie auf einem Stuhl, **knetete ihre Hände** und sah mich aus verweinten Augen an.* [Kerstin Gier. Smaragdgrün (2010)]. Перевод: Она сидела на стуле и мяла руки. Это была жалкая картина. Она посмотрела на меня заплаканными глазами. [Керстин Гир. Изумрудная книга (С. Вольштейн, 2013)].

Все лексические сочетания, которые используются в примерах на немецком языке, репрезентируют такие стереотипные качества, присущие женщине, как незащищенность, слабость, неуверенность: «*ihre Knie angezogen*

wie ein kleines Mädchen», «saß zusammengekauert in ihrem Sessel», «knetete ihre Hände».

Фемининная походка:

В художественном дискурсе представлена типично женская походка, которая соблазняет, вызывает интерес, привлекает: вильнула бедрами, раскачивающаяся походка, покачивались бедра. Например:

*Я не мог не видеть, что эта женщина одета с вызывающим и неизменным безвкусием, так же, как я не мог предполагать в ней ничего, кроме чисто животных рефлексов, — и все же **движения ее тела и раскачивающаяся ее походка** каждый раз производили на меня непостижимо сильное впечатление. [Г.А. Газданов. Призрак Александра Вольфа (1947)].*

*Джоан плотоядно облизнула губы и, окончательно вернув юбку в исходное положение, **вильнула бедрами и изгиво подмигнула** полицейскому. [Екатерина Маркова. Каприз фаворита (1990-2000)].*

*В день своего сорокалетия Дина выглядела ровесницей Антона: ее тонкая талия осталась при ней, пышные волосы молодо лоснились; и когда **она шла по Невскому своей дразнящей танцующей походкой, мужчины с немym восхищением смотрели вслед** [Ирина Безладнова. Дина // «Звезда»].*

*Однажды она появилась в новом наряде, это было темно-голубое платье с прямоугольным вырезом, без рукавов, и под ним белоснежная блузка; тесный лиф подчеркнул ее грудь, платье изменило походку, еще заметней **покачивались ее бедра**. [Борис Хазанов. Плюсquamперфект и другие времена // «Волга»].*

Женщина с виляющей походкой или виляющими бедрами сравнивается с супермоделью или проституткой, например:

*И никому уж больше не давай, — промурлыкала Антонина, пародируя песенку из магнитофона, встала со стула, требуя внимания, и **вихляющей походкой супермодели** прошла к двери [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)].*

Michaela schwenkte ihren Hintern, als gäbe sie die Dirne im Freilichttheater [Schulze, Ingo: Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005, S. 625].

Перевод: *Микаэла виляла бедрами, как будто она проститутка в театре под открытым небом.*

Фемининная характеристика женщины «покачивающиеся бедра» могут иметь негативный оттенок, например, сравнивая женщину с глупой самкой – *eine Frau, ein dummes, lachendes Tier*, например:.

Eine Frau, ein dummes, lachendes Tier mit gelben Haaren und einem schaukelnden Hintern, eine Frau, die von nichts etwas weiß und keine anderen Fragen stellt als die, ob man genug Geld für sie bei sich hat, und dann eine Flasche kalifornischer Burgunder und meinetwegen Rum hinein, der billig war — und die Nacht bei ihr in ihrer Wohnung, so daß man nicht ins Hotel zurück mußte, nicht in dieser Nacht, nicht gerade in dieser Nacht. [Erich Maria Remarque. Schatten im Paradies (1965-1970)]. Перевод: *Женщина! Глупая, хохочущая самка с крашеными желтыми волосами и покачивающимися бедрами. Женщина, которая ничего не понимает и не задает никаких вопросов, кроме одного, достаточно ли у тебя при себе денег. И еще я хочу бутылку калифорнийского бургундского и, пожалуй, немного дешевого рома, чтобы смешать его с бургундским. Эту ночь я должен провести у женщины, ибо мне нельзя возвращаться в гостиницу. Нельзя возвращаться в гостиницу. В эту ночь никак нельзя* [Эрих Мария Ремарк. Тени в раю (Л. Б. Черная, В. Котелкин, 1971)].

ПРОКСЕМИЧЕСКИЕ ЗНАКИ МАСКУЛИННОСТИ.

Маскулинная поза:

Мужчина, сидящий на стуле с широко раздвинутыми ногами, сигнализирует о самодовольстве, высокомерии и неуважении. Типичной мужской позой является сидение на стуле спинкой впереди, т.е. манера сидеть с широко расставленными ногами в позе наездника. Например:

Угольщик сидел на стуле важно, развалившись, широко расставив ноги, и пил из стакана медленными глотками, а когда выпил, то закашлялся,

затрясся весь и сразу потерял всю важность своей осанки [Максим Горький. Злодеи (1901)].

*Иван Дмитриевич с нарочитой сановной вальяжностью расстегнул пиджак, нахально скинул пальто-дульет на кровать и **развалился в кресле**.* [Леонид Юзефович. Костюм Арлекина].

Er rükelte sich in einem hellblauen Ledersofa unter einem Fenster, von dem man in den Swimming-pool des Hotels heruntersah. [Erich Maria Remarque. Schatten im Paradies (1965-1970)]. Перевод: *Силверс сидел, развалившись, на светло-голубом кожаном диване у окна; внизу, под окном его номера, также был плавательный бассейн* [Эрих Мария Ремарк. Тени в раю (Л. Б. Черная, В. Котелкин, 1971)].

Широко расставленные ноги считаются стереотипно маскулинной позой, например:

Breitbeinig stand er da, das Grinsen ebenso hässlich wie sein Gesicht, aber erst der Anblick seines Begleiters ließ Fenoglios alte Knie weich werden. [Cornelia Funke. Tintenblut (2005)]. Перевод: *Он стоял, широко расставив ноги, с ухмылкой, портившей и без того некрасивое лицо. Однако по-настоящему Фенолио испугался, лишь увидев его спутника.* [Корнелия Функе. Чернильная кровь (М. М. Сокольская, 2007)].

Широко расставленные ноги являются символом абсолютной власти, например:

«Er setzte sich breitbeinig auf einen Schemel vor mich — das Symbol der absoluten Macht, das wir glaubten, im neunzehnten Jahrhundert längst überwunden zu haben und das trotzdem zum Wahrzeichen des zwanzigsten geworden ist — vielleicht gerade deshalb. [Erich Maria Remarque. Die Nacht von Lissabon (1962)]. Перевод: — *Он сел передо мной на табуретку, широко расставив ноги, — олицетворение абсолютной силы, с которой, как нам казалось, мы давно покончили в девятнадцатом веке и которая, несмотря на это, стала вдруг символом двадцатого. Впрочем, может быть, это случилось именно*

благодаря нашему заблуждению. [Эрих Мария Ремарк. Ночь в Лиссабоне (пер.Ю. Плашевский, 1983)].

Маскулинная походка:

Типичная походка мужчины сигнализирует о доминировании, уверенности и силе, она бывает твердой, тяжелой, широкой, щеголевой, небрежной, вразвалку, размашистой. Приведем примеры:

*Его габариты, свисающие складки, исполинские цилиндры бедер, его походка, при которой **одна нога прочно переставлялась вослед другой, попирая землю мощно и тяжело**, его экономные, медленные, почти вальяжные жесты, — все заставляло любого наблюдателя доверять такому человеку, считать, что его дела и действия столь же крепки и основательны, как его тело, и так же окружены со всех сторон надежным слоем защитного жира* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет].

Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени].

Тихая, твердая походка, его походка, послышалась в комнате [А. В. Дружинин. Полинька Сакс].

Его походка была нетороплива, но тверда. Во всей его фигуре было что-то зловещее и мучительное [А.К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы].

В приведенных примерах маскулинная походка реализуется с помощью употребления прилагательных и наречий (*мощно, тяжело, твердая, тверда, небрежна и ленива*), которые указывают на силу.

Рассмотрим примеры на немецком языке:

Der Mann ging mit großen Schritten ins Restaurant und zog die Gardinen zur Straße beiseite. [Kuckart, Judith: Lenas Liebe, Köln: DuMont Literatur und Kunst Verlag 2002, S. 223]. Перевод: *Мужчина вошел твердым шагом в ресторан и отдернул шторы, выходящие на улицу.*

Sein Schritt ist schwer. [Goote, Thor [d.i. Langsdorff, Werner von]: Die Fahne Hoch! Berlin: Zeitgeschichte-Verlag 1933 [1933], S. 362]. Перевод: У него тяжелая походка.

Ich blicke ihm nach, wie er mit festem, sicherem Schritt das Gartenstück zwischen den beiden Häusern durchquert. [Venske, Regula: Marthes Vision, Frankfurt am Main: Eichborn Verlag 2006, S. 218]. Перевод: Я наблюдаю, как он твердым и уверенным шагом пересекает сад между двумя домами.

Как показывают примеры типично мужская походка реализуется лексемами (*Schwung, Kraft, Entschlossenheit, mit festem, sicherem Schritt, hart, brutal*), которые актуализируют силу, решительность и уверенность.

Легкость и пружинистость походки свидетельствует о хорошей физической форме, например:

Mit federnden, leichten Schritten lief er hinüber zum anderen Ende der Bucht. [Düffel, John von: Vom Wasser, München: dtv 2006, S. 245]. Перевод: Пружинными, легкими шагами он перебежал на другой конец залива.

Der gleitende, federnde Gang war härter, officersmäßig brutaler. [Lion Feuchtwanger. Jud Süß (1925)]. Перевод: Скользящая, пружинистая походка стала тверже, он теперь по-военному печатал шаг [Лион Фейхтвангер. Еврей Зюсс (пер.Н.Г. Касаткина, 1964)].

В данных примерах существительные *Schritt, Gang* используются в сочетании прилагательными и причастиями *gleitend, federnd, leicht*, прилагательными в сравнительной форме *härter, brutaler* для репрезентации «мужской» походки.

В художественном дискурсе проксемические знаки объективируют типичное эмоциональное, психофизиологическое состояние женщины или мужчины в различных коммуникативных ситуациях.

ЗНАКИ-ПРОСОДЕМЫ.

Знаки-просодемы фемининности и маскулинности репрезентируют в художественном дискурсе стереотипные представления о голосовой окраске, интонации и типичной манере речи женщины или мужчины.

Стереотипным качеством мужчины является сила и грубость, а женщины – слабость, например: *За стеной громко гоготали мужчины и повизгивала Мила* [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний].

В данном примере стереотипы феминности и маскулинности актуализируются с помощью глаголов «гоготать» (разг., сниж.) и «повизгивать». Употребление глагола «визжать» допустимо для женщины и недопустимо для мужчины.

Также: *Она по-кошачьи терлась об своего шефа, мурлыкала что-то на ухо, а он то фыркал и ржал, обнимая ее, то вдруг замирал и настороженно прислушивался.* [Василий Белов. Чок-получок].

В данном примере противопоставляются глаголы *мурлыкала, фыркал и ржал.*

Знаки-просодемы феминности реализуются глаголами (*тарахтеть, щебетать, мурлыкать, кричать, взвизгнуть, flöten, zwitschern, wirbeln, schnurren, heulen*), прилагательными (*писклявый, бархатный, заунывный, warm, nett, tief, zart, hell*), наречиями (*страстно, кокетливо, рыдая, säuselnd*) и др.

Женщины используют тон, темп голоса для привлечения к себе, например:

— *Забыла!* — **притворно ахнула** Нонна, подхватывая шутку Анатолия Анатольевича, и приложила ладошки к щекам. [Н.Леонов, А.Макеев. Эхо дефолта].

На рынке женщина не улыбается, не старается говорить томно, или высоко, или гулко (у каждой женщины есть собственная убойная интонация — еще один боеприпас зависти, который недалекие мужчины считают сексапильным голосом). [Сергей Дигол. Старость шакала // «Волга»].

Жена подхватила своего бородача под руку и повлекла к выходу, прижимаясь сильнее, чем следовало, и что-то преувеличенно нежно щебеча в ушко. [Семен Данилюк. Рублевая зона].

Володина жена сначала пыталась сделать вид, будто ничего не слышит, но, если Марфа и Гортензия проявляли настойчивость, **она кокетливо щебетала** [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха].

— Но мне очень хотелось услышать твой голос! Я соскучилась! — **капризно протянула она**. Фаина усмехнулась, допивая вино. [Татьяна Тренина. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

В приведенных примерах сочетания *притворно ахнула, сексапильным голосом, нежно щебеча в ушко, кокетливо щебетала, капризно протянула она* актуализируют такие фемининные качества как кокетство, обольщение.

Рассмотрим примеры из немецкоязычной прозы:

Ich komme mir vor wie eine Hure, die einem Fünfzehnjährigen zeigen soll, wo 's langgeht. – «Wassili, du kannst jetzt kommen», **säuselte sie vom Bett her**.

Mit halb geöffneten Hosen setzte sich Wassili auf den Bettrand und sah gierig auf den Leib, der zu seiner Verfügung lag ... [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 266]. Перевод: *Я чувствую себя шлюхой, которая должна показать пятнадцатилетнему подростку, как надо себя вести.* -«Василий, ты можешь кончить», - прошептала она с кровати.

Расстегнув брюки, Василий присел на край кровати и жадно посмотрел на тело, которое лежало в его распоряжении.

Эмоциональность женщины реализуется в следующем примере:

*Около калитки она села на приступок и несколько минут **рыдала навзрыд*** [Леонид Санкин. Старуха Воронова].

*Где ты, моя молодость, мой город? Ирина тихо плакала, снимая слёзы мизинцем. А когда вошла в свою комнату — упала, не раздеваясь, на кровать и **зарыдала во всю силу**, как тогда в подворотне* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир»].

*Валентин послушно вдарил по тормозам, Лина от неожиданности **взвизгнула**, джип отскочил на обочину и встал как вкопанный.* [Марина Полетика. Однажды была осень].

В приведенных примерах на русском языке используются глаголы *рыдать* (*рыдала навзрыд; зарыдала во всю силу*) в значении «громко, сильно плакать» и *взвизгнуть*, в значении «вскрикнуть с резким визгом, издать визг», которые репрезентируют эмоциональность женщины.

Рассмотрим примеры на немецком языке:

«*Ja, so siehst du aus*». ***Sie kreischte***. *Und so wollen wir noch einmal, wollen wir noch einmal, valle ralle ralle lala, lustig sein, lustig sein, trallalala. Und so wollen wir noch mal, wollen wir noch einmal lustig sein, lustig sein.* [Alfred Döblin. Berlin Alexanderplatz (1929)]. Перевод: — *Ишь чего выдумал. Он ущипнул ее. Луна взвизгнула. — Так будем же вновь веселиться, друзья, валле ралле ралле ляля, смеяться, кружиться, траля ля-ля-ля, смеяться, кружиться.*

Lisa heulte vor Scham und Zorn. [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 43]. Перевод: *Лиза завывала с стыдом и гневом.*

Использованные в данных примерах глаголы *kreischen* (визжать; пронзительно кричать; издавать резкий звук; издавать пронзительный звук) и *heulen* (реветь, выть, рыдать) выступают маркерами эмоциональности женщины и придают экспрессивность тексту.

Неуверенность и слабость женщины проявляется через глагольные сочетания, например, *робко вымолвила, прошептала запинаясь*,

— *Но ведь это же последователи принципа какого-то, — робко вымолвила Варя* [А.И. Эртель. Волхонская барышня (1883)].

На немецком языке:

» *Du musst mich vorsichtig behandeln*«, ***murmelte sie***.» *Ich kann keine Schmerzen mehr ertragen. Ich bin verletztlich. Ich weiß sonst nicht, was wird.* [Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970)] Перевод: *Со мной надо обращаться бережно, — промурлыкала она. — Не могу больше переносить боль. Я очень ранимая. Иначе даже не знаю, что со мной будет.*

В данном случае используется глагол *murmeln* в значении «тихо пробормотать» в сочетании с причастием *verletzlich* (*ранимая*).

В художественном дискурсе представляется стереотипный образ болтливой женщины. В русском языке есть пословица «Курица гогочет, а петух молчит», которая намекает на болтливость женщины и сдержанность мужчины. Например:

Следующие полчаса Женечка без умолку тарактела про свою любовь к животным, про свою «отпадную» квартирку, в которой у Бандита будет своя личная комната, про куриные грудки, которые домработница готовит специально для кошек по особому диетическому рецепту... [Татьяна Сахарова. *Добрая фея с острыми зубками* (2005)].

Наши не пускали: «Куда тебя понесет?!» Нет, думаю, поеду, проведу родимого... — тарактела она, прижимаясь к мужу, заглядывая в глаза ему увлажненными глазами [М. А. Шолохов. *Тихий Дон*. Книга вторая (1928-1940)].

Там пахло мертвой, уже начавшей тухнуть селедкой, стояли штабеля пыльных коробок с рижскими шпротами и банок со сгущенкой, и на кассе сидела толстая крашеная баба, без умолку трещавшая по телефону. [М. Б. Бару. *Принцип неопределенности* // «Волга», 2015].

— *Как вы, береговые курицы, можете кудахтать о том, в чем и мужик не всегда смыслит?* — *орал он* [Варвара Синицына. *Муза и генерал* (2002)].

В данных примерах маркерами болтливости женщины являются глаголы *тарактеть*, *трещать*, *кудахтать*, которые употребляются в переносном значении.

Рассмотрим пример на немецком языке:

Sie wirbelte und zwitscherte um ihn herum, fand alles entzückend, nannte ihn» lieber Schwager«, duzte ihn weiter und verlangte dann die aufregenden Katakomben zu sehen [Erich Maria Remarque. *Das gelobte Land* (1965-1970)].
Перевод: *Она ворковала и щебетала, находила все восхитительным, называла Александра «дорогим деверем», продолжала обращаться к нему только на «ты» и под конец потребовала, чтобы ей показали «эти ваши страшные катакомбы».*

В данном примере с помощью глаголов *zwitschern* (щебетать) и *wirbeln* (тарыхтеть) реализуется стереотип болтливой женщины.

Знаки-просодемы маскулинности реализуются глаголами (*гаркнуть, рывкнуть, ржать, брюзжать, гоготать, зарычал, рывкнул, пробурчал, хриплым баском прошептал, brummen; brüllte er*), прилагательными (*громкий, сильный, хриплый, прокуренный*), наречиями (*глухо, сипло, твердо, уверенно, brüllend*).

Стереотипный образ мужчины ассоциируется с грубостью и силой.

Чиновник с чесночными зубами, в них было и что-то конское, ржал, подвывал, повизгивал, встряхивал неотзывчивого младенца так, словно хотел вытрясти монетку из кошки-копилки. [А. А. Темников. Лапка паука-сенокосца].

Грубость, агрессия выражаются с помощью глаголов «рывкнуть», «рычать», например:

— *Свет там выключите, — рывкнул Виктор Михайлович откуда-то сверху.* [А. Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга», 2016].

Весь вагон вздрогнул, — это кулаком в стенку ударил Гымза. Свирепохриплый голос его прорычал: — Ну, уж если ты мне соврал, сукин сын... [А. Н. Толстой. Хождение по мукам/ Книга вторая. Восемнадцатый год (1928)].

Рассмотрим примеры на немецком:

Und als geniere er sich über diesen entlarvenden Schrei, brüllte er gleich hinterher: Und in die Rede fallen sollst du mir auch nicht [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)]. Перевод: *Но, словно устыдившись этого разоблачительного крика, он тут же прорычал: – И не смей меня перебивать!*

«Halt die Schnauze!» brüllte Kluttig, durch den Spott gereizt. [Apitz, Bruno: Nackt unter Wölfen, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt 1961 [1958], S. 303]. Перевод: *Заткни пасть! прорычал Клутиг, раздраженный насмешками.*

В данных примерах маркером грубости является глагол *brüllen* в значении «издавать громкие угрожающие звуки» (рычать как лев).

Голос уверенного в себе мужчины звучит дружелюбно:

Da ich hinter Saint Germain stand, konnte ich sein Gesicht nicht sehen, aber es hörte sich an, als ob er lächelte. Seine Stimme klang freundlich und heiter.
[Kerstin Gier. Saphirblau. 2009] Перевод: *Так как я стояла за графом, то не могла видеть выражение его лица, но по голосу мне казалось, что он улыбался. Его голос звучал дружелюбно и весело.*

Уверенность мужчины ревизуется с помощью просодических средств (громко звучать, греметь), например:

*Его голос тем временем **распевно гремел** над дорогой* [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)].

Также: *Но нигде (на этих словах **его голос зазвучал вечевым колоколом**) — нигде меня не водили на экскурсию в нужник и не гасили Вечный огонь!!!*
[Илья Вишневский. Катарсис // «Волга», 2013].

В данном случае голос сравнивается с набатным звоном, т.е. голос звучал громко и уверенно.

Высокий голос у мужчины воспринимается в большинстве случаев отрицательно, например: *Но неприятней всего его голос, высокий, повизгивающий тенорок.* [Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008].

В приведенном примере фемининность мужского голоса эксплицируется сочетанием *повизгивающий тенорок*. Автор использует слово «тенор» с уменьшительным суффиксом (*тенорок*), что придает негативный оттенок.

ЗНАКИ-ПРОЦЕССИВЫ.

Семиотические знаки-процессивы феминности и маскулинности актуализируют в художественном дискурсе гендерно обусловленные особенности вида занятий женщины или мужчины: на русс яз: *красить губы, подводить глаза, мыть посуду, готовить обед, читать газету, смотреть телевизор, лежать на диване, ремонтировать машину, бриться, играть в домино*; на нем яз: *schrubben, frisieren, maniküren, putzen, waschen, kochen*,

nähen, im Garten arbeiten, in die Läden rasen, Billard spielen, das Rad reparieren, Männer schlafen vor dem Fernseher ein, rasieren и т.п.

В художественном дискурсе отражаются стереотипные представления о типичных занятиях женщин и мужчин дома, например:

Кругом играют дети, мужчины стучат нардами, на балконе женщина выбивает ковер [Александр Иличевский. Перс].

Знаки-процессивы маскулинности номинируют действия и поступки, свойственные мужчинам, например, играть в бильярд, в нарды или шахматы, заниматься охотой, ловить рыбу, ремонтировать автомобиль, рассказывать анекдоты, смотреть футбол, пить пиво.

*Привычно посмотрели на центральную аллею Сада Шевченко, на скамейки, на которых молодые и очень молодые женщины читали книжки ещё, слава Богу, не выросшим детям, а похожие на детей **мужчины играли в шахматы***. [Михаил Блехман. Римские цифры // «Ковчег»].

*Wollen wir **eine Partie Schach spielen**? Ja. Lass uns auch einen Wodka trinken. Oder zwei. Oder so viele, wie wir wollen. Verkauf mir eine Flasche. Ich möchte heute bezahlen. Warum?* [Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970)]. Перевод: *Как насчет партии в шахматы?— С удовольствием. Но сначала давай-ка выпьем по рюмке водки. Или по две. А то и больше, если захотим. Продай мне бутылку. Сегодня я хочу заплатить.— С чего это вдруг?* [Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная (пер. М. Л. Рудницкий, 2000)].

Игра в бильярд или нарды является типичным мужским занятием, например:

*Однажды **мужчины играли на улице в нарды**, когда вдруг принесли весть, что скончался столетний дядя Ваню* [Г.А. Сванидзе. Наследство от идиота // «Волга»].

*Потом **мужчины играли на бильярде**, дамы щебетали в гостиной о пустяках, слегка сплетничали об отсутствующих и умирали от смеха над собачьими проделками: Буся, Петька и еще двое их братьев тоже развлекались на славу*. [Марина Полетика. Однажды была осень].

На немецком языке:

*Er hatte Lust, **Billard zu spielen; Billard war große Mode.*** [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend (1960)]. [Перевод: *Сразиться бы на бильярде! Бильярд считался в городе высшим шиком.* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (пер.В. Курелла, Р. Гальперина, 1962)].

*Man gehe ins Kino, sitze in Café herum und **spiele Billard**...* [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend (1960)]. Перевод: *Он сказал, что они бывают в кино, сидят в кафе, играют на бильярде...* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (пер.В. Курелла, Р. Гальперина, 1962)].

*А пока **настоящие мужчины играют в хоккей.*** [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва»].

*Остуде долгого поклонения Ире Б-р способствовало то, что возле неё вырос, загородив от всех глаз, **вратарь нашей школьной футбольной команды, красивый, рыцарственный и мужественный Володя А.** В играх он пропускал не так уж мало голов, но эти ворота твердо решил отстоять.* [Ю. М. Нагибин. Школьный альбом].

*Stellten die Steiermänner allesamt einfache, rüde, unkomplizierte Gesellen dar, treue Ehemänner, die schwer schufteten, öfters zu Geiz neigten, mit einer manchmal erfrischenden, souveränen Verachtung des Geistes, die es im Bildersammeln nur bis zu einer schwächeren Fassung der Toteninsel brachten und **im Sport ausschließlich den Fußball förderten** (auch dies mäßig, was den schwierigen Stand des FC Trög in der ersten Liga beweist), so waren die Frauen von einem anderen Kaliber.* [Friedrich Dürrenmatt. Justiz (1985)]. Перевод: *Причем если мужчины рода Штайерманов были по преимуществу простой, неотесанный, примитивный народ, сплошь верные мужья, неутомимые работяги, зачастую прижимистые, относившиеся к явлениям духовной жизни с великолепным, поистине трогательным презрением, в собирании картин не заходившие далее «Острова мертвых», а **в спорте признававшие исключительно футбол** (да и то без особого пыла, доказательством чему — незавидное положение футбольного клуба «Трэг» среди команд первой лиги),*

то женщины рода Штайерманов были совсем другого уровня. [Фридрих Дюрренматт. Правосудие (пер.С. Фридлянд, 1988)].

*Irgendwo dazwischen etwas so Überraschendes wie ein Tennisplatz, noch Pfützen auf dem verblaßten Rot des Bodens, Starfighter in der Luft, Autolärm von einer Umgehungsstraße, Kinder, die auf den Wegen zwischen den Schrebergärten mit leeren Milchbüchsen **Hockey spielten**.* [Heinrich Böll. Gruppenbild mit Dame (1971)]. Перевод: *Где-то в середине выделялось яркое пятно – теннисная площадка, совершенно не подходившая к этому пейзажу; на тусклом красном песке площадки поблескивали лужи. В небе гудел «спитфайер», с шоссе доносился шум машин, а с дорожек между садовыми участками – возгласы мальчишек, которые **играли в хоккей** пустыми жестянками из-под молока.* [Генрих Бёлль. Групповой портрет с дамой (Е. Михелевич, В. Микушевич, 2019)].

Охота и рыбалка являются типичными занятиями мужчин, что одинаково представлено в русской и немецкой лингвокультурах:

Вечера-то, знаете, длинные; деревня наша в степи; соседей нет, а если и бывают изредка, то все такие, что лучше бы их вовсе не было. — Ваш муж охотник? — Да, мой муж очень любит охоту. [В.А. Соллогуб. Метель].

*Und er reibt sich mit tautriefenden Fingerspitzen die müden, geröteten Augen, reibt so lange, bis das Selbstbildnis seines Zorns aus ihnen verschwunden scheint und er die Augen aufschlagen kann, ohne sich in einer Reihe mit seinen Vätern zu sehen als den häßlichsten und verächtlichsten, den zornentstellten Herrn der Mißgunst, und er schaut auf den in der Morgenstille dahingleitenden Fluß, hört das Schnalzen der aufsteigenden Forellen hinter Schwaden von sich lichtendem Dunst, und er spürt, wie **das kühle Fieber der Jagd** ganz und gar von ihm Besitz ergreift.* [Düffel, John von: Vom Wasser, München: dtv 2006, S. 139]. Перевод: *И он трет свои усталые, покрасневшие глаза влажными кончиками пальцев, пока не исчезнет из них гнев, и он не сможет открыть глаза, не видя себя в одном ряду со своими отцами, самыми уродливыми и презренными из них. Злой, изуродованный, обиженный господин, он смотрит на скользящую в утренней*

тишине реку, слышит треск плещущейся форели за облаками рассеивающегося тумана, и чувствует, как прохладный жар охоты полностью овладевает им.

Наконец **он подсек рыбу** и стал быстро вытягивать, сверкая темными прислушивающимися глазами [Фазиль Искандер. Мальчик-рыболов].

*Er fühlte sich stark und kühn genug zu behaupten, daß es seine Richtigkeit hatte, wenn er vor Feierabend am kühlenden Wasser stand und **fischte**, als Direktor all jener Arbeiter und Angestellten, die an diesem schwülen, schweißtreibenden Tag auf das erlösende Sirensignal zum Schichtwechsel warteten.* [Düffel, John von: Vom Wasser, München: dtv 2006, S. 181]. Перевод: Он чувствовал себя достаточно сильным и смелым, чтобы утверждать, что было правильно стоять у остывающей воды и ловить рыбу перед закрытием, как руководитель всех рабочих и служащих, которые ждали искупительного сигнала сирены об окончании смены в этот душный, потный день.

К мужским занятиям относятся ремонт автомобиля или мотоцикла, например:

*Так все мужчины поднялись из-за праздничного стола и пошли **мотоцикл собирать*** [Дина Рубина. Медная шкатулка].

Мужская манера водить автомобиль отличается уверенностью в себе, например:

***Мужчины чаще рулят одной рукой**, даже при активном маневрировании, — небрежно, расслабленно.* [В. О. Авченко. Правый руль].

Стереотип о том, что мужчины лучшие рассказчики анекдотов, можно подтвердить следующими примерами:

*Впрочем, иногда он ведет себя как парень вполне терпимый и даже общительный, **показывает пародии, травит анекдоты**, особенно если нужно для дела, но все-таки чаще всего — надменный и заносчивый.* [Владимир Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове (1993)].

Ich hatte ihr sonst regelmäßig und in einem heiteren Tone geschrieben, ihr allerlei von den fremden Sitten und Gebräuchen erzählt, die ich sah, und manche

Schwänke und Schnurren eingeflochten, um sie aus der Ferne zum Lachen zu bringen und wohl auch mit meiner Fröhlichkeit groß zu tun. [Gottfried Keller. Der grüne Heinrich (zweite Fassung) (1879-1880)]. Перевод: *Обычно я писал ей регулярно, в комическом духе описывая незнакомые нравы и обычаи, которые мне приходилось наблюдать, вплетая в свой рассказ анекдоты и шутки, чтобы развеселить ее издалека, а также, пожалуй, чтобы похвалиться своей веселостью* [Готфрид Келлер. Зеленый Генрих (Ю. Афонькин, Г. Снимщикова, Д. Горфинкель, Н. Бутова, 1972)].

Знаки-процессивы феминности номинируют такие действия и поступки, свойственные женщинам, как приготовление еды, уборка, мытье посуды, стирка, уход за животными, посещение салона красоты, маникюр, массаж, косметические процедуры, разговоры по телефону, поход по магазинам и др.

Анализ практического материала показал, что в художественном дискурсе актуализируется тип женщин, которые обычно заняты детьми, готовкой, моют полы, болтают с подругами или бегают по магазинам и салонам красоты. Приведем примеры на русском и немецком языках:

У нее доставало сил вести этот большой дом, на всех готовить, обстирывать, шить и ходить по магазинам, отвозить на санках в ясли, отводить в детский сад или в школу внуков, покупать им подарки с сорокарублевой пенсии, дарить каждому по три рубля к Седьмому ноября, принимать гостей и ездить в гости самой к сыновьям и родственникам, благоразумно ладить с соседями, но никогда не сидеть на скамейке во дворе с другими бабками, не жаловаться на болячки и не обсуждать проходящих мимо. [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].

Мужчины простились и ушли, а женщины остались помыть посуду и почаяевичать. [Вацлав Михальский. Одинокому везде пустыня].

Kein Zweifel ist möglich: Frau Gruyten, Helene geb. Barkel, sieht entzückend aus: zart und zärtlich, liebenswürdig und fein; man sieht ihr an, was durch alle Eingeweihten, sogar durch Marja, nicht bestritten wird: daß sie ihren Schumann

*und ihren Chopin zu spielen gelernt hat, Französisch ziemlich fließend spricht, **Häkeln, Sticken etc.** und – es muß gesagt werden: man sieht, daß möglicherweise eine Intellektuelle an ihr verlorengegangen ist, vielleicht sogar eine potentielle linke Intellektuelle; natürlich hat sie Zola – wie man es sie gelehrt hat – nie» angerührt«, und man kann sich vorstellen, wie entsetzt sie gewesen sein muß, als acht Jahre später ihre Tochter Leni nach ihrer (Lenis) Verdauung fragt. [Heinrich Böll. Gruppenbild mit Dame (1971)]. Перевод: Госпожа Елена Груйтен, урожд. Баркель вне всякого сомнения, очаровательное создание – она нежная, хрупкая, милая, утонченная; по ней сразу видно то, что не станет отрицать никто из близких к ней лиц, даже Мария, – видно, что она играла на рояле Шумана и Шопена, говорила довольно свободно по-французски, умела вязать, вышивать и т. д. Надо также отметить, что, судя по фотографии, в Елене, быть может, погибла интеллектуалка. Конечно, в свое время Елена не нарушила родительского запрета и «не заглянула» в Золя; можно себе представить, в какой ужас она пришла восемь лет спустя, когда дочь ее Лени заинтересовалась своим (Лени) стулом.*

*Мария послушно села на табурет и, забыв про свой маникюр, начала механически **чистить картошку** [Андрей Геласимов. Дом на Озерной].*

В данном примере сочетание «чистить картошку» употребляется вместе с сочетанием «послушно села», что актуализирует покорность.

*Здесь она топит углем большую русскую печь, здесь она **готовит** для всех еду, здесь **шьет и перешивает, штопает носки**, здесь, у раскрытой форточки, ее младшенькая дочка Майя читает нам с бабушкой волшебную книжку сказок. [Анатолий Лернер. Кот Баюн (2003)].*

*Sie liebte ihre Hausarbeit, fuhrwerke von früh bis spät in der Wohnung herum, **schrubte, putzte, wusch, kochte, nähte** - und warf sie sich einmal erschöpft in den Stuhl, dann nur, um sich zu verschnaufen. [Bredel, Willi: Die Väter. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Bd. 7, Berlin: Aufbau-Verl. 1973 [1946], S. 218]. Перевод: Она любила свою работу по дому, с утра до вечера передвигалась по квартире, **стирала, убирала, стирала, готовила, шила** - и*

однажды, в изнеможении, бросилась в кресло, то просто, чтобы отдышаться.

Mutter hatte auf dem Bauernhof feste Pflichten: Sie kümmerte sich um Gemüsegarten und Enkel, sie fütterte die Hühner, strickte und stopfte. [Ingrid Noll. Kalt ist der Abendhauch (1996)]. Перевод: *В крестьянском хозяйстве у нее были свои обязанности: она воспитывала внуков, следила за огородом, кормила кур, шила, вязала и штопала* [Ингрид Нолль. Прохладой дышит вечер (пер. Анна Кукес, 2003)].

Wenn Anneliese im Garten arbeitet, trägt sie wohlweislich keinen Schmuck und nur ihre ältesten Klamotten. [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 17]. Перевод: *Когда Аннелиз работает в саду, она разумно не носит украшений и носит только самую старую одежду.*

Стереотипными занятиями женщины считаются походы по магазинам, шоппинг (*Einkaufsbummel, Shopping, in die Läden rasen*):

A Кэт любила ходить с Аськой по магазинам [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015].

Утром Лариса, с небольшого бодуна, выходила за покупками — как она выражалась, решила «сделать шоппинг». [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)].

Sie hatte nie Zeit zum Spielen gehabt, für Freundinnen, Shopping, Kino oder Jungs. [Kerstin Gier. Rubinrot (2009)]. Перевод: *У неё никогда не хватало времени на игры, подружек, походы по магазинам или на мальчишек.* [Керстин Гир. Рубиновая книга (пер. С. Вольштейн, 2012)].

Zweimal am Tage gab es Geld und hinterher jedesmal eine halbe Stunde Urlaub, damit man in die Läden rasen und etwas kaufen konnte, bevor der nächste Dollarkurs' rauskam — dann war das Geld nur noch die Hälfte wert. [Erich Maria Remarque. Drei Kameraden (1936)]. Перевод: *Деньги выдавали по два раза в день и тут же устраивали на полчаса перерыв — чтобы успеть пробежаться по магазинам и хоть что-нибудь купить до того, как объявят новый курс*

доллара, после чего деньги обесценивались наполовину. [Эрих Мария Ремарк. Три товарища (Ю. Архипов, 1989)].

К типично женским сферам занятиями относятся фитнес, массажи, диеты, лифтинг, маникюр, аэробика, гимнастика, йога, шейпинг. Например:

*Куколка в халатике поднимает кружку с пивом и говорит, обращаясь в камеру: — Да, **тренинг, лифтинг, диета** сделают чудо! Быстрое и эффективное похудение, потеря веса за десять дней!* [Людмила Петрушевская. Город Света // «Октябрь», 2003].

Диета и физические упражнения связаны с внешней красотой

*Она желала посещать буквально все: **йогу, массаж, шейпинг, иглоукалывание для снижения аппетита**, активно закупала всякие препараты для сгонки веса, которые притаскивали наши девочки, работавшие распространителями в разных американских фирмах.* [Анна Ткачева. Приворот].

*У нас тут — имей в виду — по четвергам в восемь **аэробика**.* [Дина Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра (1999) // «Дружба народов», 15.04.1999].

*Und strenge Diät — Frau Konsulin? Wie gesagt, **strenge Diät**. Ein wenig Taube — ein wenig Franzbrot...* [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900)]. Перевод: *И, разумеется, **строгая диета**, госпожа консульша, очень строгая: кусочек голубя, ломтик французской булки...* [Томас Манн. Будденброки (пер. Н. Ман, 1953)].

*Ich werde den ganzen Tag über **von Tee und Sodawasser leben**, und wenn ich dann transpiriere, komm ich vielleicht drüber hin* [Theodor Fontane. Effi Briest (1894-1895)]. Перевод: *А сегодня я просто посижу на диете, буду пить только содовую воду и чай. Постараюсь пропотеть; может быть, на этом все кончится* [Теодор Фонтане. Эффи Брист (Ю. Светланов, Г. Эгерман, 1960)].

*Wenn sie nicht **erbarmungslos auf Fitness gesetzt haben**, sehen viele hüllenlose Siebzigerinnen — und auch wir — nicht viel anders aus..* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 223]. Перевод: *Многие обнаженные*

женщины 70-х, в том числе и мы, если они не были безжалостно привержены фитнесу, не сильно изменились.

Маникюр, педикюр, массаж, посещение салонов красоты, уход за внешность стереотипно относят к женским занятиям, являются признаками фемининности, а не маскулинности, например:

Настя смотрела, как Юлечка красит ногти. Настя перевела страдальческий взгляд с Юлечкиных ногтей на меня. [Маша Трауб. Не вся la vie].

Misanthropisch und schrullig seit dem Tod ihrer Kinder, ihres Mannes, lebte sie immer nur zwei oder drei Monate im Jahr in Kekesfalva, und kein Mensch kam ins Haus; die übrige Zeit kutscherte sie in der Welt herum, residierte herrschaftlich in Nizza und Montreux, zog sich an, zog sich aus, ließ sich frisieren, maniküren und schminken, las französische Romane, kaufte viele Kleider, ging von Laden zu Laden, handelte und schimpfte wie ein russisches Marktweib. [Stefan Zweig. Ungeduld des Herzens (1939)]. Перевод: *Став после смерти детей и мужа нелюдимою и чудаковатой, старуха обычно проводила в своем имении Кекешфальва не более двух-трех месяцев в году, ни с кем не встречаясь; остальное время она разъезжала по свету; жила на широкую ногу в Ницце и Монтре, наряжалась, делала прически и маникюр, румянилась, читала французские романы, обзаводилась множеством туалетов, ходила по магазинам, торгуясь и ругаясь, как базарная баба.* [Стефан Цвейг. Нетерпение сердца (пер. Н.Н. Бунин, 1961)].

Поэтому, если такой род занятий описывается относительно мужчины, это считается признаком слабости мужчины, его немужественности: *как девка, wie ein Weib lackierte*. Накрашенные ногти воспринимаются отрицательно. Например:

Ты что, красил ногти лаком?! — недобро прищурилась Вика, заметив открытый флакончик. — Это только плохие мужчины так делают! [Елка, которая пароход // «Октябрь»].

Начальник штаба, молодой и надменный генерал, привстал слегка с кресла и протянул холеную, холодную, пахнущую духами ладонь. «Надушился, как девка», — подумал Василий. — Да, знаю! [Б.А. Лавренев. Ветер (1924)].

Gerhard Bolbig putzte gelassen seine Fingernägel. Jeder in der Brigade wußte, daß er sie sich an manchen Sonntagen wie ein Weib lackierte. [Neutsch, Erik: Spur der Steine, Halle: Mitteldeutscher Verl. 1964 [1964], S. 20]. Перевод: Герхард Болбиг спокойно почистил ногти. Все в бригаде знали, что по некоторым воскресеньям он красил их, как женщина.

Вместе с тем, мужчины тоже могут делать процедуры, связанные с укладкой волос, маникюром: Männer wurden hier frisiert; rasiert, onduliert, manikürt, massiert, mit Salben beschmiert, mit Duftwasser übergossen; sie saßen ernst unter Frisierschleiern und blitzenden Trockenhauben, Fön strich durch ihre Haare. [Koeppen, Wolfgang: Der Tod in Rom. In: ders., Drei Romane, Frankfurt a. M.: Suhrkamp 1972 [1954], S. 545]. Перевод: Здесь мужчинам укладывали волосы; их брили, завивали, делали маникюр, массаж, смазывали мазями, обливали душистой водой; они сосредоточенно сидели под парикмахерскими вуалями и развевающимися чепчиками для сушки, обдувая волосы феном.

Существует стереотип о том, что женщины болтливы, а мужчины не многословны. Есть немецкая поговорка «Ein Mann, ein Wor – eine Frau, ein Wörterbuch» (один мужчина, одно слово – одна женщина, один словарь).

Und sie erzählt es gar nicht, sie wird doch nicht solche Geheimnisse ausplaudern; nein, um sie herum plaudern sich die Geheimnisse von selbst aus, und, da sie nun einmal ausgeplaudert sind, scheut sie sich allerdings nicht mehr, auch selbst von ihnen zu reden, aber bescheiden, ohne irgend etwas zu behaupten, sie beruft sich nur auf das ohnehin allgemein Bekannte. [Kafka, Franz: Das Schloß. In: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1922], S. 106435]. Перевод: А она вообще ничего не рассказывает, таких тайн не выболтает; Нет, тайны выплескиваются вокруг нее сами собой, и теперь, когда они выплеснулись, она уже не боится сама о них говорить, а скромно,

не предъявляя никаких претензий, просто ссылается на то, что и так общеизвестно.

Eine Sitzreihe vor ihr schwatzten zwei Freundinnen mit Turmfrisuren über Supermarktsortimente, während ihre Männer am Fenster und auf der gegenüberliegenden Seite des Ganges vor sich hin dösten. [Düffel, John von: Houwelandt, Köln: DuMont Literatur und Kunst Verlag 2004, S. 76]. Перевод: В ряду сидений перед ней две подруги с высокими прическами болтали о выборе продуктов в супермаркете, в то время как их мужья дремали у окна и через проход.

Женщины коммуникабельны, много говорят, любят болтать по телефону. Например:

Та, как всегда, висела на телефоне — болтала с Галкой. [Маша Трауб. Приживалка (2009)].

Но он слишком хорошо представлял, что значит общаться с женщиной не изредка, а ежедневно. Кремы, телефонный треп, стирка... Когда видишь, что кукла набита обыкновенными опилками, играть с ней становится неинтересно. [Евгений Прошкин. Эвакуация (2002)].

Для женщин нет ничего страшнее неловкого молчания за столом, когда слышится только скрежет столовых приборов по тарелкам или покашливание. Поэтому в большинстве случаев женщины стараются поддержать беседу, чтобы не показаться не вежливыми. Но это качество женщин считается болтливостью со стороны мужчин. Например:

Sie redete eigens für ihn, plauderte was hin von Musik, Plauderei von Bruckner, von Bruckners Fünfter, von der Urfassung der Fünften, klangvolles, poetisches Geplauder, nur leider interessierte es Holt überhaupt nicht, aber für Karola genügte ein er heucheltes Interesse, und seine Aufmerksamkeit galt Gundel, galt Schneiderei, galt dem Gespräch, das auf der an deren Seite des Tisches in Gang kam. Перевод: Говорила в сущности для него одного, болтала что-то насчет музыки, насчет Брукнера и его «Пятой» — благозвучная, поэтическая болтовня, но Хольта она не занимала, хорошо еще, что Карола

довольствовалась притворным интересом; все его внимание было поглощено Гундель и Шнайдерайтом, вернее, тем, что говорилось по ту сторону стола.

Laut schwatzend zogen vier Frauen vorbei. [Jentsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 324]. Перевод: *Мимо прошли четыре женщины, громко разговаривая.*

ГАСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ.

Как отмечает А.В. Олянич, «гастические знаки составляют особую сферу этически обусловленной коммуникации, ведь с приемом пищи связаны очень многие аспекты успешности и эффективности последней. Продукты, блюда из них, приготовление блюд и их подача, посуда и приборы питания, манеры поведения за столом – все это становится, в конце концов, объектом и инструментом семиотической этики» [Олянич, 2014: 231].

Есть устоявшиеся мнения, что женщины любят фрукты и сладкое, а мужчины мясо, например:

Он зазывал ее в кабачки, но она отказывалась от тяжелых кушаний и кахетинского: нет, ей надо похудеть, соблюдать диету. «Практична!» Она ела мороженое, он — шашлык. Розанна смотрела на него, как он мелкими кусками клал в рот мясо, жевал, складывая рот узелком, и с удовольствием думала, что ни капли не боится этого человека. [С. Ф. Буданцев. Любовь к жизни].

Осторожно, по одной, она ела землянику, а Потапов, пристроившийся напротив, поглощал свое мясо, и все это, вместе с тишиной пустой квартиры, в которой никогда не было тихо, с тех пор как родился Федор, было настолько нереально и даже угрожающе, что Маруся решила — нужно что-нибудь говорить [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости].

То, что женщины и мужчины едят по-разному, установлена различными исследованиями. Обычно мужчины едят больше хлеба, мяса, колбасных изделий чем женщины. А женщины больше употребляют фруктов, овощей. Эти различия в поведении в питании связаны с различным генетическим устройством. У мужчины больше мышечной массы, более высокие

потребности в энергии, поэтому им нужно больше пищи. Но вместе с тем предпочтения в пище и напитках, а также поведение за столом определяются социальными, социальными и культурными влияниями, принятыми в обществе нормами. Женщины подвержены влиянию существующих стандартов идеала красоты, что заставляет их меньше есть и сидеть на диетах. Например: *Я жевала свою рукколу и смотрела голодными глазами на его свинину* [Маша Трауб. Не вся la vie (2008)].

В данном примере руккола (женская еда) противопоставляется куску жареной свинины (считается блюдом, которое предпочитают мужчины).

Гастические знаки фемининности.

Стереотипные вкусовые предпочтения, манера поведения за столом, особенности приема пищи и напитков женщин актуализируют в художественном дискурсе с помощью лексических номинаций гастических знаков: *чашечка кофе, пирожные Бизе, ломтик белого хлеба, шарлотка, пирожное с шоколадной крошкой, ванильный пудинг*

Манера приема пищи у женщин отличается от мужчин, что отражается в художественном дискурсе.

Милена, жеманно отставив мизинец, откусывала от краешка бутерброда. [Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии (1996-1998)].

Она смотрела на него, усмехаясь, и, держа обеими руками возле рта печенье, откусывала маленькими кусочками. [Марк Криницкий. Случайная женщина (1915)].

Она сама положила ему котлетку и налила шампанского в граненый стакан, а себе в бокал, и кокетливо брала в рот маленькие кусочки пирожного, любуясь им. [И. А. Гончаров. Обрыв].

Женщины едят маленькие порции, медленно жуют. Например:

С аппетитом ела ветчину, беря ломтики с тарелки изящно — двумя пальчиками. [В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016].

В приведенном примере использование лексических единиц с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *беря ломтики, двумя*

пальчиками, в сочетании с наречием качества *изящно* способствует актуализации фемининности.

На немецком языке:

Kerzengerade saß sie am Frühstückstisch und aß mit abgespreizten Fingern einen halben gebutterten Toast [Kerstin Gier. Saphirblau (2009)]. Перевод: *Она сидела с выпрямленной спиной и ела половинку тоста, держа его кончиками пальцев.*

В данном случае маркерами фемининности являются сочетание *mit abgespreizten Fingern* (*кончиками пальцев*) и метафора *kerzengerade* (дословно: *прямая как свеча; с выпрямленной спиной*).

Стереотипно «женской» пищей являются диетические легкие блюда, *овощи, фрукты, рыба, йогурты, Vegetarisches, Milchspeisen, Süßes*. Женщины стараются питаться правильно. Внимание за внешностью заставляет женщин сидеть на диетах, употреблять меньше калорий. Например:

Она заказала себе овощной салатик, не сильно обремененный калориями [Иржи Грошек. Реставрация обеда (2000)].

В данном примере «*овощной салатик, не сильно обремененный калориями*» относится к *типично* женским блюдам, символизирует легкость.

Йогурты, салаты, яблоки (*Cornflakes, Joghurt, Äpfel, Orangen*) являются предпочитаемой женщинами едой, например:

Oxana mußte lächeln, während sie sich Joghurt auf ihr Müsli gab und auf den Joghurt Obst. [Kopetzky, Steffen: Grand Tour, Frankfurt am Main: Eichborn 2002, S. 290]. Перевод: *Оксана вынуждена была улыбаться пока добавляла в йогурт мюсли и фрукты.*

Сладости обычно ассоциируются с фемининными предпочтениями: *пирожные, шоколад, эклеры, блинчики, Kekse, Schokolade, Süßigkeiten*. Например:

Маша, с трудом справляясь с ножом и вилкой, ела блинчики с шоколадным соусом. [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016].

Когда проходили мимо буфета, Ане очень хотелось чего-нибудь сладкого; **она любила шоколад и яблочное пирожное**, но денег у нее не было, а спросить у мужа она стеснялась [А. П. Чехов. Анна на шее (1895)].

Обычно женщины пьют маленькими глоточками:

Sie nippt an ihrem Wein. Ihre Silberreifen fallen klirrend vom Handgelenk auf den Unterarm zurück. [Schulze, Ingo: Simple Storys, Berlin: Berlin-Verl. 1998, S. 134]. Перевод: *Она пила маленькими глотками вино. Ее серебряные браслеты ниспадали от запястья до предплечья.*

Стереотипно женскими напитками являются сладкие напитки, легкие алкогольные напитки: коктейль, шампанское, ликер, мартини, Orangensaft, Wein, Baileys, Eierlikör, die süßen, bitteren Amaretti. Например:

Долго рылась в фильмотеке, потом включила французский *Cet amour-là* с Жанной Моро в главной роли и, закутавшись в шаль, смотрела фильм полулежа, отхлебывая из бокала **пресловутую рябину на коньяке, сладкую, как ликер**, и которая, сколько ее ни пей, все не кончалась. [Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019].

На немецком языке:

Bei einer bestimmten Punktzahl muß Natasha einen Baileys trinken. Das hat Ulf so entschieden. [Braun, Marcus: Hochzeitsvorbereitungen, Berlin: Berlin Verlag 2003, S. 177]. Перевод: *Как Наташа наберет определенное количества очков, она должна выпить Бейлис. Так решил Ульф.*

Если крепкое пиво «Bockbier» считается напитком с настоящим мужским характером, то ликер остается всегда женским напитком, т.е. женщины могут пить пиво, а вот мужчины вряд ли предпочтут, например, «Eierlikör» (яичный ликер).

Sie zog die Füße auf das Sofa und trank den Likör in einem Zug. [Maron, Monika: Stille Zeile Sechs, Frankfurt a. M.: S. Fischer 1991, S. 129]. Перевод: *Она уселась с ногами на диван и пила глотками ликер.*

Гастрические знаки маскулинности.

Стереотипные вкусовые предпочтения, манера поведения за столом, особенности приема пищи и напитков мужчин актуализируют в художественном дискурсе с помощью лексических номинаций гастических знаков: *проглотил бифштекс с кровью, ел со сковороды, мясо, водка, жирный пирожок с луком, селедка, рюмка водки, текила, горилка* и др.

Мужчины предпочитают много мяса и крепкий алкоголь. Мясо всегда есть символ силы, крепкости и власти.

Стереотипно «мужской» едой считается жареное мясо: *Увлечённые шашлыками мужчины не обращали внимания даже на проходивших по бульвару женщин* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника].

Мясо всегда выступает символом силы и доминирования. Мужчины едят бифштекс с кровью и запивают пивом: *Moenke hob den Kopf.» Ich denke mehr an ein großes, blutiges Beefsteak«, erklärte er.» Mit Zwiebeln und Bratkartoffeln. Dazu ein eiskaltes Bier* [Erich Maria Remarque. Liebe Deinen Nächsten]. Перевод: *Мэнке поднял глаза.— А мне, наоборот, рисуется огромный бифштекс с кровью, — заявил он. — С луком и жареным картофелем. И конечно, пиво, холодное как лед.* [Эрих Мария Ремарк. Возлюби ближнего своего (пер. И. М. Шрайбер)].

Jürgen bestellte Bier, ich Mineralwasser, er Schnitzel mit Salat, ich eine Königinpastete. Jürgen goß das Bier in die Kehle [Ingrid Noll. Der Hahn ist tot. НКРЯ]. Перевод: *Юрген заказал пиво, я — минеральную воду. Он ел шницель с салатом, я же предпочла рулет из курицы с шампиньонами. Юрген безостановочно лил пиво в глотку* [Ингрид Нолль. Мертвый петух (пер.О. А. Соколова)].

Типичными мужскими напитками считаются крепкие алкогольные напитки: *Schnaps, Whisky, Cognac, Wodka.*

Но сейчас в корзинке у Леви Штейнмана все, что ему нужно — чистые дискеты и чистые х/б носки на утро, сигара диаметром 1 см и акции Западно-Техасского, тарелка жареной картошки со свиной, булочка с кремом, именно которую он должен был захотеть этим вечером — именно которую,

а не какую другую, — ну и, конечно, рюмаха, мужику после тяжелого дня полагается [Ксения Букша. Inside Out (Наизнанку)].

В данном примере разговорные просторечные слова *рюмаха* и *мужик* в сочетании со словами *тяжелого дня*, *полагается* актуализируют силу, непосредственность, грубость.

Манера приема пищи мужчин отличается тем непосредственностью и неприхотливостью, например, есть прямо со сковородки: *часом позже Мерцалов сидел за столом и, несмотря на позднее время, с аппетитом уплетал скворчащие на сковороде котлеты* [Николай Дежнев. Принцип неопределенности].

Как показывает приведенный пример, мужчины не боятся поправиться и набрать лишний вес в отличие от женщин, поэтому могут, *несмотря на позднее время, с аппетитом уплетал скворчащие на сковороде котлеты*.

Уверенность в себе позволяет быть мужчинам небрежными. Мужчины принимают пищу небрежно: *Он ел, и губы его лоснились от жира, капли стекали по подбородку* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

Er aß wortlos, mit sichtbarem Appetit, aß gefüllte Entenbrust, wobei ihm das Fett von den Lippen übers Kinn lief. [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr]. Перевод: *Он ел фаршированную утку, ел молча, с большим аппетитом, и жир стекал у него по подбородку* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (пер. Е. Закс и Н. Ман). НКРЯ].

Таким образом, гендерные стереотипы в художественном дискурсе также актуализируются через вербализацию гастических знаков. «Мужская» еда и манера приема пищи символизирует силу, мужественность, доминирование в обществе. Типично «женская» пища символизирует легкость, что также связано с существующими в обществе стереотипами внешней красоты.

ЗНАКИ-ФЭШИОНИМЫ.

Данные знаки рассматриваются нами в рамках системологии (науки о системах объектов) на примере языка моды, аксессуаров, прически, макияжа и др. Стереотипы феминности и маскулинности в художественном дискурсе актуализируются с помощью семиотических знаков-фэшионимов, к которым мы относим лексические маркеры традиционной «женской» или «мужской» моды: одежда, фасоны одежды, обувь, аксессуары, макияж, прическа и др.

Мода (с англ. *fashion*) – это стиль одежды, макияж, прическа, аксессуары и др. Язык моды является своеобразным способом самовыражения личности и важнейшим показателем проявления гендера. Мода (одежда, обувь, аксессуары и др.) является средством невербальной коммуникации и актуализируются в художественном дискурсе через знаки-фэшионимы. Важно отметить, что «одежда – оказывается важным аргументом, обладает большой силой убедительности наряду с вербальным компонентом, а значит, обладает знаковостью» [Арнова, 2018: 54].

Одежда как знак является маркером феминности или маскулинности. Например, костюм и галстук являются типичными элементами мужской одежды, а креп-жоржетовые платья женской: *Весь этот летний новосибирский бомонд: дамы в крепдешиновых, креп-жоржетовых платьях, мужчины в светлых пиджаках, в шелковых рубашках, с галстуками или апаш...* [Инна Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег», 2013].

Знаки-фэшионимы феминности актуализируют в художественном дискурсе типичную женскую одежду и обувь: мини-юбка, шелковое платье, корсет, чулки, кружевное белье, бюстгальтер, лиф, каблучки, туфли-лодочки, туфли на шпильках и др. Например:

Однажды, на уроке математики, его одноклассница Маша, которая носила такую короткую юбку... или это уже была лекция по теории вероятностей и его однокурсница Света, у которой была такая обтягивающая блузка... или совещание у директора и его секретарша Ксения, у которой была такая короткая юбка и такая обтягивающая

блузка и на этой блузке такое декольте... [М. Б. Бару. Навоз божьих коровок // «Волга», 2012].

*До обеда Жанна прошла по магазинам, купила **туфли, платье, юбку с разрезом сбоку и юбку-годе**, два ожерелья, перстень с желтым камнем, браслет, чулки цвета загара и **черные чулки в сеточку, перчатки**, еще одни туфли, **белое кружевное белье**, еще один браслет, бутылку итальянского красного вина, сыр, шарф, второй шарф, третий, **помаду, духи**, инжир, виноград, опять духи, опять туфли и еще один комплект белья — черного кружевного с искрой, а потом еще одни туфли — **на очень высоком тонком каблуке** — и бутылку белого французского. [Юрий Буйда. Йолотистое мое йолото // «Октябрь», 2013].*

*Одна — безусловная красавица, блондинка в мягком **кашемировом костюме «Шанель»** цвета электрик, **туфельки синие**, глаза тоже, **маникюр безупречный**, осанка царственная. [Марианна Баконина. Девять граммов пластит].*

***Короткие шорты** одной и **мини юбка** другой открывали красивые ноги в дорогих **ботиночках на «шпильках»**. [Данил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)].*

*И теперь, в **туфлях на высоких каблуках**, походка у нее была такая, что все мужики за столиками провожали ее взглядами [Анна Берсенева. Возраст третьей любви].*

*Но полнота в моде не была. Модно было — «доска, два соска». **Сапоги - чулки, яркая юбка выше коленок**. Коленки - то как хороши, как они манят и мелькают, светлые, многие сотни их, особенно если взять бухла, и с запасом, и принять на грудь, и пройтись с ребятами по теплой летней Москве, в сгущающихся сумерках, в вечернем переплеске огней, голосов, обрывков музыки и смеха, и безо всяких там непонятных птиц [Гатьяна Толстая. Войлочный век].*

*Nein, eigentlich nicht, sie rollte **die Strümpfe** auf, die ich seit Wochen fälschlich für **eine Strumpfhose** gehalten hatte, und befestigte sie unter dem*

Minirock. [Franck, Julia: Lagerfeuer, Köln: DuMont Literatur und Kunst Verlag 2003, S. 158]. Перевод: *Нет, не совсем», — она свернула чулки, которые я несколько недель принимал за колготки, и закрепила их под мини-юбкой.*

Das Rauschen eines seidenen Kleides war auf mich zugekommen, und eine zarte, schmale Damenhand hatte leicht meinen Arm berührt. [Gustav Meyrink. Der Golem (1914)]. Перевод: **Шуршание шелкового платья** приблизилось ко мне, и тонкая, нежная женская рука коснулась моей.

Wahrscheinlich hatte sie sich entkleidet, um sich, der Jahreszeit angemessen, sommerlich umzuziehen, und war darüber ins Träumen geraten, denn den Boden bedeckten Wäsche und Strümpfe, Schuhe und Mieder ... alles wie eben vom Leibe gerissen und nachlässig hingeworfen, während sie selbst - eine Abart von weiblichem Narziß - mit ihrem Spiegelbild lächelte und, beide Eilbogen aufgestützt, die umgelegte Kette emporhob, deren Perlen sie durch die Lippen zog: langsam, in tiefe Andacht versunken, ohne sich stören zu lassen. [Langgässer, Elisabeth: Das unauslöschliche Siegel, Hamburg: Claassen 1959 [1946], S. 531]. Перевод: *Вероятно, она разделась, чтобы переодеться в летнюю одежду, соответствующую сезону, и погрузилась в задумчивость, потому что на полу валялись белье и чулки, туфли и лиф... все это было сорвано с ее тела и небрежно брошено вниз, а сама она - своего рода женский нарциссизм - улыбалась своему отражению и, опершись на оба локтя, приподнимала надетый на нее кулон, жемчужины которого она втягивала губами: медленно погружая их глубже и не позволяя себя потревожить.*

Рисунок ткани может быть семиотическим знаком фемининности. Традиционно женскими рисунками считаются горошек и цветочек, например:

Белая блузка в крупный горошек сидела на ней мешком и была явно коротковата, теми же достоинствами отличалась и юбка на два размера больше, чем требуется, к тому же клетчатый рисунок недвусмысленно свидетельствовал, да что там – просто кричал о высоком художественном вкусе носящей эту одежду дамы более чем средних лет [Александра Маринина Ангелы на льду не выживают].

Джинсы, короткие курточки, кеды — все это смотрелось круто, но на самом деле в ее двадцать с небольшим были круглые воротнички и **платья в цветочек**, а еще Ведерников помнил тяжелое пальто на вате, с большой растрепанной лисой, похожей на жухлую траву, и чопорные ботинки на кожаных пуговках, всегда сырые, стоявшие отдельно на серой газетке [О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014-2016)].

Sogar Bella kam aus ihrem Zimmer, in einem geblühten Bademantel, den ich noch nie an ihr gesehen hatte. Elke Heidenreich. Kolonien der Liebe: Erzählungen (1992) Перевод: Даже Белла вышла из своей комнаты в банном халате в цветочек, которого я на ней раньше никогда не видела [Эльке Хайденрайх. Колонии любви: рассказы (В. П. Поздняк, 2002)].

Также рассмотрим примеры знаков-фэшионимов, денотирующие женские элементы одежды: *рюши, рукав-фонарик, разрез, вырез, декольте, перья, корсет, tiefe Dekolletés, ausgeschnittenes Damenkleid, Korsett und Reifrock, Mieder* и др. Например:

*Я даже готов сказать моим истязателям, что может быть, иной раз я и бросил холодный взгляд оценицика на коралловые губы Шарлотты, на ее бронзоватые волосы и **преувеличенное декольте**, смутно пытаюсь вместить ее в раму правдоподобной грезы [В.В. Набоков. Лолита].*

*На ней были длинная **шелковая юбка с большим разрезом** и моя рубаха, которую она подвязала своим шарфиком [Юрий Азаров. Подозреваемый].*

*Я все разобрала до малейших подробностей: **кастаньеты, трико, юбки, какой-то еще розовый корсаж**, который надевается под **лиф**. [П. Д. Боборыкин. Жертва вечерняя].*

*Die Mädchen gingen in **geschnürten Miedern** und Schneppentailen, die Bauern in Kniestrümpfen, Schnallenschuhen, bunten Jacken mit silbernen Knöpfen und großen Federhüten. [Winckler, Josef: Der tolle Bomberg, Rudolstadt: Greifenverl. [1956] [1922], S. 365]. Перевод: Девушки носили кружевные лифы и снежные пончо, фермеры носили носки до колен, туфли с пряжками, яркие куртки с серебряными пуговицами и большие шляпы с перьями.*

*Ich hatte erwartet, das **Korsett würde mir die Luft abschnüren** und den Kalbsbraten wieder aus meinem Magen quetschen, aber in Wirklichkeit war es erstaunlich angenehm zu tragen. [Kerstin Gier. Rubinrot (2009)]. Перевод: Я боялась, что даже вздохнуть не смогу из-за корсета, и что жаркое полезет обратно, как повидло из пирожка. Но на самом деле оказалось, что носить корсет удивительно удобно [Керстин Гир. Рубиновая книга (С. Вольштейн, 2012)].*

*Die Frau trug etwas pinkfarbenes, ebenfalls mit **Rüschen**, und ihr **Dekollete** streckte sich ihm entgegen. [Goosen, Frank: Liegen lernen, Frankfurt am Main: Eichborn AG 2000, S. 160]. Перевод: На женщине было что-то розовое, тоже с **оборками**, и ему открывался прекрасный обзор на ее **декольте**.*

*Sie würde jetzt, weil du da bist, das Rüschenkleidchen heraussuchen, und morgen den **geblünten Rock, die gestreifte Bluse und die Fellstiefel**. [Jentzsch, Kerstin: Ankunft der Pandora, München: Heyne 1997 [1996], S. 317]. Перевод: Сейчас, когда ты здесь, она выберет платье с оборками, а завтра юбку с цветочным принтом, полосатую блузку и меховые сапоги».*

*Die Frau trug ein **feuerrotes Kostüm**, der enge, **hinten geschlitzte Rock** endete knapp über den Knien, unter dem spitzen Revers lugte eine bis oben zugeknöpfte weiße Bluse hervor. [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 147]. Перевод: На женщине был огненно-красный костюм, узкая юбка с разрезом сзади заканчивалась чуть выше колен, а из-под заостренных лацканов выглядывала застегнутая доверху белая блузка.*

Ina, eine kleine Frau, die Chefin des Ressorts Modernes Leben, trug einen weitschwingenden weißen Rock und Julias Glitzer-T-Shirt mit der goldenen Aufschrift [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 332]. Перевод: Ина, невысокая женщина, заведующая отделом «Современная жизнь», была одета в струящуюся белую юбку и блестящую футболку с золотой надписью.

К знакам женской традиционной моды относятся такие атрибуты как помада, туш для ресниц, пудра, лак для ногтей, туфли на высоких каблуках, например:

Каблуки, помада, улыбка — и трындец: разговаривать не о чем [В. Г. Галактионова. Спящие от печали (2010)].

Ihr Gesicht war verschmiert, das Mascara war von den Wimpern getropft, und das Rouge des Mundes war an einer Seite heraufgewischt. [Erich Maria Remarque. Arc de Triomphe (1945)]. Перевод: *Вся косметика на ее лице расплылась, тушь стекла с ресниц, губная помада с одной стороны размазалась пятном* [Эрих Мария Ремарк. Триумфальная арка (пер. И.М. Шрайбер, 1978)].

Ihre Augen sind noch immer dunkel umrandet, und sie hat viel Puder auflegen müssen, um ihre Blässe zu verbergen. [Horster, Hans-Ulrich [d.i. Rhein, Eduard]: Ein Herz spielt falsch, Köln: Lingen 1991 [1950], S. 106]. Перевод: *У нее по-прежнему темные круги под глазами, и ей пришлось нанести много пудры, чтобы скрыть свою бледность.*

Während der Mann bezahlte, kramte sie in ihrer Handtasche und zog sich die Lippen nach, dann gingen die beiden hinaus; sie stelte auf ihren hohen Absätzen, er hatte ihr die Hand um die Taille gelegt, der Portier hielt ihnen die Tür auf, und draußen hörte ich einen Motor anspringen; die Nacht war für die beiden bestimmt noch nicht zu Ende [Schmitter, Elke: Frau Sartoris, Berlin: BvT 2000[2002], S. 142]. Перевод: *Пока мужчина платил, она порылась в сумочке и провела по губам, затем они вдвоем вышли; она шла на своих высоких каблуках, он обнимал ее за талию, швейцар придержал для них дверь, и я услышал, как снаружи завелся двигатель; Ночь определенно не закончилась для них обоих.*

К традиционно женским аксессуарам относятся сумочка, клатч, кошелек, пудреница, косметичка, шарфик, шпильки, заколки для волос и др. Например:

Сумочка, конспекты, карандаши для бровей, пояс с резинками, один чулок. [И. Грекова. Летом в городе].

Im Wagen, der sie zur Probe führte, noch wie ein Schulmädchen aufschnupfend, nahm sie Puderdose, Lippenstift, schminkte sich stärker, mit schnellen, mechanischen Bewegungen. [Feuchtwanger, Lion: Erfolg. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelbänden, Bd. 6, Berlin: Aufbau-Verl. 1993 [1930], S. 374]. Перевод: В машине, которая везла ее на репетицию, все еще фыркая, как школьница, она взяла пудреницу и помаду и быстрыми, механическими движениями нанесла еще больше макияжа.

Ich meine den Taschenspiegel meiner Mutter ... in ihrer großen, billigen Handtasche, zwischen Puderdose, Nagellack, Lippenstift, Haarnadeln, Taschentuch, Nähzeug und sonstigem Kram eingeklemmt oder -gezwängt ... ein kleiner Spiegel, lippenstift- und nagellackverschmiert oder verklebt ... ein bißchen angeschlagen oder ein bißchen sehr ... mit gläsernen Laufmaschen ... [Hilsenrath, Edgar: Der Nazi & der Friseur, Köln: Literar. Verl. Braun 1977, S. 37]. Перевод: Я имею в виду мамино карманное зеркальце... в ее большой дешевой сумочке, зажатое или зажатое между пудреницей, лаком для ногтей, помадой, заколками, носовым платком, швейным набором и прочим хламом... маленькое зеркальце, испачканное или заклеенное помадой. и лак для ногтей... .. немного сколов или немного очень... со стеклянными потеками.

В приведенных примерах репрезентантами феминности являются такие элементы как сумочка, карандаши для бровей, пояс с резинками, Puderdose, Lippenstift, Nagellack, Haarnadeln, Taschentuch, Nähzeug. Данные слова являются маркерами стереотипа феминности в художественном дискурсе.

Аксессуары могут выступать семиотическим знаком материального достатка, семейного и социального статуса и т.п., например: *По сумочке и туфлям девушки я могу определить, какая у нее модель телефона и кем работает ее бойфренд, по прическе мужчины я скажу все о его семейном положении и образе жизни.* [Елена Тюгаева. Ворота в мир // «Волга»].

Семиотический знак достатка и высокого социального уровня реализуется описанием следующих аксессуаров: кашемировый костюм

«Шанель», палантин из шиншиллы, шелковые перчатки, бриллианты и др. Например:

Одна — безусловная красавица, блондинка в мягком кашемировом костюме «Шанель» цвета электрик, туфельки синие, глаза тоже, маникюр безупречный, осанка царственная [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)].

Сияющий лимузин подкатит к самому роскошному ресторану, услужливый швейцар распахнет дверцу машины, на мостовую выскользнет изящная ножка в серебряной туфельке, затем легко выйдет вся Эля в длинном вечернем платье цвета морской волны, небрежно запахнет палантин из драгоценной шиншиллы, но так, чтобы было видно бриллиантовое кольцо, гордо поднимет голову, качнет сверкающие серьги, небрежно подаст руку, затянутую в шелковую перчатку, своему спутнику во фраке и атласном цилиндре, и пойдут они, соперничая блеском бриллиантов с иллюминацией, прожигать жизнь. [Ирина Левитас. На горах бальзамических // «Дальний Восток», 2019].

Eine Uhr voller Diamanten, eine Perlenkette, Schuhe aus Krokodilleder (eine Nummer zu klein) und Unterwäsche aus einer so hauchzarten Seide, daß Nina nicht spürte und Rüdiger nicht sah, ob sie sie anhatte oder nicht. [Widmer, Urs: Das Buch des Vaters, Zürich: Diogenes 2004, S. 117]. Перевод: Часы, усыпанные бриллиантами, жемчужное ожерелье, туфли из крокодиловой кожи (на размер меньше) и нижнее белье из шелка, такого тонкого, что Нина его не чувствовала, а Рюдигер не мог понять, надела она его или нет.

Zu ihrem schwarzen, samtigen Reifrock trug sie einen kleinen, um die Hüften fest schließenden, schneeweißen Pelz und keinerlei Schmuck als einen Ring mit einem Diamanten von ungewöhnlicher Größe und Klarheit. [Klepper, Jochen: Der Vater, Gütersloh: Bertelsmann 1962 [1937], S. 133]. Перевод: Вместе с черной бархатной юбкой-кольцом на ней была маленькая белоснежная шуба, плотно закрывавшая бедра, и никаких украшений, кроме кольца с бриллиантом необычного размера и чистоты.

Причёска как семиотический знак фемининности в художественном дискурсе реализуется метафорой (*конский хвост, высокая причёска, как башня, волосы, вздыбленные химзавивкой*):

Высокая причёска, как башня, из черных ярких волос [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013].

У нее был боевой, дерзкий, невероятно вздернутый нос (не носик, а именно нос) — и боевой конский хвост, баснословно густой и скандально осветленный. [Марина Палей. Ланч (1999)].

Волосы женщины, вздыбленные химзавивкой, были разнообразно расцвечены как бы натуральными цветами, но обилие этих натуральных оттенков вызывало ощущение пестроты. [А.Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга»].

Мальчишеская стрижка у женщины в зрелом возрасте свидетельствует о том, что она хочет выглядеть моложе, следит за собой. Например:

Похудела, но окуклилась, как игрушка. И эта мальчишеская стрижка так хороша. Снег тёк в Зинины огромные карие глаза, смотревшие слишком строго для нечаянной встречи. [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015].

Хрупкая стройная фигурка, стильная короткая стрижка, маленькое черное платье, кокетливо завязанный на шее небесно-голубой шарф и, конечно, элегантные туфельки на высокой классической шпильке. [Лариса Пузикова. Путь в Париж / Мужские фишки // «Ковчег», 2012].

Таким образом, знаки традиционной женской моды могут быть извлечены из вербализации внешнего портрета женского персонажа художественного текста. Знаки-фэшионимы, репрезентируя элементы женской моды, женской одежды, актуализируют в художественном дискурсе стереотип фемининности.

Знаки-фэшионимы маскулинности, репрезентирующие элементы мужской моды, мужской одежды: галстук, галстук-бабочка. цилиндр, трость, перстень, шляпа, фрак, бомбер, «ролексы», в бутиковых рубашках,

кашемировое пальто, сигара, сигареты, военная форма, мундир и др. Например:

Вход в подъезд вместо престарелого консьержа сторожил бравый молодец в военной форме и с кобурой на поясе. [Татьяна Сахарова. *Добрая фея с острыми зубками*].

*К кабинке подошел **самец в кашемировом пальто** и принялся мне через стекло подмигивать.* [Анна Ткачева. *Приворот*].

*Напротив него уселся румяный седой мужчина в **строгом черном кителе с небольшими серебряными крестиками на лацканах*** [Виктор Пелевин. *Желтая стрела*].

*Der Mann stieg aus. Er war **groß und schwer und trug einen weiten, braunen Raglan aus Kamelhaar.*** [Erich Maria Remarque. *Drei Kameraden* (1936)].
Перевод: *Мужчина вылез из машины. Он был рослый, массивный, в широком коричневом пальто-реглане из верблюжьей шерсти.*

Такие аксессуары как галстук, шляпа, часы, запонки, портмоне, трость, сигара, трубка являются типично мужскими аксессуарами и демонстрируют мужественность. Приведем пример:

*Он был лет на десять, а то и больше, старше Тягина, который хорошо помнил его совсем, совсем другим — молодым обаятельнейшим красавцем, эдаким замотанным репортёром из американского кино: мешковатое пальто, **шляпа на затылке, приспущенный галстук, двухдневная щетина и вечная сигарета в углу рта*** [Сергей Шикера. *Египетское метро*].

*А какие у Петухова носки, туфли, как замороженно лежал на ослепительной рубашке **галстук! А запонки! Настоящий янтарь в золотой оправе...*** [Виль Липатов. *И это все о нем*].

*Костюм был для летней ночи на станции Грозовая довольно странный: косо сдвинутая на лоб шляпа из кремовой манильской соломки с широкой лентой лилового муара, **кремовый двубортный костюм из тонкой фланели,** крахмальный стоячий воротничок, галстук бабочкой лилового же, сумрачно блестящего шелка, в левой руке **бамбуковая трость с ручкой-***

набалдашником желтоватой, хорошо полированной слоновой кости, в правой — свежая пара бежевых лайковых перчаток, на ногах молочной замши ботинки с коричневыми союзками выстроченной узорами кожи. [Александр Кабаков. Салон (1987)].

Затем со строгой и романтической тщательностью человека, собирающегося на дуэль, я проверил, в порядке ли бумаги, выкупался, надушился, побрил лицо и грудь, выбрал *шелковую рубашку и чистые подштанники, натянул прозрачно-темные носки* и поздравил себя с тем, что захватил в сундуке кое-какие весьма щегольские вещи — например, *замшевый жилет с перламутровыми пуговицами и бледный кашемировый галстук* [В.В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского] (1967)].

Модная мужская одежда может иметь традиционно женские цвета (розовый) или фасоны (узкие облегающие брюки), например:

Da steht der Mann mit den langen blauschwarzen Haaren in einer silbernen engen Schlaghose und knöpft sich sein rosa-orange gestreiftes Hemd mit riesigem Kragen langsam auf. [Dücker, Tanja: Spielzone, Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verl. 2002 [1999], S. 34]. Перевод: *Стоит мужчина с длинными иссиня-черными волосами в узких серебристых расклешенных брюках и медленно расстегивает розово-оранжевую полосатую рубашку с огромным воротником.*

Аксессуары традиционной мужской моды могут выступать знаком высокого положения и статуса, например:

Они вчетвером спускаются вниз — мужчины в возрасте от двадцати пяти до сорока пяти, в костюмах с элементами ручной работы стоимостью от двух тысяч долларов (безупречный крупный узел шелкового галстука, плотный воротник, угол среза — сорок пять градусов), сверкая циферблатами инерционных Rolex'ов и мягкой кожей итальянских туфель [С.А. Самсонов. Кислородный предел].

И хоть на его руке были золотые часы «Картье», стоявшие не меньше полусотни тысяч долларов, он поставил мне оклад чуть больше миллиона лир, меньше шестисот долларов. [Андрей Ростовский. Русский синдикат (2000)].

*Wenn es regnerisch aussah, so führte er einen **rotseidenen Schirm** mit sich, und eine große goldene Uhr von feiner Arbeit gab ihm in den Augen der Bauern einen ungemein vornehmen Anstrich.* [Gottfried Keller. Der grüne Heinrich (zweite Fassung) (1879-1880)]. Перевод: *В пасмурную погоду он носил с собой красный шелковый зонтик, а массивные золотые часы тонкой работы придавали ему еще больше важности в глазах крестьян.* [Готфрид Келлер. Зеленый Генрих (пер. Ю. Афонькин, Г. Снимщикова, Д. Горфинкель, Н. Бутова, 1972)].

В приведенных примерах используются прилагательные *итальянские (туфли), золотые (часы), шелковый (галстук), rotseidenen (Schirm), goldene (Uhr), fein* названия дорогих брендов часов *Rolex, Картье*, которые репрезентируют богатство и высокий статус.

Запонки являются мужским аксессуаром: *Руки замминистра складывал так, чтобы запонки на пухлых, белоснежных манжетах перекликались бы друг с другом.* [А.Н. Бузулукский. Встреча с президентом // «Волга», 2014].

Портфель как знак высокой должности:

*Глядя ему вслед, Лукин видел, как меняется его походка, обретая черты деловой устремленности, по которой легко можно узнать **ответственных работников с портфелями.*** [Николай Дежнев. В концертном исполнении].

Татуировка для мужчин является более характерным, чем для женщин, т.е. является знаком маскулинности, мужественности и брутальности. Татуировки считаются также бандитским шиком.

*На руках его пестрели какие-то полустертые временем **татуировки, свидетельствовавшие за то, что в молодые годы дядя Саша испытал бурю и натиск жизни*** [А.А. Уткин. Дорога в снегопад (2008-2010)].

Oder den plumpen, schnauzbärtigen Mann in einem schwarzen Muscle-Shirt, der über und über tätowiert ist. [Dückers, Tanja: Spielzone, Berlin: Aufbau-

Taschenbuch-Verl. 2002 [1999], S. 42]. Перевод: *Или пухлый усатый мужчина в черной мускулистой рубашке, весь в татуировках.*

Um seine Männlichkeit zu betonen, hatte Willi sich tätowieren lassen, und zwar: eine nackte Frau mit üppigen Brüsten, sichtbar auf dem linken Oberarm. [Hilsenrath, Edgar: Der Nazi & der Friseur, Köln: Literar. Verl. Braun 1977, S. 78]. Перевод: *Чтобы подчеркнуть свою мужественность, Вилли сделал себе татуировку: обнаженную женщину с пышной грудью, виднеющуюся на его левом плече.*

Татуировка на теле женщины – это признак, скорее всего, независимости, уверенности, свободы и сексуальности.

Евгений заметил у красавицы на лодыжке, чуть повыше щиколотки, небольшую татуировку, то ли бабочку, то ли птичку, более детально рассмотреть тату мешал красивый золотой браслет с колокольчиками, украшавший ее ногу [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

Но когда, разметавши одежды, беспорядочно повалились на с утра не убранную на постель, он внимание обратил на то, на что, тормознув, попросила-таки – «посмотри!» – обратить его внимательный взор, – на приметку особую тела, сокровенную ящерицу-тату в зоне бикини [Сергей Носов. Грачи улетели (2005)].

Judith berichtet von jungen Touristinnen mit einer tätowierten Rose auf der linken oder rechten Pobacke [Genazino, Wilhelm: Die Liebesblödigkeit, München, Wien: Carl Hanser Verlag 2005, S. 163]. Перевод: *Джудит рассказывает о молодых туристках с татуировкой розы на левой или правой ягодице.*

Приведенные выше примеры доказывают, что сам рисунок татуировки и место расположения у женщин имеют свои отличия от мужских татуировок: *бабочка, птичка, на лодыжке, ящерица-тату в зоне бикини, mit einer tätowierten Rose auf der linken oder rechten Pobacke.* Вряд ли мужчина сделает себе татуировку в виде розы или птички в области бикини.

Короткая стрижка как семиотический знак маскулинности: *стрижка «под ноль», «полубокс»*. Рассмотрим примеры:

*Откуда мне знать, нужен ли парню отец, когда у парня рост метр восемьдесят, **канадская стрижка**, бас, когда он может три часа танцевать без усталы, прочитать за день целиком английский детективный роман и подойти на улице к любой девушке и взять у нее телефон?* [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].

*Стилягами в узких брюках были пока еще только Вадим и его дружки, большинство парней все еще носили широкие прямые брюки, наборные ремешки, развевающиеся при ходьбе пиджаки, у некоторых куртки-вельветки, и обязательная **стрижка под «полубокс»** — чтобы ветер холодил затылок, шевелил заборные чубы* [Александр Титов. Путники в ночи // «Волга», 2008].

***Стрижка «под ноль»**, водянисто-серые глаза, чуть свороченный набок нос, свернувшиеся сломанные уши, оттягивающая книзу синие тренировочные штаны, черная пистолетная рукоять — тяжелый «ГТ» засунут прямо за пояс, и невыносимый запах перегара, сбивающий с ног и мешающий соображать.* [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)].

Семиотические знаки-фэшионимы выступают также средством репрезентации унисекса в одежде, отсутствием признаков гендера в моде (одежда, обувь, причёска, макияж, парфюмерия, аксессуары), т.е. реализуется гендерно нейтральная мода. Например:

*Впрочем, еще при первом визите Донцов обратил внимание, что на открытой гардеробной висело изрядное число **пальто и шляп в стиле унисекс, годных и для мужчин, и для женщин*** [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва»].

*Начинал петь и не заканчивал, — мешала тощая женщина с лицом мятой туалетной бумаги, **одетая как подросток в вислою линялую толстовку с вытянутым капюшоном на пол спины, в тёртые джинсы с***

дырами [Гузалия Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // «Бельские просторы»].

Она была весьма моложава, подтянута, в светлом спортивном костюме без рукавов, с короткой светлой стрижкой под мальчика.

[Татьяна Тренина. Русалка для интимных встреч].

Следует отметить, что стиль унисекс свидетельствует о преобладании знаком маскулинности.

Рассмотрены и описаны невербальные знаки фэшенимы в художественном дискурсе, к которым мы относим семиотические знаки традиционной фемининной или маскулинной моды: одежду, фасоны одежды, обувь, аксессуары, парфюм, макияж и прическу. Невербальные знаки-фэшенимы выступают также средством актуализации унисекса в одежде, как маркеры равноправия. Наблюдается маскулинизация женского образа и феминизация мужского образа. В мужском стиле наблюдается использование фемининных (женственных) деталей в формировании своего образа: облегчающая одежда, сумки, яркие цвета.

ЗНАКИ-КОЛРОНИМЫ.

«Цветосемиотика обладает обширным информационным потенциалом, поскольку представляет собой сложную индексированную цветовую символику: на протяжении всей истории развития человечество распознавало и когнитивно осваивало явления объективного мира через изучение цветовых символов» [Астафурова, Олянич, 2014: 33]. Важным семиотическим знаком фемининности и маскулинности является цвет, который способствует характеристике образа женщины и мужчины в художественном дискурсе.

Например, по традиции цвет одеяла для новорожденных выбирают в зависимости от пола, розовый или голубой:

Он сам ее отнес на кроватку и сам неумелыми пальцами осторожно подтыкал розовое одеяло [А.С. Бухов. Дочь (1936)].

Одним июньским вечером Гагик привез из роддома свою жену и **маленький сверток, перевязанный долгожданной голубой ленточкой** [Денис Тихий. Умляуты // «Сибирские огни», 2013].

Знаки-колоронимы фемининности, репрезентирующие стереотипно «женские» цвета реализуются в художественном дискурсе с помощью прилагательных (*розовый, янтарный, рыжий, красный, бирюзовый*) сложных прилагательных (*жемчужно-белый, бледно-голубой, lilienweiß, rosenrot* и др. Например:

*Эта была великолепа: молодая, статная, раскрашенная блондинка с **ярко-лиловыми** ногтями.* [И. Грекова. Хозяйка жизни].

*Meine Mutter trug ein mindestens fünfzehn Jahre altes, **violettes Kleid** und war wohl noch am gleichen Tag beim Friseur gewesen.* [Goosen, Frank: Liegen lernen, Frankfurt am Main: Eichborn AG 2000, S. 122]. Перевод: *На моей матери было **фиолетовое платье**, которому было не меньше пятнадцати лет, и она, вероятно, в тот же день была в парикмахерской.*

Розовый цвет считается типично «женским» цветом, что можно подтвердить следующими примерами:

*Легчайший **розовый** шелк, отделанный тонкими кружевами, был к лицу девочке.* [Екатерина Маркова. Тайная вечеря].

*Eine Frau in einem **rosa Bademantel**, mit bleichem, ungeschminktem, übernächtigem Gesicht, wirft die Arme in die Höhe und ruft* [Enzensberger, Hans Magnus: Der kurze Sommer der Anarchie, Frankfurt a. M.: Suhrkamp 1972, S. 120]. Перевод: *Женщина в **розовом халате**, с бледным, ненакрашенным, затуманенным лицом вскидывает руки вверх и кричит.*

*Sie war blond und fett und trug **einen Morgenrock aus lachsfarbener französischer Seide mit Spitzen**.* [Erich Maria Remarque. Der Funke Leben (1952)]. Перевод: *Это была толстая белокурая женщина; на ней был **розовый пеньюар из французского шелка**.* [Эрих Мария Ремарк. Искра жизни (пер. Р.С. Эйвадис, 1993)].

Sie hielt Rosa und Seide für sehr elegant. [Erich Maria Remarque. Der Funke Leben (1952)]. Перевод: *Розовый цвет и шелк она отождествляла с элегантностью.* [Эрих Мария Ремарк. Искра жизни (пер. Р. Эйвадис, 1993)].

Красный цвета платья является признаком эффектности женщины:

Послышался стук каблуков, и в прихожей возникла его жена — эффектная брюнетка в красном открытом платье. [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)].

В описании «женских» цветов обычно используются сложные прилагательные, обозначающие оттенки цвета:

Хрупкая стройная фигурка, стильная короткая стрижка, маленькое черное платье, кокетливо завязанный на шее небесно-голубой шарф и, конечно, элегантные туфельки на высокой классической шпильке. [Лариса Пузикова. Путь в Париж / Мужские фишки // «Ковчег», 2012].

Прекрасная госпожа, облаченная в бархатное платье винно-красного цвета, опускает в раскрытый сундучок, который держит перед ней служанка, драгоценное ожерелье (то самое, что украшало шею Дамы во всех других сценах). [Т. Акимова. Музей Клюни Париж (2012)].

На немецком языке: *Sie saß im Vorzimmer hinter dem Schreibtisch, hatte einen kleinen Spiegel auf die Tastatur gestellt und schminkte die Lippen karminrot.* [Friedrich Dürrenmatt. Justiz (1985)]. Перевод: *Она сидела в приемной за машинкой, поставив на клавиатуру зеркальце, и красила губы в карминно-красный цвет* [Фридрих Дюрренматт. Правосудие (пер. С. Фридлянд, 1988)]. Лексема «*karminrot*» в переводе на русский язык «карминно-красный цвет» обозначает насыщенный красный цвет, пурпурный, багряный. Относительно помады для губ данный цвет актуализирует ярко выраженную фемининность, сексуальность и энергию женского персонажа.

В приведенных примерах мы видим, что используемые прилагательные цвета актуализируют такие стереотипно фемининные качества как нежность, слабость, женственность, красоту, притягательность, сексуальность.

Знаки-колоронимы маскулинности, репрезентирующие палитру стереотипных «мужских» цветов: *синий, серый, черный, кофе-с молоком, коричневый, хаки, beigefarben, einen dunkelblauen Anzug mit weißem Hemd* и др. Например:

Он одет в костюм цвета «кофе с молоком» и на ходу тянет руку для рукопожатия. [Олег Гладов. Любовь стратегического назначения].

Володя надевает синий фрак с бронзовыми пуговицами, золотые часы и лакированные сапоги; к крыльцу подают фаэтон папа, Николай откидывает фартук, и Володя с St.-Jerome'ом едут в университет [Л.Н. Толстой. Отрочество].

Благообразного вида седой джентльмен в синем блейзере с золотыми пуговицами и черных брюках с кинжальными стрелками [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)].

Er hockte wie eine schwitzende Riesenschildkröte in einem beigefarbenen Anzug in der Mitte. [Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970)]. Перевод: *Облаченный в бежевый костюм, весь мокрый от пота, он, как гигантская жаба, восседал на самом почетном месте* [Эрих Мария Ремарк. Обетованная земля (Д. Трубчанинов, В. Позняк, 2007)].

Er trug einen dunkelblauen Anzug mit weißem Hemd und eine leuchtend rote Krawatte. [Hettche, Thomas: Der Fall Arbogast, Köln: DuMont Buchverlag, 2001, S. 259]. Перевод: *Он был одет в темно-синий костюм, белую рубашку и ярко-красный галстук.*

Drei Männer entstiegen der Limousine, in verschiedenen Uniformen und schweren langen Mänteln, braun und schwarz. [Krausser, Helmut: Eros, Köln: DuMont 2006, S. 43]. Перевод: *Из лимузина вышли трое мужчин в различной форме и тяжелых длинных пальто коричневого и черного цвета.*

Зеленый цвет в репрезентации молодого человека символизирует молодость, например: *Он же им не зеленый юнец, а крутой.* Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов.

В репрезентации образа коварного мужа используется номинация синего цвет, например, синяя борода: *А ему в грудь разом хлынуло какое-то птичье попискивающее счастье, под столом он накинудся на ее коленки, и она отпихивала его руки, повторяя: — Ой, отстань, псих, истерик, синяя борода... Ты опрокинешь горшок!* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

На немецком языке: *Groß, breit, mit verwilderten Haaren und übernächtigen Zügen, stand er wie ein verlorener **Blaubart** vor dem Hintergrund seiner purpurnen Höhle und blickte der Tochter nach ...* [Langgässer, Elisabeth: Das unauslöschliche Siegel, Hamburg: Claassen 1959 [1946], S. 444]. Перевод: *Большой, широкий, с заросшими волосами и поездами, он стоял как потерянная синяя борода на фоне своей фиолетовой пещеры и посмотрел на дочь.*

Стереотипы феминности и маскулинности в художественном дискурсе актуализируются также через знаки-колоримы, которые репрезентируют палитру гендерно мотивированных стереотипных «женских» и «мужских» оттенков цветов, что позволяет отметить гендерную специфику вербализации цвета в художественном дискурсе.

ОЛЬФАКТОРНЫЕ ЗНАКИ.

Ольфакторные знаки феминности и маскулинности актуализируются в художественном дискурсе с помощью лексико-семантической репрезентации «женских» и «мужских» запахов. Как справедливо отмечает, В.И. Олянич, запах «выступает в качестве индикатора состояний и предупреждения о свойствах и поведении среды» [Олянич, 2014: 231)]. Анализ практического материала доказывает, что языковое описание ольфакторных знаков в художественном дискурсе играют большую роль в репрезентации гендерной идентичности женского и мужского персонажа.

Ольфакторные знаки феминности, т.е. знаки запахов, репрезентирующие феминную идентичность: сладкий запах, запах духов, аромат французских духов, пахнет корицей, яблоками, сахарной пудрой,

ванилью, тончайший аромат духов, легкий аромат духов, нежный аромат духов, аромат французских духов, она пахла розами, малиновый запах её губ, нежный цветочный запах ее духов, медовый запах ее волос, миндальный запах ее крема, марципаном, слоеным тестом и др.

Запах, ассоциируемый с женщиной, стереотипно *тонкий, нежный, сладкий, свежий* (*süßer Geruch, süß riechen*), например:

Женский запах, тонкий и свежий, повеял на него... [И. С. Тургенев. Дым].

На стуле уже висело ее любимое платье, и легкий шарфик в нетерпении источал нежный аромат, и светлые туфли зеркально отражали оконные блики, и даже тонкие, с едва заметным рисунком, колготки ждали момента, когда их вытащат из упаковки и натянут, чтоб придать немолодому, слабому телу обманчиво-заманчивую упругость [Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток»].

У мамы длинные чёрные волосы, и пахнет от неё чем-то сладковатым. [Р.С. Вереск. Хальмер-Ю (2014) // «Волга»].

Wie süß roch ihre Haut, so rosig weiß. [Schrott, Raoul: Tristan da Cunha oder die Hälfte der Erde; Hanser Verlag 2003, S. 482]. Перевод: *Как сладко пахла ее кожа, такая розово-белая.*

«Женским» запахом является запах лаванды (*ein Hauch von Lavendel*): *Da stand Frau Holt in der Küchentür, in einem Morgenrock von weißem Atlaskrepp, und trotz der frühen Stunde war sie sorgsam frisiert. Ein Hauch von Lavendel umgab sie. «Guten Morgen, Werner», sagte sie freundlich.* [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr (1963)]. Перевод: *В дверях возникла фрау Хольт в утреннем халате из белого атласного крепа, тщательно причесанная, несмотря на ранний час. От нее пахло лавандой. — С добрым утром! — приветствовала она сына* [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (пер. В. Курелла, Р. Гальперина, 1962)].

Запах чистоты всегда ассоциируется с женщиной: *Ich setzte mich neben sie, und sie nahm meine Hand. Ich hatte ihren Geruch früher besonders geliebt. Sie*

roch immer frisch: frisch gewaschen oder nach frischer Wäsche oder nach frischem Schweiß oder frisch geliebt. [Bernhard Schlink. Der Vorleser (1995)].
Перевод: *Я подсел к ней, она взяла мою руку. Раньше я особенно любил ее запах. Она всегда пахла свежестью — это был запах чистого, только что из ванны, тела, запах свежего белья, запах свежего пота, запах любви* [Бернхард Шлинк. Чтец (пер.Б. Хлебников, 2004)].

В данном примере с помощью простого повтора прилагательного *frisch*, а также метафоры (*frisch geliebt*) актуализируется запах чистоты, ассоциируемый с женщиной.

Ольфакторным знаком фемининности или маскулинности является запах парфюма, духов или одеколона, например:

За ней пролетел шлейф духов и легкого меха светлой весенней шубы.
[Татьяна Устинова. Подруга особого назначения].

Непривычно собранная и ладная, она растаяла, оставив в кабинете тонкий аромат французских духов. [Александр Михайлов. Капкан для одинокого волка].

Я ощутил её запах – пряный восточный аромат духов: верно, что мы любим носом. [Георгий Елин. Шуточка].

Ein leichter Parfümgeruch ging von ihr aus - es war ein französisches Parfüm, das er ihr vor zwei Jahren geschenkt hatte. [Knittel, John: Via Mala, Berlin: Deutsche Buch-Gemeinschaft 1957 [1934], S. 646]. Перевод: *От неё исходил лёгкий аромат парфюма — это были французские духи, которые он подарил ей два года назад.*

Парфюм для женщины является одним из способов привлечения мужчин (*пьянящий аромат*): *Какое это было блаженство — опуститься на скамейку рядом с ней, видеть в этой сказочной близости её миловидный профиль с привздернутым носом, длинной шейкой и вдыхать, вдыхать аромат её духов, тем более пьянящий, что я тогда и потом ещё долгое время принимал его за натуральный запах её собственной цветущей юности* [Фазиль Искандер. Письмо].

На немецком языке:

Sie roch wie eine ganze Parfümerie, als sie hinausrauschte. Erich Maria Remarque. Drei Kameraden (1936). Перевод: *Когда она прошла мимо меня, шуриша платьем, от нее пахло, как от целого парфюмерного магазина.* [Эрих Мария Ремарк. Три товарища (пер. И. М. Шрайбер, 1981)].

Lisa huschte ins Bad, zog sich einen Strich um die Augen, tupfte etwas Parfüm an den Hals, ordnete die Haare, zupfte ihr T-Shirt zurecht und öffnete einen Knopf mehr. [Jentzsch, Kerstin: Seit die Götter ratlos sind, München: Heyne 1999 [1994], S. 264]. Перевод: *Лиза поспешила в ванную, подвела глаза, нанесла духи на шею, привела в порядок волосы, поправила футболку и расстегнула еще одну пуговицу.*

Аромат духов может указывать на статус женщины (*тонкий, дорогой, Chanel No. 5, Wolken teuren Parfüms*):

И — от нее пахло другими духами, тонкими, аромат, которого он никогда прежде не слышал, но едва вдохнул, знал, что дорогими [Анатолий Найман. Все и каждый // «Октябрь», 2003].

Sonja duftet dezent nach Chanel No. 5 und will auch alles hören, aber als sie merkt, dass Katharina nicht mehr darüber reden will, lässt sie sie gleich in Ruhe und sagt nur: Sieh zu, dass du so schnell wie möglich aus dieser Praxis rauskommst! Dölling, Beate: Hör auf zu trommeln, Herz, Weinheim: Beltz & Gelberg 2003, S. 227 Перевод: *От Сони тонко пахнет Chanel No. 5 и хочет все услышать, но когда она замечает, что Катарина больше не хочет об этом говорить, она оставляет ее в покое и просто говорит: «Убедись, что ты как можно быстрее прекратишь эту практику!»*

Es waren auch Frauen mit Kindern an Bord. Ihren Reichtum signalisierten goldene Armbanduhren, die feinen Stoffe ihrer Kostüme und Wolken teuren Parfüms. [Jentzsch, Kerstin: Ankunft der Pandora, München: Heyne 1997 [1996], S. 222]. Перевод: *На борту также находились женщины с детьми. Об их богатстве свидетельствовали золотые наручные часы, изысканные ткани костюмов и облака дорогих духов.*

Ольфакторные знаки репрезентируют в художественном дискурсе «женские» занятия и место локации: кухня – выпечка, ванная – стиральный порошок, например:

Вздыхает и томится на противне выпечка, — пахнет корицей, яблоками, сахарной пудрой, ванилью, марципаном, слоеным тестом, пропитанным медом и орехами, — пышет жаром и спокойствием. [К. В. Арутюнова. У камней есть время (2013) // «Волга»].

Но она была так свежа, что, казалось, от нее пахнет арбузом или парным молоком [А. И. Куприн. Мелюзга].

Стешей от нее пахнет, как в ее деревянном сундуке, когда она крышку поднимает: ситцем и яблоками. [В. Б. Шкловский. Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза].

*От нее пахло стиральным порошком и шампунем **Head and Shoulders**.* [А. А. Старобинец. Семья].

Запах может сигнализировать о работе, о времяпровождении женщины (*der Duft des Tages und der Arbeit, Kernseife und Bohnerwachs*):

*Rücken und Arme hatten keinen besonderen Geruch, rochen nach nichts und rochen doch nach ihr, und in den Handflächen war **der Duft des Tages und der Arbeit**: die Druckerschwärze der Fahrscheine, das Metall der Zange, Zwiebel oder Fisch oder gebratenes Fett, Waschlauge oder Bügelhitze.* [Bernhard Schlink. Der Vorleser (1995)]. Перевод: У рук и спины не было своего запаха, они пахли ничем, и все же это был ее запах; ладони же сохраняли запах прошедшего дня и работы — они пахли типографской краской трамвайных билетов, металлом компостера, луком, рыбой или жареным мясом, стиркой или утюгом [Бернхард Шлинк. Чтец (пер. Б. Хлебников, 2004)].

Plötzlich schrie sie Holt wieder an, nahe an ihn herantretend, und sie roch nach Kernseife und Bohnerwachs [Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr (1963)]. Перевод: Она снова принялась орать и наступать на Хольта, и он почувствовал запах ядрового мыла и воска для

натирки полов, которым она была пропитана [Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (пер. Е. Закс и Н. Ман, 1964)].

Ольфакторные знаки маскулинности, т.е. знаки запахов, репрезентирующие маскулинную идентичность. Ольфакторные знаки маскулинности в художественном дискурсе актуализируют предпочтения, род деятельности и занятий и др. мужчины: *мягкий аромат табака, запах бензина, сказочный аромат табака, аромат одеколona «Шипр», запах его сигарет, резкий запах его пота, терпкий запах гимнастерки, запах пива* и др.

Мужскими запахами являются запах сигарет, лосьона после бритья и алкоголя:

Der Mann neben ihm roch nach Zigaretten, Rasierwasser, Alkohol und Pfefferminz. [Schulze, Ingo: Neue Leben, Berlin: Berlin Verlag 2005, S. 752].
Перевод: *Мужчина рядом с ним пах сигаретами, лосьоном после бритья, алкоголем и мятой.*

Je näher ich seiner sogenannten Junggesellenbude kam, desto stärker roch es nach billigem Rasierwasser, hochprozentigem Fusel und Zigarettenqualm. [Düffel, John von: Vom Wasser, München: dtv 2006, S. 261]. Перевод: *Чем ближе я подходил к его так называемому холостяцкому жилищу, тем сильнее пахло дешевым лосьоном после бритья, крепким алкоголем и сигаретным дымом.*

Рассмотрим ольфакторные знаки маскулинности. Настоящий мужчина должен пахнуть табаком и мускусом:

Возможно, впервые в своей жизни этот рафинированный московский абориген издавал запахи попавшего в беду взрослого мужчины — не антибактериальным мылом пахло от его тела, не одеколончиками и лосьонами, а табаком и мускусом. [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет].

В данном примере использование ольфакторной лексики *табак и мускус* в сочетании с противопоставлением *рафинированный московский абориген — взрослый мужчина* позволяет представить образ настоящего мужчины.

Запах табака как знак маскулинности:

Она чувствовала на себе его дыхание, мужской табачный запах, и от холодного солнца слепящего, от солёного ветра, от блеска моря у неё слегка кружилась голова. [Г.Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном].

Вечером над столом струился ароматный табачный дым, и дядя Леша, потерявший в Афгане ногу, ловко вырывал у воблы спинку, разделял ее на янтарные полоски и угощал малышню. [Денис Тихий. Умляуты // «Сибирские огни», 2013].

От Акима Ильича по-хозяйски пахло махоркой, картофельной шелухой и хромовыми сапогами [Юрий Коваль. Картофельная собака].

*Das Zimmer ihres Vaters riecht noch immer nach **Tabak**, obgleich seit einiger Zeit niemand mehr dort geraucht hat. [Erpenbeck, Jenny: Wörterbuch, Frankfurt am Main: Eichborn Verlag 2004, S. 113]. Перевод: Комната её отца всё ещё пахнет табаком, хотя уже некоторое время там никто не курит.*

Запах алкоголя как знак маскулинности:

Если менты спрашивать будут, говори: оступилась, упала, башкой стукнулась, — говорил парень, наклонясь над изголовьем. От него пахло пивом и табаком. Лера с ужасом смотрела в его холодные, немигающие глаза, тошнота подступала к горлу. [Андрей Житков. Супермаркет (2000)].

На пристани покачиваются судна и лодки, — это мир рыболовных крючков, сетей, чешуи, — очень конкретный и очень мужской, — здесь пахнет ракией и водорослями, слышна негромкая речь. [К. В. Арутюнова. У камней есть время (2013) // «Волга»].

*Seine Brust ist nass und riecht nach **Bier**. [Dölling, Beate: Hör auf zu trommeln, Herz, Weinheim: Beltz & Gelberg 2003, S. 204]. Перевод: Грудь его мокрая и пахнет пивом.*

Запах автомобиля и бензина как знак маскулинности:

Она вздыхает и на вдохе ощущает: рубашка его пахнет бензином, и запах этот ей сладок: так пахнут настоящие мужчины. [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя»].

«Großartig», sagte er. Die Hose roch nach Benzin; aber er sagte nichts darüber. Rasch zog er sich um. [Erich Maria Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben* (1954)]. Перевод: – *Отлично, – сказал он. Брюки пахли бензином, но он промолчал. Быстро переоделся.* [Эрих Мария Ремарк. *Время жить и время умирать* (пер. Н.Н. Федорова, 2017)].

Ольфакторные знаки маскулинности актуализируют в художественном дискурсе род занятий и место локации мужчин:

От него всегда пахло машинным маслом и деревянной стружкой. [Егор Куликов. *Бельчонок* // «Дальний Восток», 2019].

Запах «волги» не спутаю с запахом «копейки», помню всю палитру выхлопов — от зудящего «ЗИЛа» до тарахтящей «инвалидки», помню бензomасляный аромат мотора, доносившийся от раскаленных цилиндров мотоцикла (присесть на корточки, обжечь любопытные пальцы о ребра радиатора). [Александр Иличевский. *Перс* (2009)].

Запах может актуализовать социальный статус мужчины:

Гуталиновые гренадерские усы, переходящие в бакенбарды. Аромат дорогой сигары. Массивный перстень с вензелем университета, а возможно, и военного училища. [Валериан Скворцов. *Сингапурский квартет* (2001)].

Хмурая, как будто спросонья, физиономия Шувалова скоро сделалась личиной «настоящего мужчины» — ленивого, пресыщенного, утомленного победами обладателя сверхмощных спортивных машин и длинноногих красавиц, такого бесстрастного самурая с неизменным благоуханием «Baldessarini» от «Хьюго Босс». [С. А. Самсонов. *Ноги*].

Таким образом, ольфакторная лексика, т.е. лексика, репрезентирующая запахи, является средством репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе.

Невербальные семиотические знаки фемининности объективируют стереотипные качества и характеристики женщины:

- **эмоциональность, театральность:**

✓ знаки-кинемы (*закатила глаза, закусила губу, надула губки, заламывала руки, всплеснула руками, заливаясь свекольно-ярким румянцем, топала ногами, schmachtenden Blick schenken, machte Mündchen, streicht sich kokett mit Daumen und Zeigefinger übers Kinn, leise Röte das schöne Antlitz färbte* и др.);

✓ знаки-просодемы (*взвизгнула, повизгивала, рыдала навзрыд, притворно ахнула, sie kreischte, heulen*);

✓ ольфакторные знаки (*пряный восточный аромат духов, ein Hauch von Lavendel*);

✓ знаки-процессивы (*poetisches Geplauder, las französische Romane*;

✓ гастические знаки (*беря ломтики изящно, двумя пальчиками, жеманно отставив мизинец, откусывала от краешка бутерброда, aß mit abgespreizten Fingern*);

• **кокетство, обольщение противоположного пола:**

✓ знаки-кинемы (*бросали томные взгляды, игриво подмигнула, кокетливо облизывать верхнюю губу, leckt sie sich, durchaus kokett, über die Oberlippe*);

✓ проксемические знаки (*вильнула бедрами, игриво подмигнула, вихляющей походкой супермодели, дразнящей танцующей походкой, schwenkte ihren Hintern als Dirne*);

✓ знаки-просодемы (*мурлыкала, ворковать, капризно протянула она, сладко пропела, промурлыкала, преувеличенно нежно щебеча в ушко, кокетливо щебетала, flöten, säuselte sie vom Bett her, säuselt eine warme Frauenstimme, turteln, schnurren*);

✓ знаки-фэшионимы (*преувеличенное декольте, обтягивающая блузка, мини юбка, яркая юбка выше коленок, черные чулки в сеточку, каблуки, помада, сапоги - чулки, яркая юбка выше коленок, преувеличенное декольте, ящерицу-тату в зоне бикини, Strümpfe, das Rouge des Mundes, auf hohen Absätzen, tiefe Dekolletés, ausgeschnittenes Damenkleid, Korsett, in geschnürten Miedern und Schnepptailen, Puderdose, Nagellack, Lippenstift, Haarnadeln*);

✓ ольфакторные знаки (*шлейф духов, тонкий аромат французских духов, sie roch wie eine ganze Parfümerie*);

✓ знаки-колоронимы (*ярко-лиловые ногти, легчайший розовый шелк, ein feuerrotes Kostüm, ein Morgenrock aus lachsfarbener französischer Seide, schminkte die Lippen karminrot*);

✓ гастические знаки (*осторожно, по одной, она ела землянику, откусывала маленькими кусочками, кокетливо брала в рот маленькие кусочки пирожного, и бутылку белого французского, Süßes, Wein, Baileys, Eierlikör, die süßen, bitteren Amaretti*);

- **БОЛТЛИВОСТЬ:**

✓ знаки-процессивы (*висела на телефоне, телефонный треп, Geheimnisse ausplaudern, schwatzten zwei Freundinnen mit Turmfrisuren über Supermarktsortimente*);

- знаки-просодемы (*тарахтеть, кудахтать, протрещала она, без умолку трещавшая по телефону, zwitschern, wirbeln, munkeln*).

- **ЗАБОТЛИВОСТЬ, ХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ:**

✓ ольфакторные знаки (*пахнет корицей, яблоками, сахарной пудрой, ванилью, марципаном, слоеным тестом, пропитанным медом и орехами, от нее пахнет арбузом или парным молоком, стиральным порошком, ситцем и яблоками, der Duft des Tages und der Arbeit: Zwiebel oder Fisch oder gebratenes Fett, Waschlauge oder Bügelhitz*);

✓ знаки-процессивы (*готовить, обстирывать, шить и ходить по магазинам, хлопотать, schrubbte, putzte, wusch, kochte, nähte, fütterte die Hühner, strickte und stopfte, im Garten arbeiten, kümmerte sich um Enkel*);

- **СЛАБОСТЬ, БЕЗЗАЩИТНОСТЬ:**

✓ проксемические знаки (*легла, свернувшись калачиком, подтянув под себя ножки, sich zusammengerollt, saß zusammengekauert*);

- знаки-просодемы (*робко сказала, заревела, взвыла, дрожащим голосом вымолвила, murmelte sie, heulen*);

- **ЗАБОТА О ВНЕШНЕЙ КРАСОТЕ:**

✓ проксемические знаки (*сделать шоппинг, йогу, массаж, шейпинг, иглоукалывание для снижения аппетита, красит ногти, strenge Diät, in die Läden rasen, erbarmungslos auf Fitness gesetzt haben, sich frisieren, maniküren und schminken*);

✓ гастические знаки (*овощной салатик, не сильно обремененный калориями, овощи, фрукты, рыба, йогурты, Vegetarisches, Milchspeisen, Joghurt auf ihr Müsli, Cornflakes, Äpfel, Orangen*);

✓ знаки-фэшционимы (*в мягком кашемировом костюме «Шанель» цвета электрик, тонкие кружева, палантин из драгоценной шиншиллы, бриллиантовое кольцо, Perlenkette, Schuhe aus Krokodilleder, samtiger Reifrock, ein Ring mit einem Diamanten von ungewöhnlicher Größe, die feinen Stoffe ihrer Kostüme*);

✓ ольфакторные знаки (*надушилась «Нина Риччи», манящий запах, французские духи, duftet dezent nach Chanel No. 5, Wolken teuren Parfüms*).

Невербальные семиотические знаки маскулинности объективируют стереотипные качества и характеристики мужчины:

- **уверенность в себе, самодовольство, доминирование:**

✓ знаки-кинемы (*ковырял в зубах, надутые щёки, ухмыляется мужчина, sah jedem so gerade ins Gesicht*);

✓ проксемические знаки (*сидел на стуле важно, развалившись, широко расставив ноги, мощно и тяжело ступая, er stand breitbeinig, mit festem, sicherem Schritt, gleitender, federnder, brutaler Gang*);

✓ гастические знаки (*поглощал свое мясо, проглотил бифштекс с кровью, ел со сковороды, мясо, водка, жирный пирожок с луком, селедка, тарелка жареной картошки со свиной, рюмка водки, текила, горилка, eiskaltes Bier, Schnitzel mit Salat, ein großes, blutiges Beefsteak, Schnaps, Whisky, Cognac, Wodka, goß das Bier in die Kehle, das Fett von den Lippen übers Kinn lief*);

✓ ольфакторные знаки (*благоуханием «Baldessarini» от «Хьюго Босс», бензо-масляный аромат мотора пахнет ракушей и водорослями,*

ароматный табачный дым, мужской табачный запах, табаком и мускусом, roch nach Benzin, nach Tabak, Rasierwasser, und Zigarettenqualm, roch nach Zigaretten, Rasierwasser, Alkohol und Pfefferminz);

✓ *знаки-фэшционимы (шляпа на затылке, приспущенный галстук, сامةц в кашемировом пальто, двухдневная щетина, сигарета в углу рта, татуировка, канадская стрижка, бритые затылки, стрижка под «полубокс», «стрелки» и «тёрки», «джипы» и «мерседесы», über und über tätowiert sein);*

✓ *знаки-процессивы (показывает пародии, травит анекдоты, рулить одной рукой, настоящие мужчины играют в хоккей, стучать нардами, Couch-Abende mit Bier, manche Schwänke und Schnurren, das kühle Fieber der Jagd, Hockey spielten, spiele Billard, eine Partie Schach spielen);*

✓ *знаки-просодемы (гремел, зазвучал вечерним колоколом, грозно прогудел его голос, его голос налил силой, brummen; er brüllte).*

- **галантность, джентльменство:**

✓ *знаки-кинемы (взявшись за руку, он ее торжественно поцеловал, открыл дверцу автомобиля, поддерживал ее за локоть, уступил место, почтительно целуя ее руку, благородно помог донести сумку, Tür aufhalten, ihre rechte Hand locker und galant an seine Lippen zu heben);*

✓ *знаки-фэшционимы (галстук-бабочка. цилиндр, трость, перстень, шляпа, фрак, кремовый двубортный костюм из тонкой фланели, бамбуковая трость с ручкой-набалдашником, замшевый жилет с перламутровыми пуговицами и бледный кашемировый галстук, gute Tweedjacke, Manschettenknöpfen, einen weiten, braunen Raglan aus Kamelhaar, Haaren in einer silbernen engen Schlaghose, in einem beigefarbenen Anzug, eine große goldene Uhr von feiner Arbeit);*

✓ *знаки-колоронимы (синий фрак с бронзовыми пуговицами, костюм цвета «кофе с молоком», Olivgrün, Anthrazit oder Blau, der grauhaarige Gentleman);*

- **грубость, агрессивность, брутальность**

✓ знаки-кинемы (*скрежетал зубами, сжимая кулаки, глаза наливаются кровью, грубо толкнул в плечо, тряхнул, грубо схватил, сплюнул сердито на сторону, gab einen brutalen Stoß, einen grimmigen Blick, sich zwischen den Zähnen herauspulen, seine Armhöhlen rieb und gähnte*);

✓ знаки-просодемы (*грубо прервал, резко перебил, рыкнул на него, ржать, гоготать, прорычал, seine Stimme klang scharf, hochachtungsvoller Ton, das rohe Gelächter, rauhe Stimme, raube Stimme, harter barscher Baß, aggressiver und ironischer Ton*);

✓ знаки-процессивы (*грубо играть в хоккей, боксировать, боксер в спарринге, гонять на машинах, boxen, Eishockey spielen, Automobilrennen*);

знаки-фэшионимы (*кожаные потертые штаны, молодец в военной форме и с кобурой на поясе, черная пистолетная рукоять — тяжелый «ТТ», стриженный наголо, кожаная куртка, спортивный костюм, тяжелые военные ботинки, модные тупоносые ботинки, тяжелые военные ботинки, bekleidet mit einer braunen Lederjacke, braune Lederjoppe, Lederjacke, Lederhosen, abgewetzte Lederhosen, englische Schnürstiefel, Cowboy-Hose*);

✓ знаки-колоронимы (*длинных пальто коричневого и черного цвета, черные брюки, Khaki der Uniformen, braun und schwarz*).

Как показал анализ практического материала, изучение невербальных знаков поведения персонажа способствуют выявлению и описанию стереотипов феминности и маскулинности в художественном дискурсе. Исследование типичных мужских и женских образов в художественном дискурсе в аспекте невербального коммуникативного поведения позволило выделить и проанализировать кластеры невербальных знаков, поддерживающих процесс языковой актуализации гендерных стереотипов феминности и маскулинности.

3.2 Прецедентное имя как семиотический знак репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе

Прецедентное имя в художественном дискурсе мы рассматриваем как семиотический знак актуализации гендерного стереотипа фемининности/маскулинности и способ репрезентации специфики этнокультурной картины мира в русской и немецкой лингвокультурах.

Прецедентное имя как способ имплицитной оценочной характеристики женского или мужского персонажа способствует формированию и актуализации гендерных стереотипов в художественном дискурсе.

Вопросы изучения особенностей функционирования прецедентных феноменов с учетом гендерного аспекта привлекают многих исследователей. Например, прецедентные антропимы как средства актуализации конструкторов «маскулинность» и «фемининность» в ходе формирования образа женщины-политика описаны в диссертационной работе Е.С. Прониной [Пронина, 2015]. Прецедентное имя как средство репрезентации гендерных стереотипов в политическом дискурсе К. Райс и И. Хакамады изучено И.С. Пирожковой [Пирожкова, 2017]. А.В. Кремнева проанализировала культурную обусловленность прецедентного имени как особого семиотического знака [Кремнева, 2019].

Как отмечает В.В. Красных, прецедентное имя – это «сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени». Актуализация прецедентного имени происходит следующим образом: 1) актуализация через характеристику по внешности, 2) через характеристику по чертам характера, 3) через прецедентную ситуацию [Красных, 2003: 199].

Прецедентные имена – это «индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами или с ситуациями, известными большинству представителей данной нации» [Маслова, 2004: 53]. Как средство репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в

художественном дискурсе прецедентные имена являются аллюзиями как «прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт» [Арнольд, 1982: 89]. Как отмечает Д.Б. Гудков, «статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу: то есть инвариантное представление обозначаемого, или «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного общества. Они связаны или с широко известным текстом, или с ситуацией, известной носителям языка и выступающей как прецедентная [Гудков, 1999: 71].

Мы придерживаемся определения прецедентного имени Е.Н. Лучинской и Б.С. Кабаньян, которые определяют прецедентное имя как «сложный семиотический знак; это имя реального лица или персонажа произведения, которое используется в тексте часто метафорически, репрезентируя определенный признак прецедентного имени [Лучинская, Кабаньян, 2017: 113].

Прецедентные имена в художественном дискурсе репрезентируют гендерно обусловленные стереотипные поведенческие паттерны женщин и мужчин: физиологические, внешностные, психические и поведенческие характеристики женщины и мужчины. Например:

Bis ich so schön wie Apollo, so gütig wie Jesus Christus, so weise wie Bismarck und so reich wie Vanderbilt sein werde! Altenberg, Peter: Was der Tag mir zuträgt. In: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1901], S. 541 Перевод: *Пока я не стану таким же красивым как Аполлон, таким же добрым, как Иисус Христос, таким же мудрым, как Бисмарк, и таким же богатым как Вандербильдт!*

Мужская красота *schön wie Apollo*; мужская добросердечность: *gütig wie Jesus Christus*; мудрость: *weise wie Bismarck*; успешность и богатство: *reich wie Vanderbilt*. Аполлон – это символ мужской физической красоты, Иисус Христос является олицетворением доброты, Отто фон Бисмарк, первый канцлер Германии, олицетворяет ум и мудрость, а имя Корнелиуса

Вандербильта, богатейшего и успешнейшего предпринимателя США XIX века, является символом богатства и успеха. Таким образом, реализуются качества идеального мужчины: красота, ум, доброта и богатство.

Прецедентное имя в художественном дискурсе метафорически репрезентирует стереотипные характеристики и качества, присущие женщинам и мужчинам (*Геркулес, Джеймс Бонд, Мальвина, Клеопатра* и др.). Например:

Ленька вкусно храпел, широкогрудый, мускулистый, как Геркулес в Пушкинском музее [А. Кузнецов. Продолжение легенды. Записки молодого человека].

... завершила Люсенька и, встав из-за стола, продемонстрировала свои роскошные формы. — Н-да, куколка, Мальвина... — глядя на неё, пробормотал Валентин Алексеевич. [А. Мацанов. Мастер и подмастерье].

Приведем пример на немецком языке:

*Christian nämlich war von großer, breiter, muskelstarker Gestalt, hatte sich als Jüngling bei Turnieren ausgezeichnet und pflegte sich von den Bildhauern als **Herkules** darstellen zu lassen; aber das übermäßige Trinken hatte ihn aufgeschwemmt und zu einer trägen, unförmigen Masse gemacht, so daß es nicht leicht war, ihn seinem alten Ruhme gemäß eindrucksvoll zu verwenden* [Huch, Ricarda: Der Dreißigjährige Krieg, Wiesbaden: Insel-Verl. 1958 [1914], S. 124].

Перевод: *Ибо Христиан был высокого, широкоплечего, мускулистого телосложения, в юношестве отличился на турнирах и привык, чтобы скульпторы изображали его Геркулесом; но чрезмерное употребление алкоголя сделало его раздутым, вялым и деформированным, так что было нелегко найти ему впечатляющее применение в его былой славе.*

Внешностные характеристики женщины или мужчины вербализуются с помощью прецедентных имен, актуализирующих черты лица (*рубенсовская женщина, брежневские брови* и др.). Например:

Морщился гармошкой высокий лоб, дёргались брежневские брови, а правый глаз постоянно подмигивал [А. Мацанов. В следующем году в Одессе!].

В данном примере идет отсылка к историческому имени Л. Брежневу. Сочетание *брежневские брови* обозначает чрезмерно густые брови как у Л.Брежнева.

Также: *Смугловатое лицо, ореховый цвет глаз, орлиный нос, черные буденовские усы...* [Д. Каралис. Записки ретро-разведчика].

Словосочетание *буденовские усы* в данном случае обозначает «густые, длинные усы». Густые и длинные, закрывающие всю верхнюю губу, усы, были яркой частью образа легендарного советского маршала Семена Буденного.

*Наоборот, это был еще очень крепкий, жилистый мужчина, лет сорока пяти, с великолепными **ибсеновскими бакенбардами** и очень неподвижным, холеным лицом* [Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом].

В данном случае имеются ввиду густые пышные бакенбарды как у Ибсена, известного норвежского драматурга Ибсена Генрика.

Интересными представляются прецедентные имена, репрезентирующие стереотипы женской красоты (*пухлые губы, маленькие ушики, миндалевидные глаза, высокая упругая грудь, длинные ноги*). Например:

*Даже если бы сейчас из ванной комнаты, призывно улыбаясь, вышла бы совсем нагая **Анжелина Дžoли**, Бибииков, искоса поглядывая на неё, допел бы начатую песню до конца.* [Олег Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI // «Ковчег», 2012].

*Мартын на переднем краю исполинской борьбы за всеобщее соответствие идеалу — стандарту вечно юной стройной девушки с длинными навощенными ногами, стиральной доской живота, высокой и упругой грудью и, наконец, лицом, где эротический соблазн математически сосчитан и вычерчен как по лекалам (от точки смыкания губ **Анджелины Дžoли** до пика подбородка **Сальмы Хайек**, от козелка **Скарлетт***

Йоханссон до нижнеглазничного края Миллы Йовович) [Самсонов Сергей Анатольевич > Кислородный предел].

В данных примерах для репрезентации типично фемининных характеристик внешности используются имена известных актрис и супермоделей мирового уровня Анжелины Джоли, Сальмы Хайек, Скарлетт Йоханссон и Миллы Йовович.

Внешность известного голливудского актера Марлона Брандо является эталоном мужественности, сексуальности и мужской красоты (*скуластый мачо*): *Нечеловечески красивая Лида в чёрно-белом сарафане в горюх стоит в тени скуластого мачо, ранней копии Марлона Брандо, позирующего по какому-то спортивному поводу в семейных трусах и майке* [Игорь Сахновский. Заговор ангелов (2009)].

Прецедентные имена выступают средством репрезентации возраста женщины. Наблюдается высокая частность использования сочетания «женщина бальзаковского возраста», обозначающего зрелую женщину. Известно, что во времена Бальзака женщина после 30 лет считалась пожилой. В настоящее время «бальзаковский возраст» женщины определяется от 40 до 55 лет. Например:

В самозабвенном трепе дамочек бальзаковского возраста он как в теплой ванне одиночества [Владимир Кузнецов. Часовой].

Это была женщина на исходе бальзаковского возраста, крупная, затаенная, двигающаяся осторожно, находящаяся в стадии борьбы со своими формами, выпирающими как тесто из квашонки, с загрубевшей темной кожей на лице и жестким голосом [Валентин Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана (2003) // «Наш современник»].

В художественном дискурсе выражение «бальзаковский возраст» относительно женщины объективирует следующие характеристики: зрелость, опытность, одиночество, кризис среднего возраста.

Прецедентные имена выступают средством репрезентации образа женщины с пышными формами, например:

Среди складок белых простынь, подобным складкам, в которых умирал Цезарь, спит, тихо похрапывая, рубенсовская женщина Анна [Э. Лимонов. Молодой негодяй].

В данном случае употребляется сочетание *рубенсовская женщина*. Это идет отсылка к имени известного фламандского художника Питера Пауля Рубенса, который писал пышнотелых женщин эпохи Возрождения.

Золотисто-каштановые волосы «тициановских» женщин ассоциируются с женской красотой: *Mit ihrer Haut wie Weißbrot und den Haaren, rot wie auf Tizians Bildern.* [Kuckart, Judith: Lenas Liebe, Köln: DuMont Literatur und Kunst Verlag 2002, S. 104]. Перевод: *Ее кожа белая как хлеб, и волосы рыжие как на картинах Тициана.*

Длинные волосы как знак фемининности ассоциируются с именем Рапунцель, героини сказок братьев Гримм, у которой были длинные золотые волосы:

Ob du eine flotte kurze Frisur hast oder das Haar so lang wie Rapunzel trägst, wenn die Haare fettig und strähnig sind, wirkt das ungepflegt. [Braun, Anne u. Nell, Edith: Man muß sich nur zu helfen wissen, Leipzig: Verl. für die Frau 1971, S. 77]. Перевод: *Независимо от того, носите ли вы яркую короткую прическу или длинные волосы, как у Рапунцель, если ваши волосы жирные и жесткие, они выглядят неопрятными.*

С образом Белоснежки ассоциируется бледность кожи и нежность, например:

Bleich und schön wie Schneewittchen würde ich auf meinem Bett liegen, das Haar auf dem Kissen ausgebreitet. [Kerstin Gier. Smaragdgrün]. Перевод: *Бледная и красивая, как Белоснежка, я буду лежать на своей кровати, раскидав волосы по подушке* [пер. С. Вольштейн].

Ich sah so wunderschön und leblos aus wie Schneewittchen. [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 20]. Перевод: *Я выглядела такой же красивой и безжизненной, как Белоснежка.*

Маленькая, изящная и слабая женщина в художественном дискурсе описывается с помощью употребления прецедентного имени «Дюймовочка»:

Она грациозна, говорит тетя Муза, легонькая, как пух, говорит ее муж, она способная и очень работающая, скромно добавляет тетя Леля, а ведь не хотели сразу принимать, вставляет хозяйка, как прекрасно, что в этот день они об этом самом будущем, в котором и зависть, и неудачные браки, и актерский невроз, и ранний маразм, ничего-ничего не знают, — пусть дюймовочка пока стоит себе на пуантах с надутыми губками и высокомерно нахмуренным лобиком. [Николай Климонтович. Фотографирование и прочие Игры (1988-1990)].

Мне нужна девушка тихая, скромная, как Дюймовочка, чтобы три зернышка в день и наперсточек водички, а ты, Арутюновна, обжора и... [Екатерина Завершнева. Высотка].

В данных примерах эксплицируются такие характеристики женщины как миниатюрность, изящность фигуры, маленький рост женщины, которые считаются женственными.

Привлекательный, атлетически сложенный мужчина ассоциируется с именами древнегреческих богов Аполлона и Адониса (*schön wie Apoll*), например:

А сейчас я видела юношу, которому мог позавидовать Адонис или сам Аполлон [Н. Нестерова. Избранник Евы].

Nun, sehr einfach, ein junger Vetter zwischen 20 und 30, dem schwachen Geschlecht und galanten Abenteuern nicht abgeneigt, dabei schön wie Apoll und unverdorben, kurz, die Wahl fiel auf mich. [Loriot [d.i. Vicco von Bülow]: Sehr verehrte Damen und Herren ..., Zürich: Diogenes 1993, S. 20]. Перевод: Ну очень просто, молодой кузен лет 20-30, не прочь слабого пола и галантных приключений, красивый как Аполлон, и неиспорченный, короче, выбор пал на меня.

Эталон женской и мужской красоты репрезентируется с помощью следующих прецедентных имен: *Клеопатра, Софи Лорен, Мэрилин Монро, Апполон, Адонис, Ален Делон, Джеймс Бонд* и др.

Женская красота, горделивая осанка и величавость ассоциируются с именами цариц Тамары и Клеопатры, например:

И познакомился я, братцы, в медсанбате с одной женщиной — фигурка, грудки, ножки, задумчивые глазки, скажу вам, как небесный ангел, а по внешности — царица Тамара. [Юрий Бондарев. Берег (1975)].

Склепова полулежала на кожаном диване, томно раскинувшись, как царица Клеопатра [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)].

Имя известной американской актрисы 20 века Мэрилин Монро является эталоном женской сексуальности:

То есть талия на три сантиметра тоньше, чем у Мэрилин Монро [П.Акимов. Плата за страх].

Символом женственности и сексуальности является Софи Лорен: *(тетю Соню запомнила смутно: броская, напыщенная, авиапарад и тетя Соня в огромной белой шляпе, особняком среди великосветских дам, яркая, как Софи Лорен): Я помню немного, пятнами* [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)].

Мужественность репрезентируется с помощью прецедентного имени *Джеймс Бонд*:

Выпрямился, расправил плечи. — Джеймс Бонд! — ахнула Таня. [Юрий Нагибин. Другая жизнь (1990-1995)].

Сексуальность ассоциируется с именем американского актера Кевина Костнера:

Er riecht sogar nach Rasierwasser, rosig-herb, obwohl er sich nicht täglich rasiert, denn sonst hätte er nicht so einen sexy »Drei-Tage-Bart« wie Kevin Costner [Dölling, Beate: Hör auf zu trommeln, Herz, Weinheim: Beltz & Gelberg 2003, S. 154]. Перевод: *От него даже пахнет лосьоном после бритья, хотя он и не*

бреется каждый день, иначе у него не было бы такой сексуальной «трехдневной щетины», как у Кевина Костнера.

А имя знаменитого французского киноактера Алена Делона стало нарицательными по отношению к идеалу мужской красоты, например:

Странно, конечно, что, имея довольно большой выбор, Катя остановилась на парне не своего круга, но, с другой стороны, может, он хорош собой, как молодой Ален Делон? [Д. Донцова. Доллары царя Гороха].

Рассмотрим прецедентные имена, репрезентирующие в художественном дискурсе фемининные и маскулинные поведенческие, эмоционально-психологические особенности.

Способности женщины привлечь к себе внимание и задержать его только на себе каким-то экстравагантным поступком актуализируется употреблением прецедентного имени «красный платок Джулии»:

Тамирино красное платье, как красный платок Джулии из романа Мозма, убило жемчужно-серую соперницу, все взгляды были прикованы к ней, Людмила жалась в стороне, разыгрывая безразличие. [Александр Мардань. Тайна на троих // «Дальний Восток», 2019].

В данном примере аллюзия на персонажа романа С. Мозма «Театр» Джулию Ламберт, которая своей находчивостью (достала красный платок) на сцене победила соперницу.

Сексуальность, некоторая развратность женщины связаны с именем *Лолиты* — героини романа В.Набокова, например:

В стильных рваных джинсах и пестром полупрозрачном топике она выглядела весьма соблазнительно — такая Лолита, смесь порока и невинности [Татьяна Тренина. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

В русской лингвокультуре образ женщины, которая много и тяжело трудится, ассоциируется с именем сказочной героини *Золушки* и именем бразильского телесериала рабыней *Изаурой*. Например:

Одна, Леля, хотела с ней подружиться (с дальним прицелом, конечно, на Владика), и Ира ей ответила, что нет, эти юбки не итальянские, сама себе

она как бы шьет по выкройкам, а потом из разговора выяснилось, что Ира живет без мамы, у мамы новый муж, ха-ха, Иру отселили к бабушке, а та больная, и Ира все делает, готовит, стирает: **Золушка!** [Са и Со // «Домовой»].

Третий день уже. Как рабыня Изаура. — Долларов за сто, наверное? [А.Житков. Супермаркет].

Женская заботливость, доброта и бескорыстность ассоциируются с именем матери Терезы, например:

Мать Тереза ты наша, умница, доброе сердце. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].

Слабость для женщины в современном мире представляется недостатком, а не достоинством: *Маленькая Белоснежка на поверку оказалась вовсе не такой хрупкой и беззащитной* [Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)]. Имя персонажа сказки братьев Гримм «Белоснежка» как прецедентное имя ассоциируется с хрупкостью и слабостью. В данном примере образ женщины репрезентируется на противопоставлении «не такой хрупкой и беззащитной».

Литература является источником прецедентных имен. Например, имена *Татьяна Ларина* и *Анна Каренина*, известные персонажи романов А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, как олицетворение двух типов женщин в русской лингвокультуре.

Анна Каренина – символ любви и измены:

Но я жить во лжи не хочу. Как Анна Каренина. О, эту книгу я давно прочитала по настоянию бабушки [Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998-2007) // «Зарубежные записки», 2009].

Татьяны Ларина – символ искренности и верности:

Расписывать свои переживания в связи с моим романом не стану — тоже еще, Татьяна Ларина тридцати восьми лет от роду! [Нина Катерли. На два голоса // «Звезда», 2003].

В данном примере автор иронично характеризует свою героиню, сравнивая тридцативосьмилетнюю женщину с Татьяной Лариной, символом невинности, нежности, неопытности, верности и силы духа.

Фразеологизм «тургеневская барышня» – это обобщённый образ героинь произведений И.С. Тургенева, используется в значении «романтическая девушка» для обозначения слабой, хрупкой, неприспособленной к жизни женщины.

Техника, правда, переворачивает мир и человека, но куда? –... Наверно, я слабачка, тургеневская барышня, анахронизм. – Нет, не так. [А. В. Кузнецов. Огонь // «Юность» № 3-4. 1969].

Приведенный пример показывает, что такой тип женщин, слабых и женственных, воспринимается уже старомодным, т.е. фемининные качества претерпевают изменения.

Прецедентное имя *Отелло* употребляется для актуализации такого качества как ревность, которая может быть женской и мужской, например:

*– За версту видно, как она ревнует. Прямо **Отелло в женском обличье**. Я как-то позвонила к вам домой* [Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии (1996-1998)].

Способность мужчины к большим победам связан с именем *Наполена Бонапарта*: *– Мадам, – сказал Марат, стараясь чаще показывать ей свой энергичный профиль, – в любви я Наполеон!* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)].

В русской лингвокультуре образ актера Владимира Машкова ассоциируется с мужественностью:

*– А он тоже **мужественный**, но... – Она мучительно подбирала слова: – Он – как смесь между тобой и **Машковым*** [Григорий Пашковский. А потом пошел снег // «Октябрь», 2013].

Образ мужчины мечтателя, верящего в рыцарские идеалы, наивного и немного сумасшедшего, связывается с именем героя романа Мигеля

Сервантеса – рыцарем Дон Кихотом. Приведем примеры использования данного прецедентного имени:

*Лина против своей воли улыбнулась, представив, как воинственный Плюсик пробивается сквозь пост охраны на въезде. Прямо **Дон Кихот** с мельницами! И ведь раздобыл же номер ее домашнего телефона – у Лариски, наверное [М. Полетика. Однажды была осень].*

*Наивный рыцарь **Дон Кихот**, я никогда не буду ему звонить [Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии (1996-1998)].*

*Wenn man Ihnen folgte, würde bald niemand mehr Bilder kaufen. **Sie sind der Don Quixote der Zunft.** [Erich Maria Remarque. Das gelobte Land (1965-1970)].*
Перевод: *Если следовать вашим идеям, то все вскоре перестанут покупать картины. Вы **Дон Кихот** в своей корпорации. [Эрих Мария Ремарк «Земля обетованная» (пер. Д. Трубчанинов, В. Позняк)].*

Имена нарицательные *Дон Жуан*, *Альфонс* и *Казанова* ассоциируются с мужчинами-ловеласами, вечными любовниками. Например:

*Вы же его видели. Ну, что это — **Дон Жуан**? Наоборот, надо быть невинной девушкой или уж очень неискушенной женщиной, или, наконец, наоборот, вроде Елены Александровны с сумасшедшиной, чтоб увлечься им. [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951-1956)].*

*Пожилый человек, знаток сумеро-аккадийских письмен, не выдержал и захохотал; старичок, которого увлекала античность не своими грамматическими формулами, а своей эротикой, прыснул и закрыл лицо руками; биолог, известный **Дон-Жуан**, посмотрел иронически и поправил пробор [К. Вагинов. Козлиная песнь].*

*«Друзья, — сказал Скворцов, — вы недооцениваете человека». Перед вами **Казанова** лихареvского масштаба. Каждый вечер он бреется с риском для здоровья, надевает галстук-бабочкой системы «смерть девкам» и уходит на поиски любовных утех... [И. Грекова. На испытаниях].*

На немецком языке:

*Fritz fauchte ihn an, er solle sich nicht benehmen wie ein Seminarist, er habe eine Art **Casanova** zu spielen, einen ganz verteufelten Hecht, wenn er das besser verstehe, und Heini wurde nur noch verlegener.* [Schenzinger, Karl Aloys: Der Hitlerjunge Quex, Berlin: Zeitgeschichte-Verl. 1932 [1932], S. 260]. Перевод: *Фриц зашипел на него, что ему не следует вести себя как семинарист, что он должен играть Казанову, чертову щуку, если так понятнее, и Хейни только еще больше сконфузился.*

*Weder ist mir klar, ob er ein treuer Ehemann und guter Vater oder ein **Casanova** ist, noch erfahren wir viel über sein Privatleben.* [Noll, Ingrid: Ladylike, Zürich: Diogenes 2006, S. 127]. Перевод: *Мне неясно, верный ли он муж и хороший отец или Казанова, и мы мало что знаем о его личной жизни.*

*Nur aus seiner dummen Frechheit schöpft er die Kraft, **ein sieghafter Don Juan zu bleiben!*** [Altenberg, Peter: Pròdromos. In: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1906], S. 1030]. Перевод: *Только в своей глупой наглости черпает он силы оставаться победоносным **Дон Жуаном!***

Отрицательный образ мужчины репрезентируется использованием прецедентного имени «Альфонс», например:

*Da ему нужна не абы какая, а чтобы и богатая, и с квартирой, и чтобы ему трусы покупала. **Альфонс** он. Видеть не могу его больше...* [Маша Трауб. Ласточ...ка (2012)].

Альфонс – это мужчина, внешне привлекательный, который живет за счет женщины, т.е. на содержании у любовницы. Имя героя пьесы писателя Дюма-сына «Господин Альфонс».

Как показал анализ текстов русскоязычной и немецкоязычной классической и современной художественной прозы, сферами-источниками прецедентных имен как особых семиотических знаков репрезентации стереотипов феминности и маскулинности являются именам литературных персонажей, киноактеров и исторических фигур, имена собственные, связанные с древнегреческими мифами, мировой культурой.

Изучение прецедентных феноменов в художественном дискурсе, в нашей работе прецедентных имен (онимов), позволило установить и проанализировать содержание гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в русской и немецкой лингвокультурах.

ВЫВОДЫ

Исследование типичных образов мужских и женских образов в художественном дискурсе в аспекте невербального коммуникативного поведения позволило выделить и проанализировать кластеры невербальных знаков, поддерживающих процесс языковой актуализации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности.

Фемининность и маскулинность актуализируются через невербальные знаки, репрезентирующие физиологические, внешностные, психические и поведенческие характеристики женщины и мужчины (мимика, жесты, походка, позы, телодвижения, одежда, аксессуары, вещное окружение, предпочтения в пище и др.). В процессе анализа компонентов невербального коммуникативного поведения женского и мужского персонажа в художественном дискурсе были выделены и описаны следующие невербальные знаки фемининности и маскулинности: знаки-кинемы, проксемические знаки, знаки-колоронимы, знаки-процессивы, ольфакторные знаки, гастические знаки, знаки-фэшионимы, которые выражаются гендерно маркированными лексическими единицами.

Невербальные знаки фемининности объективируют гендерно обусловленные качества и характеристики женщины: эмоциональность, театральность; кокетство, обольщение противоположного пола; глупость, болтливость, заботливость, хозяйственность; слабость, беспомощность; коварство, хитрость. Невербальные знаки маскулинности объективируют гендерно обусловленные качества и характеристики мужчины: властолюбие; тщеславие; уверенность в себе, доминирование; решительность; грубость; неприхотливость.

Таким образом, через визуальные образы и поведенческие модели женского и мужского персонажа в художественном дискурсе формируются стереотипные представления о том, какими должны быть мужчины и женщины.

Прецедентное имя рассматривается как семиотический знак актуализации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе. Прецедентные имена как средство репрезентации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе выполняют характеризующую и оценочную функции. В ходе анализа особенностей функционирования прецедентных имен в художественном дискурсе мы пришли к выводу о том, что прецедентные имена выступают в роли особых лингвокультурных семиотических знаков определённой социально-культурной общности, репрезентирующих гендерные стереотипы. Сферами-источниками прецедентных имен как актуализаторов знаков фемининности и маскулинности в художественном дискурсе являются художественная литература, кино, искусство, мифология. Прецедентное имя как знак может маркировать в художественном дискурсе гендерно обусловленные поведенческие паттерны женщины или мужчины (физиологические, внешностные, психические и поведенческие характеристики женщины и мужчины).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации изучена и описана специфика языковой репрезентации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе в аспектах фреймовой семантики и невербальной семиотики.

Анализ гендерных стереотипов в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах в аспектах когнитивной лингвистики и невербальной семиотики способствовало установлению когнитивных механизмов формирования устойчивых представлений о маскулинности и фемининности в разных лингвокультурах и описанию невербальных компонентов фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в виде кластера семиотических знаков.

В ходе исследования были проанализированы примеры из художественных текстов классической и современной литературы на русском и немецком языках конца XIX – начала XXI вв. Были использованы данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ: <https://ruscorpora.ru/>) и его параллельного корпуса на немецком языке, а также корпуса немецкого языка «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (DWDS: <https://www.dwds.de/>), которые располагают художественными текстами разных жанров и разного временного отрезка.

Проведенное исследование доказывает выдвинутую гипотезу о том, что когнитивная и семиотическая репрезентация гендерных стереотипов в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах отражает устойчивые представления о маскулинности и фемининности в русском и немецком языках и лингвокультурах.

Гендерные стереотипы играют важную роль в концептуализации представлений о фемининном и маскулинном поведении, о гендерных ролях, о гендерной стратификации общества в художественном дискурсе. Особенности актуализации стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе изучается на основе анализа вербального (прямой и внутренней речи) и невербального (авторской речи) поведения женского и

мужского персонажа. В художественном дискурсе отражается культурная специфика актуализации гендерных стереотипов фемининности и маскулинности как с позиции автора, так и в представлении этносоциума.

Стереотипы маскулинности и фемининности мы рассматриваем как гендероценочные представления общества о поведении и характеристиках мужчин и женщин, отраженные в языке и формируемые в языковом сознании.

Проведенный анализ практического материала подтвердил положение о том, что категории «фемининность» и «маскулинность» формируются под воздействием гендерных стереотипов и репрезентируют представления о модели гендерного поведения мужчины и женщины в определенном социуме. Художественный дискурс, являясь реконструкцией действительности, отражает гендерные отношения и гендерную картину мира. Репрезентация стереотипов фемининности и маскулинности в художественном дискурсе способствует установлению социокультурных и лингвокультурных особенностей формирования гендерных стереотипов в русской и немецкой языковых картинах мира.

Лексикографический анализ лексем *фемининность*, *маскулинность*, *женственность*, *мужественность* в русском языке позволил сделать следующие выводы: понятия «фемининность» и «маскулинность» – это комплекс женских и мужских телесных, психических и поведенческих особенностей, которые можно определить как гендерные роли. А понятия «женственность» и «мужественность» являются категориями нравственными, которые обозначают приписываемые обществом положительные черты характера женщины и мужчины (женственная и нежная женщина; мужественный и смелый мужчина). Анализ семантико-смысловых актуализаций лексем *weiblich*, *feminin*, *Weiblichkeit* и *Femininität* показал, что семантика данных лексем содержит в себе то, что считается типично женским, отражает характеристики, присущие женщине. И соответственно, семантика слов *männlich*, *maskulin*, *Männlichkeit* и *Maskulinität* отражает типично мужские, т.е. присущие мужчине, характеристики. В большинстве случаев

лексемы *Weiblichkeit* и *Femininität*, а также *Männlichkeit* и *Maskulinität* по немецким лексикографическим источникам рассматриваются как взаимозаменяемые понятия.

Фрейдский анализ гендерных стереотипов в художественном дискурсе позволил выявить и описать стереотипные представления о семейном, социальном и профессиональном статусах женщины и мужчины, о социально-поведенческих и эмоционально-психологических моделях, ожидаемые от женщин и мужчин в зависимости от пола, обусловленные гендерными социокультурными нормами в русской и немецкой лингвокультурах.

В процессе анализ гендерных стереотипов в аспекте невербальной семиотики выявлены и описаны невербальные компоненты фемининного и маскулинного коммуникативного поведения персонажа в художественном дискурсе. Фемининность и маскулинность актуализируются через невербальные семиотические знаки, репрезентирующие физиологические, внешностные, психические и поведенческие характеристики женщины и мужчины (мимика, жесты, походка, позы, телодвижения, одежда, аксессуары, вещное окружение, предпочтения в пище и др.): знаки-кинемы, проксемические знаки, знаки-колоронимы, знаки-процессивы, ольфакторные знаки, гастические знаки, знаки-фэшионимы. Отличия в невербальном коммуникативном поведении женщин и мужчин репрезентируются в рамках оппозиций «слабость-сила», «доминирование-подчинение» «уверенность-неуверенность», «агрессия-миролюбие», «эмоциональность-сдержанность». Анализ показал, что наиболее частотными в вербализации невербальных знаков стереотипов фемининности и маскулинности являются: в русском языке: глаголы, прилагательные, атрибутивные сочетания; в немецком языке: прилагательные, прилагательные в сравнительной форме, причастия, наречия, глаголы. Знаки фемининности и маскулинности актуализируются с помощью стилистических средств: сравнения, метафоры, эпитеты, эвфемизмы.

В качестве семиотического знака фемининности и маскулинности рассмотрены прецедентные имена, которые репрезентируются

преимущественно посредством метафорического переноса. Знаки феминности и маскулинности были актуализированы прецедентными именами, которые являются именами литературных персонажей, киноактеров и исторических фигур, именами собственными, связанными с древнегреческими мифами, мировой культурой. Сферами-источниками прецедентных имен как актуализаторов знаков феминности и маскулинности в художественном дискурсе являются художественная литература, кино, искусство, мифология.

Проведенный анализ практического материала подтвердил положение о том, что образы женщины и мужчины в художественном дискурсе формируются под воздействием гендерных стереотипов и репрезентируют представления о модели феминного и маскулинного поведения. А художественный текст, являясь реконструкцией действительности, отражает существующие гендерные отношения и гендерную картину мира лингвокультуры. Гендерные стереотипы в художественном дискурсе отражают паттерны феминного и маскулинного поведения, представления о мужских и женских социальных ролях, о гендерной стратификации общества, репрезентируя в художественном дискурсе феминные или маскулинные характеристики внешности, характера, поведения, вещного окружения женского и мужского персонажа.

Синхронно-диахронный анализ художественных текстов русскоязычной и немецкоязычной современной и классической литературы, охватывающих период конца XIX - начала XXI вв. показал, что стереотипы феминности и маскулинности претерпевают изменения под влиянием навязывания новых стандартов поведения и гендерной роли женщины и мужчины.

Перспективные направления дальнейшего исследования мы видим в изучении невербальных семиотических знаков репрезентации гендерных стереотипов в других типах дискурсов, например, в политическом дискурсе, медиадискурсе, дискурсе моды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
2. Арнольд, И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83-91.
3. Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1 / сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 608 с.
4. Ароматы и запахи в культуре. Кн. 2 / сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 664 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
6. Астафурова, Т.Н. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. – Волгоград: [Нива], 2008. – 243 с.
7. Багаева, Д.Б. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д.Б. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко // Язык – сознание – коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 82-103.
8. Бадентэр, Э. Мужская сущность / Э. Бадентэр. – М.: Новости, 1995. – 304 с.
9. Барашян, В.К. Языковая репрезентация гендерных концептов: когнитивно-дискурсивный, семиотический и лингвокультурный аспекты: дис. ... канд. ... филол. наук: 10.02.19 / Барашян Валентина Карапетовна. – Майкоп, 2019. – 210 с.
10. Барт, Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.
11. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика (Курс лекций по англ. филологии) / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2000. – 123 с.

12. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев – 4-е изд., испр. и доп. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 2014. – 236 с.
13. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 480 с.
14. Борисова, Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология, лингвопоэтика, перевод: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.20 / Борисова Елена Борисовна. – Самара, 2010. – 383 с.
15. Бутенко, Е.Ю. О концептуализации и деконцептуализации понятий / Е.Ю. Бутенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7-2.(25). – С. 55-57.
16. Введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков; СПб.: ХЦГИ: Алетейя, 2001. – 708 с.
17. Верещагин, Е.М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 36-47.
18. Вилинбахова, Е.Л. Материалы к курсу лекций «Лингвистическое изучение стереотипов»: учеб.-метод. пособие / Е.Л. Вилинбахова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – 72 с.
19. Витлицкая, Е.В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: на материале англоязычных и русскоязычных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Витлицкая Елена Викторовна. – Тамбов, 2005. – 144 с.
20. Волков, И.Ф. Теория литературы / И.Ф. Волков. – М., 1995. – 256 с.
21. Володина, Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения / Н.В. Володина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 230 с.
22. Воронина, О.А. Введение в гендерные исследования: тезисное изложение лекции / О.А. Воронина // Валдай-96: материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. – М., 1997. – С. 29-34.

- 23.** Вул, С.М. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа / С.М. Вул, Е.И. Горошко // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью. – Минск, 1992. – С. 139-141.
- 24.** Вул, С.М. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа / С.М. Вул, А.П. Мартынюк // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. – М., 1987. – С. 105-112.
- 25.** Ганина, В.В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект: На материале англоязычных художественных текстов. дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Ганина Вера Владимировна. – 2005. –199с.
- 26.** Гаталова, М.А. Специфика коммуникативного поведения американского делового человека (гендерный аспект): диссертация ... кандидата Филологических наук: 10.02.04 / Гаталова Мария Андреевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»]. – 2019. – 179 с.
- 27.** Гаранович, М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских : монография / М.В. Гаранович; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – 228 с.
- 28.** Гидденс. Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
- 29.** Глухих, А.Н. Языковые средства создания образов исторических личностей в романах Р.М. Зотова и Б. Акунина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Глухих Анна Николаевна. – Киров, 2017. – 208 с.
- 30.** Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1980. – 104 с.

- 31.** Горошко, Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения: психолингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. – М., 1996. – 27 с.
- 32.** Горошко, Е.И. Теоретическое состояние проблемы половой дихотомии в вербальном поведении / Е.И. Горошко // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. – Кривой Рог, 1997. – С. 24-100.
- 33.** Гридина, Т.А. Стереотипы обыденного сознания в художественном тексте: фразеологические реминисценции в рассказах С. Д. Кржижановского [Электронный ресурс] / Т.А. Гридина. – 2013. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/11320/6028> (дата обращения: 23.11.2022).
- 34.** Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
- 35.** Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с
- 36.** Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 307 с.
- 37.** Демьянков, В.З. Стереотип / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 177.
- 38.** Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35-47.
- 39.** Донцов, А.И. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра / А.И. Донцов, Т.Г. Стефаненко // Социальная психология: хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М., 2008. – С. 170-180.
- 40.** Дусказиева, Ж.Г. Гендерная психология: учеб. пособие / Ж.Г. Дусказиева. – Красноярск, 2010. – 108 с.
- 41.** Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы 19-20 вв. / М.Я. Дымарский. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 284 с.

42. Ерошенко, Т.И. Стереотипы маскулинности и феминности в молодежной среде / Т.И. Ерошенко // Гендер и молодежь: проблемы карьеры и управления персоналом: материалы краевой межвуз. науч.-практ. конф. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2002. – С. 90-96.
43. Ефремов, В.А. Гендерные стереотипы и концептуализация представлений о мужчине и женщине в языковом сознании ребенка / В.А. Ефремов // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 1. – С. 191-199.
44. Ефремов, В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина-женщина»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Ефремов Валерий Анатольевич. – СПб., 2010. – 41 с.
45. Ефремов, В.А. Концептуализация и теория стереотипов / В.А. Ефремов // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. науч. тр. – М.; Тамбов: Ин-т языкознания РАН: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 322-331.
46. Ефремов, В.А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира / В.А. Ефремов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 184 с.
47. Ефремов, В.А. Основы гендерной лингвистики: учеб.-метод. пособие / В.А. Ефремов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 118 с.
48. Залевская, А.А. Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком / А.А. Залевская // Реальность, язык и сознание: межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 1999. – Вып. 1. – С. 4-14.
49. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Ин-т рус. яз. РАН; отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1993. – С. 90-157.
50. Изотова, Н.Н. Культурный код: семиотический аспект / Н.Н. Изотова // Culture and Civilization. – 2020. – Vol. 10, is. 1A. – С. 122-127.
51. Ильина, И.Е. Основные подходы к изучению невербальных средств коммуникации / И.Е. Ильина // Научный альманах. – 2015. – № 3. – С. 211-221

- 52.** Каменева, В.А. Гендерно-обусловленные стереотипы в публицистическом дискурсе: на материале американской прессы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Каменева Вероника Александровна. – Кемерово, 2005. – 252 с.
- 53.** Карасик, В.И. Концепты-регулятивы / В.И. Карасик // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 95-108.
- 54.** Карасик, В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 13-15.
- 55.** Карасик, В.И. Семиотические типы концептов / В.И. Карасик // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4. – С.5-11.
- 56.** Карасик, В.И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики / В.И. Карасик // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2022. – Т. 2, № 3. – С. 61-71. – DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-61-71
- 57.** Карташова, Е.Н. Специфика репрезентации женских образов в прозе В.М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Карташова Елена Николаевна. – Воронеж, 2021. – 18 с.
- 58.** Карташкова, Ф.И., Князева, А.А. Коммуникативное поведение человека в ситуациях флирта (гендерный и семиотический аспекты) / Ф.И. Карташкова, А.А. Князева // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 26-34.
- 59.** Карташкова, Ф.И. [Рецензия] / Ф.И. Карташкова // Вопросы языкознания. – 2006. – N 5. – С. 129-132. - (Критика и библиография). Рец. на кн.: Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с
- 60.** Карташкова, Ф.И. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте / Ф.И. Карташкова // Вопросы психолингвистики. – 2014. № 3 (21). – С.108 – 113.

- 61.** Катермина, В.В. Гендерный стереотип: особенности формирования и функционирования в языке и речи / В.В. Катермина // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XI междунар. науч. конф. – Коломна, 2018. – Вып. 11. – Ч. 1. – С. 71-73.
- 62.** Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126-139.
- 63.** Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.
- 64.** Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. – 189 с.
- 65.** Кирилина, А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кирилина Алла Викторовна. – М., 2000а. – 330 с.
- 66.** Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 252 с.
- 67.** Кирилина, А.В. Категория «gender» в языкознании / А.В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – 1997. – № 2. – С. 51-58.
- 68.** Кирилина, А.В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] / А.В. Кирилина, М.В. Томская // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 12.06.2022).
- 69.** Кирилина, А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании / А.В. Кирилина // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 19-27.
- 70.** Кирилина, А.В. Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России // New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages (Innsbruck, 1-4 October 2014) / Ed. by D.

Scheller-Boltz // Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2015a. – Bd. 59. – S. 33-49.

71. Кирова, А.Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А.Г. Кирова // Вестник ТГПУ. – 2009. – Вып 8 (86). – С. 138-140.

72. Китайгородская, М.В. Вариативность в выражении роду существительных при обозначении женщин по профессии / М.В. Китайгородская // Социально-лингвистические исследования / под ред. Л.П. Крысина, Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1976. – С. 144-155.

73. Клецина, И.С. Самореализация и гендерные стереотипы / И.С. Клецина // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А.А. Реана, Л.А. Коростылевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – Вып. 2. – С. 188-202.

74. Клубков, П.А. Что у голодного на языке? / П.А. Клубков // Славянские чтения. – Даугавпилс-Резекне, 2000. – Вып. I. – С. 224-229.

75. Клюкина, Ю.В. Гендерные стереотипы внешнего портрета человека: на материале русскоязычной и англоязычной художественной прозы начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Клюкина Юлия Викторовна. – Тамбов, 2011. – 175 с.

76. Ключникова, Л.В. Микрополевые структуры художественного текста в системе средств репрезентации концепта "Проявления любви": дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ключникова Лариса Витальевна. – Тверь, 2010. – 150с.

77. Коатс, Дж. Женщины, мужчины и язык / Дж. Коатс // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 31-231.

78. Колшанский, Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2010. – 96 с.

79. Кон, И.С. Пол и гендер. Заметки о терминах / И.С. Кон // Андрология и генитальная хирургия. – 2003. – № 1. – С. 31-34.

80. Коноплева, Н.А. Гендерные стереотипы / Н.А. Коноплева // Словарь гендерных терминов. – М.: Информация-XXI век, 2002. – С. 65.

- 81.** Косяков, В.А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен: на материале СМИ, посвященных войне в Ираке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Косяков Виталий Александрович. – Иркутск, 2009. – 153 с.
- 82.** Коттхофф, Х. Гендерные исследования в прикладной лингвистике / Х. Коттхофф // Гендер и язык. – М.: Наука, 2005. – С. 563-622.
- 83.** Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
- 84.** Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В.В. Красных. – М., 2001. – 269 с.
- 85.** Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- 86.** Крейдлин, Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге II А: дейктические жесты и их типы / Г.Е. Крейдлин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог-2007». – М., 2007. – С. 300-327.
- 87.** Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы / Г.Е. Крейдлин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог-2003», 11-16 июня 2003 г. – М., 2003. – С. 337-345.
- 88.** Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдлин. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 223 с.
- 89.** Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
- 90.** Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 581 с.
- 91.** Крейдлин, Г.Е. Просодика, семантика и прагматика невербального коммуникативного поведения: жесты, позы и знаковые телодвижения женщин и мужчин / Г.Е. Крейдлин // Гендер: язык, культура, коммуникация: тез. докл. Второй междунар. конф. – М., 2001. – С. 16-17.

- 92.** Кремнева, А.В. Интеграция когнитивного и семиотического подходов как логическая закономерность развития теории интертекстуальности / А.В. Кремнева // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2018. – Т. 2, вып. 2. – С. 221-230.
- 93.** Кремнева, А.В. Прецедентное имя как синкретный семиотический знак и его культурная обусловленность / А.В. Кремнева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 46-53.
- 94.** Крысин, Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы / Л.П. Крысин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография / отв. ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 542 с.
- 95.** Кубрякова, Е.С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний: сб. науч.-аналит. обзоров. – М.: ИНИОН, 1992. – С. 4-38.
- 96.** Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997 – 330 с.
- 97.** Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 98.** Кузнецова, Е.А. Образ женщины как гендерный стереотип в британском художественном дискурсе: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Кузнецова Евгения Анатольевна. – Ростов н/Д, 2012. – 148 с.
- 99.** Кулибина, Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Кулибина Наталья Владимировна. – М., 2001. – 328 с.
- 100.** Кульпина, В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В.Г. Кульпина. – М.: Моск. лицей, 2001. – 470 с.

- 101.** Лабунская, В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) / В.А. Лабунская. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1986. – 136 с.
- 102.** Лабунская, В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности / В. А. Лабунская. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 344 с.
- 103.** Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.
- 104.** Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
- 105.** Лучинская, Е.Н. Прецедентные феномены в общественно-политическом дискурсе / Е.Н. Лучинская, Б.С. Кабаньян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6(72), ч. 2. – С. 112-114.
- 106.** Маланина, Е.В. Гендерные стереотипы в лексикографии и проблема их лингводидактической интерпретации в межкультурном диалоге / Е.В. Маланина, М.С. Колесникова // Лингвистические и лингводидактические исследования в контексте межкультурной коммуникации: материалы конф. факультета иностранных языков ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2001. – С. 93-96.
- 107.** Малахаева, С.К. Гендерная идентичность в условиях современного мира [Электронный ресурс] / С.К. Малахаева, А.А. Пашенцева // Молодой ученый. – 2021. – № 23 (365). – С. 474-478. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/365/81861/> (дата обращения: 20.01.2023).
- 108.** Манаенко, Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста / Г.Н. манаенко // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – Вып. 3. – С. 22-32.
- 109.** Манерко, Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л.А. Манерко // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100-118.

- 110.** Манзуллина, З.А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект: на материале русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Манзуллина Зульфия Анваровна. – Уфа, 2005 – 176 с.
- 111.** Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
- 112.** Матвеева, А.А. Прецедентные феномены и стереотипы в лингвокультурном пространстве: точки соприкосновения и расхождения / А.А. Матвеева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26, № 3. – С. 88-94.
- 113.** Мечковская, Н.Б. Семиотика: язык, природа, культура / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2008. – 432 с.
- 114.** Мечковская, Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечковская. – М.: Гранд, 1998. – 352 с.
- 115.** Миллер, Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов / Л.В. Миллер. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2003. – 156 с.
- 116.** Миловидов, В.А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография / В.А. Миловидов. – М.: Буки Веди, 2016. – 172 с.
- 117.** Наер, В.Л. Дискурс и речь: речевое произведение / В.Л. Наер // Сборник научных трудов МГЛУ. – М., 2006. – С. 7-15.
- 118.** Никитина, Е.С. Семиотика / Е.С. Никитина. – М.: Академический проект, 2006. – 540 с
- 119.** Огнева, Е.А. Вербальные маркеры невербального кода в тексте оригинала и перевода / Е.А. Огнева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 2(33): в 2 ч. Ч. 2. – С. 116-118.
- 120.** Олянич, А.В. Лингвосемиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) / А.В. Олянич // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 218-238.
- 121.** Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

- 122.** Павлова, О.В. Типы фрейминга / О.В. Павлова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 8 (15): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 145-147.
- 123.** Пирожкова, И.С. Прецедентное имя как средство репрезентации гендерных стереотипов в политическом дискурсе К. Райс и И. Хакамады / И.С. Пирожкова // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 90-96.
- 124.** Плеханова, Т.Ф. Языковое воплощение принципа диалога в англоязычном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Плеханова Татьяна Федоровна. – Минск, 2009 – 271 л.
- 125.** Поповская, В.Б. Гендерный стереотип: особенности формирования и функционирования в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Поповская Виктория Борисовна. – Краснодар, 2007. – 214 с.
- 126.** Пронина, Е.С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.С. Пронина. – М., 2015. – 203 с.
- 127.** Пушкарева, Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук / Н.Л. Пушкарева // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 15-34.
- 128.** Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
- 129.** Розин, В.М. Визуальная культура и восприятие: как человек видит и воспринимает мир / В.М. Розин. – М.: КомКнига, 2006. – 224 с.
- 130.** Романов, А.А. Аспекты психосемиотики визуальной коммуникации / А.А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научн. журнал. – 2005. – Т. 1, № 1. – С. 1-6.
- 131.** Руднев, В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Руднев Вадим Петрович. – М., 1996. – 47 с.

- 132.** Рябов, О.В. Женщина и женственность в философии серебряного века / О.В. Рябов. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1997. – 160 с.
- 133.** Рябов, О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О.В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.
- 134.** Рябова, Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. Наук: 22.00.04 / Рябова Татьяна Борисовна. – Н. Новгород, 2009. – 45 с.
- 135.** Рябова, Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. V, вып. 1-2 (15-16). – С. 120-139.
- 136.** Савина, Н.А. Вербальные и невербальные средства воздействия в англоязычной рекламе: гендерный аспект : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Савина Наталья Александровна. 2020. –202с.
- 137.** Савицкий, В.М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия / В.М. Савицкий // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 55-62.
- 138.** Самигуллина, А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.02, 10.02.19 / Самигуллина Анна Сергеевна. – Уфа, 2008. – 363 с.
- 139.** Семенова, Д.В. Гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина»: на материале фразеологии английского, русского и кабардинских языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Семенова Даниза Владимировна. – Нальчик, 2006. – 181 с.
- 140.** Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
- 141.** Слышкин, Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота / Г.Г. Слышкин // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: альманах. – М., 2002. – С. 66-73.

- 142.** Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 128 с.
- 143.** Сорокин, Ю.А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий / Ю.А. Сорокин // Общение: теоретические и прагматические проблемы. – М.: ИЯ АН СССР, 1998. – С. 133-138.
- 144.** Степанов, Ю.С. Альтернативный мир: дискурс, факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 35-73.
- 145.** Степанов, Ю.С. Предисловие к книге С.Г. Проскурина «Семиотика индоевропейской культуры»: учебник / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., перераб. и испр. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 234 с.
- 146.** Стефаненко, Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения / Т.Г. Стефаненко // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 242-250.
- 147.** Таценко, М.С. Linguistic representation of nonverbal signs of femininity: fictional discourse // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: материалы междунар. конф. – Пекин, КНР, 2022. – С. 44-48.
- 148.** Таценко, М.С. Вербализация знаков феминности и маскулинности в художественном тексте / М.С. Таценко // Современный ученый. – 2021. – № 3. – С. 181-185.
- 149.** Таценко, М.С. Вербализация понятийных признаков концепта женщина в художественной прозе (синхронно-диахронный подход) / М.С. Таценко // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: межвузовский сборник. – 2021. – № 17. – С. 63-67.
- 150.** Таценко, М.С. Прецедентные имена как средства актуализации знаков феминности и маскулинности в художественном дискурсе / М.С. Таценко //

Modern Humanities Success = Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 1. – С. 125-130.

151. Таценко, М.С. Семиотическая репрезентация концепта «ФЕМИНИННОСТЬ» в художественном дискурсе / М.С. Таценко // Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора Андрея Владимировича Олянича – Волгоград: ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2023. – С. 127-133.

152. Таценко, М.С. Фразеологическая репрезентация гендерного стереотипа маскулинности в русской лингвокультуре / М.С. Таценко // WORLD OF SCIENCE: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Наука и Просвещение, 2023. – С. 140-142.

153. Товкес, М.Ю. Гендерный стереотип как формат знания : на материале русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.12.3. / Товкес Мария Юрьевна. [Место защиты: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» ; Диссовет Д 212.163.ХХ (24.2.344.03)]. – Нижний Новгород, 2023. – 279 с.

154. Трофимова, Е.И. К вопросу о гендерной терминологии / Е.И. Трофимова // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 45-69.

155. Унгер, Р. О редифиниции понятий пол и гендер: монография / Р. Унгер. – М.: АСТ, 2003. – 197 с.

156. Урысон, Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3-21.

157. Уфимцева, Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование / Н.В. Уфимцева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1995. – Т. 54, № 3. – С. 55-62.

158. Фесенко, Э.Я. Теория литературы / Э.Я. Фесенко. – М.: Академический Проект, 2008. – 780 с.

- 159.** Фещенко, В.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства / В.В. Фещенко, О.В. Коваль. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.
- 160.** Фещенко, В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики / В.В. Фещенко // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1. – С. 16-35.
- 161.** Фролова, О.Н. Национально-культурная специфика стереотипа: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Фролова Ольга Николаевна. – М., 2009. – 191 с.
- 162.** Халеева, И.И. Гендер как интрига познания / И.И. Халеева // Гендер как интрига познания: сб. ст. – М.: Рудомино, 2000. – С. 9-18.
- 163.** Халеева, И.И. Гендер как интрига познания / И.И. Халеева // Гендерный фактор в языке и коммуникации / отв. ред. И.И. Халеева. – Иваново, 1999. – С. 5-9.
- 164.** Хачмафова, З.Р. Актуализация концептов «фемининность» и «маскулинность» в художественной картине мира: когнитивно-фреймовый подход / З.Р. Хачмафова, М.С. Таценко // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2021. – Вып. 3 (282). – С. 89-96.
- 165.** Хачмафова, З.Р. Гендерная картина мира в дискурсе женской прозы / З.Р. Хачмафова, Л.М. Середа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2020. – Вып. 1. – С. 72-77.
- 166.** Хачмафова, З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты: на материале русского и немецкого языков / З.Р. Хачмафова. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – 290 с.
- 167.** Хачмафова, З.Р. Концептуальная направленность женской прозы / З.Р. Хачмафова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2009. – Вып. 2. – С. 212-216.

- 168.** Чернова, С.В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ / С.В. Чернова // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Междунар. конф., 5-7 октября 2011 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. – С. 9-24.
- 169.** Чернова, С.В. Художественный образ: к определению понятия / С.В. Чернова // Вестник ВятГУ. – 2014. – № 6. – С. 109-116.
- 170.** Чурилина, Л.Н. Концепт как элемент картины мира языковой личности и текста: пути реконструкции / Л.Н. Чурилина // Проблемы лингвистической семантики: межвуз. сб. науч. работ. Вып. 2. – Череповец: Изд-во ЧТУ, 2001. – С. 82-96.
- 171.** Шаховский, В.И. Эмоции: долилингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2013. – 128 с.
- 172.** Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
- 173.** Athenstaedt, Ursula, Alfermann, Dorothee: Geschlechterrollen und ihre Folgen. Eine sozialpsychologische Betrachtung. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag. – 2011. – 240 S.
- 174.** Ashmore, R.D. Sex Stereotypes and Implicit Personality Theory: Toward a Cognitive-social Psychological Conceptualization / R.D. Ashmore, F.K. Boca // Sex Roles. – 1979. – Vol 5. – S. 219-248.
- 175.** Basow, S. A. Gender stereotypes and roles. – Pacific Grove, 1992.
- 176.** Butler, Judith P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. NY: Routledge, 1990. 172 p.
- 177.** Butler, Judith P. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex». NY; London: Routledge, 1993. – 256 p.
- 178.** Butler, Judith P. Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen des Geschlechts. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. – 385 s.

- 179.** Cameron, D. *Feminism and linguistic theory* / D. Cameron. – L.: McMillan Press Ltd., 1992. – 247 p.
- 180.** Coates, J. *Language, Gender and Career* / J. Coates // *Language and Gender. Interdisciplinary Perspectives.* – N. Y., 1995. – P 13-30.
- 181.** Deaux, K. *Structure of gender stereotypes: Interrelationships among components and gender label* [Electronic resource] / K. Deaux, L.L. Lewis // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1984. – N 46(5). – P. 991-1004. – Access mode: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.5.991>.
- 182.** Eckes, T. *Geschlechtsstereotype: Von Rollen, Identitäten und Vorurteilen* / T. Eckes // *Handbuch Frauen- und Geschlechterforschung. Theorie, Methoden, Empirie* / Hrsg. R. Becker, B. Kortendiek. – Wiesbaden, 2010. – P. 178-189.
- 183.** Goddard, A. *Language and gender* / A. Goddard, L.M. Patterson. – L.: Routledge, 2000. – 122 p.
- 184.** Hannover, B. *Geschlechterrollen* / B. Hannover // *Handbuch der Sozialpsychologie und Kommunikationspsychologie* / Hrsg. H.-W. Bierhoff, D. Frey. – Göttingen: Hogrefe Verlag, 2006. – Bd. 3. – S. 464-470.
- 185.** Hannover, B. *Geschlechtsstereotype: wie sie entstehen und sich auswirken* [Electronic resource] / B. Hannover, Wolter, I. // *Handbuch Interdisziplinäre Geschlechterforschung. Geschlecht und Gesellschaft* / eds. by B. Kortendiek, B. Riegraf, K. Sabisch. – Springer VS, Wiesbaden, 2017. – Vol. 65. – Access mode: https://doi.org/10.1007/978-3-658-12500-4_16-1
- 186.** Hill, A. *Introduction to Linguistic Structures* / A. Hill. – N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1958. – P. 496.
- 187.** Jespersen, O. *The Woman* / O. Jespersen // *The Feminist Critique of Language.* – L., 1998. – P. 225-241.
- 188.** Katz, D., Braly K. *Racial Stereotypes in One Hundred College Students* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1933, Vol.28, p.288-289.
- 189.** Kotthoff, H. *Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien* / H. Kotthoff // *Der Deutschunterricht.* – 1996. – N 1. – S. 9-15.

- 190.** Lakoff, R. Language and Women's Place / R. Lakoff // Language in Society. – Cambridge, 1973. – N 2. – P. 45-79.
- 191.** Matsumoto, D. Culture and Psychology / D. Matsumoto, L. Juang. – N.Y.: Cengage, 2012. – 544 p.
- 192.** Peirce, Ch. S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Harvard University Press, vol. 1-6, 1931-1935; vol. 7-8, 1958.
- 193.** Petersen, L.-E. Stereotype / L.-E. Petersen, I. Six-Materna // Handbuch der Sozialpsychologie und Kommunikationspsychologie / Hrsg. D. Frey, W. Bierhoff. – Göttingen: Hogrefe, 2006. – S. 430-436.
- 194.** Prentice, D.A. What women and men should be, shouldn't be, are allowed to be, and don't have to be: the contents of prescriptive gender stereotypes [Electronic resource] / D.A. Prentice, E. Carranza // Psychology of Women Quarterly. – 2002. – N 26(4). – P. 269-281. – Access mode: <https://doi.org/10.1111/1471-6402.t01-1-00066>
- 195.** Pusch, L. Das Deutsche als Männersprache / L. Pusch // Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. – Frankfurt am Main, 1983. – S. 9-17.
- 196.** Pusch, L. Alle Menschen werden Schwestern / L. Pusch. Frankfurt am Main, 1990. – 245 S.
- 197.** Samel, I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft / I. Samel. – Berlin, 1995. – 224 s.
- 198.** Scheller-Boltz, D. The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics. Georg Olms Verlag Hildesheim. Zürich - New York, 2017. –251 P.
- 199.** Tannen, D. The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance / D.Tannen // Gender and Conversational Interaction. New York, 1994. P. 19-52.
- 200.** Troemel-Ploetz, S. Feminismus und Linguistics / Troemel-Ploetz, S. // Feminismus. Inspektion einer Herrenkultur. – Frankfurt am Main, 1983. – P. 33-51.
- 201.** Wodak, R. Sprachliche Gleichbehandlung von Frau und Mann: linguistische Empfehlungen zur sprachlichen Gleichbehandlung von Frau und Mann

im öffentlichen Bereich; (Berufsbezeichnungen, Titel, Anredeformen, Funktionsbezeichnungen, Stellenausschreibungen) / R. Wodak – Wien: Bundesministerium für Arbeit und Soziales, 1987. – 66 S.

Словари, справочники, энциклопедии

202. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

203. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar>

204. Большой толковый социологический словарь (Collins): пер. с англ. Т. 1: А-О. – М.: Вече: АСТ, 1999. – 544 с.

205. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

206. Большая энциклопедия по психиатрии / В. А. Жмуров. – 2-е изд. – М.: Джангар, 2012. – 864 с.

207. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar>

208. Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание: более 5000 психологических терминов и понятий / [А. Б. Альмуханова и др.]. – Москва: Эксмо, 2007. – 542

209. Жмуров, В.А. Большая энциклопедия по психиатрии / В.А. Жмуров. – 2-е изд. – М.: Джангар, 2012. – 864 с.

210. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.]; под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

211. Малый академический словарь русского языка, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/mas/%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BA%D0%B0>

- 212.** Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
- 213.** Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
- 214.** Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 672 с.
- 215.** Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>.
- 216.** Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/
- 217.** Словарь ассоциаций русского языка Sociation.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sociation.org/>
- 218.** Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
- 219.** Тришин В.Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/240167/%D1%84%D0%B5%D0%BС%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
- 220.** Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7696>
- 221.** Фоли, Дж. Энциклопедия знаков и символов: пер. с англ. / Дж. Фоли. – М.: Вече, 1997. – 509 с.
- 222.** Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vasmer.slovaronline.com/3822-ZHENA>
- 223.** Buchstaben.com. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.buchstaben.com/>

- 224.** Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.dwds.de/>.
- 225.** Dorsch - Lexikon der Psychologie. [Electronic resource]. – Access mode: <https://dorsch.hogrefe.com/>
- 226.** PRO. Biologe Scherer: «Fortpflanzungsbiologen unterscheiden zwei Geschlechter – und zwar genau zwei» [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.pro-medienmagazin.de/biologie-scherer-wie-viele-geschlechter-gibt-es/>
- 227.** Wörterbuch der deutschen Sprache Duden Online. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.duden.de/>
- 228.** Woxikon. Online Synonym-Wörterbuch. [Electronic resource]. – Access mode: <https://synonyme.woxikon.de/>